

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1891.

№ 20.

ОКТАБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Рѣчь Благочестивѣйшему ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕНСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ, произнесенная при посѣщеніи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ Спасова Скита 21-го Октября. Преосвященнаго *Амеросія* 1—2

Слово, произнесенное въ Спасовомъ Скиту 17 Октября. О христіанскомъ уединеніи. Преосвященнаго *Амеросія* 429—445

Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Новороссійскаго Университета *В. Надлера* 446—474

Очеркъ православнаго Церковнаго права (продолженіе). Профессора *М. А. Остроумова* (въ особомъ приложеніи). 209—240

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:

Изъ чтеній по космологіи. Происхожденіе міра (продолженіе). Профессора Московской Духовной Академіи *В. Кудрявцева-Платонова* 327—346

„Законъ жизни“ проф. Мечникова. *Д—ра М. Глубоковскаго* 347—355

О благодѣяніяхъ («De Beneficiis»). Л. Аннея Сенени къ Збуцію Либералію (продолженіе). * * 356—364

III. ЛИСТОКЪ ДЛѢ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Журналы Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 19 сентября сего 1891 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія в замѣткѣ.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1891.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ № Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени» на Екатеринолавской улицѣ, въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московскои ул. и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Щечковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая ул., Гостинный Дворъ, № 45 и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Октября 1891 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

Р Ъ Ч Ъ

Благочестивѣйшему ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ
АЛЕКСАНДРОВИЧУ,

произнесенная Амвросіемъ, Архіепискомъ Харьковскимъ,

при посѣщеніи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ Спасова скита

21-го Октября.

Благочестивѣйшій Государь!

Ты прибылъ сюда взглянуть на мѣсто спасенія Твоего отъ великой опасности, и здѣсь на этомъ самомъ мѣстѣ принести благодареніе Богу за явленное Тебѣ и Семейству Твоему чудо милости и промышленія Божія. Мы радуемся возможности помолиться вмѣстѣ съ Тобою.

Но вотъ Господь послалъ новое испытаніе Тебѣ и намъ въ скудости хлѣба во многихъ мѣстностяхъ Твоего великаго Царства. Ты подвизаешься въ дѣлѣ благотворенія нуждающимся. Въ народѣ Твоемъ имущіе, поощряемые Твоимъ примѣромъ, съ усердіемъ помогаютъ неимущимъ; а эти послѣдніе переносятъ бѣдствіе съ покорностію волѣ Божіей.

Но, если Ты въ духѣ вѣры въ обращеніи Твоемъ къ народу чудо спасенія Твоего приписалъ молитвѣ его за

Тебя; то и мы вѣруемъ, что, какъ въ древности Богъ благословлялъ миромъ и благоденствіемъ народъ Израильскій за благочестіе Царей его, такъ и насъ за благочестіе Царя нашего Онъ не оставитъ долго страдать отъ скудости хлѣба насущнаго.

СЛОВО

произнесенное Пресвященнымъ Амвросіемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ,
въ Спасовомъ Скиту 17 Октября.

О христіанскомъ уединеніи.

*И слышавъ Іисусъ, отыде оттуду въ корабли
въ пусто мѣсто единъ. (Мат. 14, 13).*

Это удаленіе Іисуса Христа отъ народа въ пустынное мѣсто, по сказанію Евангелиста Матѳея, послѣдовало по полученіи извѣстія о мученической кончинѣ святаго Іоанна Крестителя. Евангелистъ не говоритъ, какія побужденія имѣлъ Господь удалиться въ пустыню по полученіи этой горестной вѣсти. Чувствовалъ ли онъ потребность оплакать безъ свидѣтелей разлуку съ сродникомъ, «ближнимъ другомъ своимъ» (по выраженію церковному) и избраннымъ сотрудникомъ въ великомъ дѣлѣ спасенія челоѳчества; размышлялъ ли Онъ въ уединеніи о томъ, что Его Предтеча уже совершилъ свое теченіе и что Ему самому вскорѣ предстоитъ вступить въ подвигъ крестныхъ страданій и смерти; просилъ ли Себѣ помощи и подкрѣпленія,—это вѣдомо Ему единому и Отцу небесному. Для нашего же размышленія и назиданія довольно одного указанія Евангелиста на это удаленіе Господа отъ людей въ минуты

великой скорби. Если сопоставимъ это указаніе св. Маттея съ другимъ, сдѣланнымъ св. Маркомъ въ слѣдующихъ словахъ: «утромъ, вставъ весьма рано, вышелъ и удалился въ пустынное мѣсто, и тамъ молился» (Мар. 1, 35),—мы придемъ къ мысли, что Господь имѣлъ обычай уединяться для молитвы и неразлучнаго съ нею размышленія.

Казалось бы, что Ему не могло быть въ этомъ особенной нужды. Онъ неоднократно молился при народѣ въ слухъ всѣхъ (Мат. 11, 25. Іоан. 12, 28. 17, 1—26); Онъ молился внутренно въ присутствіи народа и свидѣтельствовалъ, какъ предъ воскрешеніемъ Лазаря, что этой молитвѣ внимлетъ Отецъ Его Небесный: *Азъ вѣдѣхъ, яко всегда Мя послушаеши* (Іоан. 11, 42). Ему не было нужды, какъ намъ, собираться съ мыслями и обдумывать что либо въ уединеніи: Его умъ всегда былъ преисполненъ божественной истины, сердце любви и уста живоноснаго слова. Тысячи народа, съ утра до ночи его окружавшія, могли утомлять Его, но не отвлекать, какъ насъ, при исполненіи нашихъ обязанностей, такъ какъ всѣ отношенія Его къ народу составляли цѣльное и непрерывное дѣйствованіе для блага и спасенія людей. И однако же Онъ уединялся. Не есть ли это указаніе на особенное значеніе уединенія для нравственной жизни человѣка, когда Богочеловѣкъ находилъ его для Себя нужнымъ? Безъ сомнѣнія, Церковь Христова всегда признавала великое значеніе уединенія и ввела его въ христіанскій міръ въ различныхъ видахъ,—въ совершенномъ удаленіи отъ міра—пустынниковъ и подвижниковъ, въ сокровенномъ житіи монаховъ, въ келейныхъ занятіяхъ ученыхъ и созерцателей, и, наконецъ, въ тихой и скромной жизни христіанскихъ семействъ. О всѣхъ этихъ видахъ уединенія и ихъ важности въ нравственной

жизни учителя церкви преподали намъ многочисленныя наставленія и глубокія указанія.

Въ наше время есть особенныя причины возстановлять въ памяти вѣрующихъ это ученіе о христіанскомъ уединеніи. Во-первыхъ, въ числѣ нападокъ многихъ новыхъ ученыхъ людей на различныя христіанскія правила и обычаи, и уединеніе подвергается нареканіямъ и порицанію. Даже образовалось цѣлое философское ученіе о томъ, что уединеніе рѣшительно убиваетъ силы человѣка, стѣсняетъ кругозоръ его мысли и знанія, и вообще лишаетъ его надлежащаго развитія. Во-вторыхъ, въ современной общественной жизни образовались особыя учрежденія, намѣренно противопоставленныя уединенію и домашнему препровожденію времени, каковы клубы и другія общественныя собранія, частое посѣщеніе которыхъ даже вмѣняется въ обязанность современному образованному человѣку; а общественныя увеселенія, получившія также значеніе постоянныхъ учрежденій, представляютъ трудно побѣждаемый соблазнъ и для такихъ людей, которымъ нужно для успѣха въ своемъ развитіи не отдохновеніе въ развлеченіи, а умственный трудъ въ уединеніи. При правильномъ изложеніи христіанскаго ученія объ уединеніи обозначатся и невѣрность сужденій, отрицающихъ его, и истинное значеніе учрежденій, противопоставляемыхъ уединенію.

Что такое христіанское уединеніе?—Оно есть намѣренное и сознательное удаленіе отъ людей и общественныхъ отношеній по внутреннимъ потребностямъ духа человѣческаго.

Матеріалисты причисляютъ родъ человѣческой къ разряду «стадныхъ животныхъ», т. е. живущихъ не порознь, а обществами, каковы: пчелы, муравьи, бобры, перелетныя птицы и пр. Они говорятъ, что какъ эти

животныя только въ своей общественной жизни развиваютъ вполнѣ всѣ свои инстинкты, удивляющіе насъ своею разумностію и цѣлесообразностію: такъ и люди только въ обществѣ заимствуютъ побужденія, цѣли и средства для полнаго развитія своихъ разнообразныхъ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ. Въ этомъ взглядѣ вѣрно то, что человѣкъ, совершенно удаленный отъ общества, дѣйствительно останавливается въ своемъ развитіи, внутренно замираетъ, и даже теряетъ даръ слова, чѣмъ и доказывается, что онъ предназначенъ жить и дѣйствовать въ обществѣ себѣ подобныхъ. Но невѣрно то, что онъ исключительно только въ обществѣ можетъ развиваться до полнаго доступнаго ему совершенства. Величайшая разница между человѣкомъ и животнымъ состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что люди по своимъ свойствамъ и способностямъ не всѣ похожи другъ на друга до совершеннаго однообразія, какъ животныя, а различаются между собою особыми дарованіями и различными видами призванія къ той или другой дѣятельности, такъ что отдѣляясь отъ общества, по необходимости объединяются въ особыя кружки, какъ ученые, художники, ремесленники и пр. Во-вторыхъ, человѣку не положено предѣла развитія, какъ животному, только до полнаго обнаруженія инстинктовъ, свойственныхъ его породѣ, а открыто поприще усовершенствованія безъ конца. По этому во всякомъ родѣ дѣятельности люди, превосходя другъ друга силами и способностями, опережаютъ и обгоняютъ одинъ другаго, такъ что общество или среда, имѣющія извѣстный общій уровень своего развитія, могутъ не содѣйствовать, а задерживать людей, отмѣченныхъ особыми дарованіями. Въ-третьихъ, наконецъ, животныя движутся въ развитіи своихъ силъ неотразимымъ закономъ необходимости и всѣ выливаются въ одну форму, а человѣкъ, хотя позывается

и нудится своею природою къ дѣятельности, но по своей свободѣ можетъ и противиться ей въ томъ или другомъ отношеніи; можетъ понуждать себя къ дѣятельности и отказываться отъ нея; можетъ совершенствоваться, а можетъ и исказить себя. Всѣ эти особенности природы человѣческой раздѣляютъ дѣятельность человѣка на два вида, — общественную и личную, обособленную или, что то же, уединенную.

Отмѣтимъ особыя черты и условія дѣятельности человѣческаго духа, требующія уединенія.

Прежде всего требуетъ уединенія дѣятельность разума. У животнаго инстинкты возникаютъ изъ его природы готовые со всѣми особенностями, свойственными его породѣ, и неотразимо подчиняютъ себѣ всю его дѣятельность. Человѣкъ, имѣя нѣкоторыя природныя предрасположенія къ той или другой дѣятельности, самый родъ дѣятельности можетъ избирать самъ лично, иногда и не угадывая природнаго призванія; начинаетъ и продолжаетъ дѣло свое свободно, хотя и получаетъ иногда побужденія и поощренія извнѣ. Притомъ, всѣ внѣшнія побужденія могутъ имѣть значеніе только при самодѣятельности человѣка; безъ нея самыя сильныя побужденія, даже наказанія, останутся бесполезными истязаніями. Вслѣдствіе этого, чтобы человѣкъ работалъ, надобно предрасположить его къ извѣстному труду, объяснить его пользу и сдѣлать его желательнымъ. Здѣсь-то и начинается собственно человѣческая дѣятельность, требующая внутренняго свободнаго возбужденія ума, вниманія, сосредоточенности, прилежанія и терпѣнія. Все это и достигается вполнѣ только въ уединеніи, а не на рынкѣ, не въ шумѣ толпы, не въ суетѣ общественной жизни. Это понимаетъ и разумный школьникъ, который уходитъ отъ семьи въ уединенную комнату, чтобы основательнѣе приготовить свой урокъ. Это наи-

лучшимъ образомъ понимаютъ ученые и художники, тщательно производящіе свои работы, требующія напряженія ума и продолжительнаго размышленія. Они преимущественно, когда любятъ свое дѣло, любятъ и уединеніе до совершеннаго отчужденія отъ шумныхъ развлеченій, и изъ своего уединенія выносятъ на пользу общества свои глубокомысленные и обширные ученые труды и изящныя художественныя произведенія. Подумаемъ, не отъ того ли между прочимъ у насъ всюду замѣчается между образованными людьми необыкновенная легкость, поверхностность и непоследовательность въ сужденіяхъ, что умы не получаютъ надлежащей выдержки и глубины мышленія въ кабинетныхъ занятіяхъ? Не отъ того ли наша свѣтская литература по предметамъ высшаго отвлеченнаго знанія скудна самостоятельными произведеніями, а довольствуется переводами и компиляціями, что современные ученые мало удѣляютъ времени на уединенные труды и слишкомъ много на общественныя собранія и развлеченія? Не отъ того ли нашихъ образованныхъ людей такъ трудно заставить тщательно и самостоятельно изслѣдовать спорные религіозные вопросы, а не увлекаться чужими мнѣніями, что они привыкли новыя мысли схватывать на лету и съ чужихъ словъ, не имѣя терпѣнія провѣрить ихъ изученіемъ предмета и собственнымъ размышленіемъ? Не отъ того ли въ личныя воззрѣнія каждаго изъ насъ и въ нашу внутреннюю жизнь набирается больше пустыхъ и легкомысленныхъ сужденій, бродящихъ въ обществѣ разсѣянныхъ людей, чѣмъ изъ нашей самостоятельной умственной работы исходитъ въ это самое общество вѣрныхъ взглядовъ и разумныхъ убѣжденій, способныхъ отрезвить его и приучить къ правильной оцѣнкѣ произведеній современныхъ проповѣдниковъ всякой лжи по вопросамъ нравственнымъ и религіознымъ?

Чрезвычайно важное значеніе въ развитіи духа человѣческаго имѣеть *сознаніе* и *самосознаніе*, т. е. отчетливое пониманіе того, что мы дѣлаемъ, и какими оказываемся въ томъ, или другомъ родѣ нашей дѣятельности. Эта способность видѣть себя въ извѣстномъ положеніи, наблюдать за собою, замѣчать свои ошибки и поправлять себя, эта способность есть свойство чисто человѣческое, которое имѣютъ только разумно-свободные духи, а никакъ не животныя. Дѣятельность нашего сознанія есть болѣе или менѣе пристальный взглядъ, или внимательное смотрѣніе внутрь себя и наблюденіе за всѣми отправленіями своей духовной жизни,—мыслями, чувствованіями и желаніями; между тѣмъ какъ обращеніе къ другимъ людямъ, или къ обществу есть смотрѣніе на предметы, находящіеся внѣ насъ, и наблюденіе за внѣшнею жизнію. Эта двойная дѣятельность наша дѣлаетъ насъ похожими на людей наблюдающихъ за тѣмъ, что дѣлается въ ихъ домѣ, или смотрящихъ въ окно на то, что дѣлается на улицѣ. Понятно, что только тотъ можетъ держать внутри своего дома все въ порядкѣ и опрятности, кто постоянно обращаетъ на это должное вниманіе, а не тотъ, кто не отходитъ отъ окна. Отсюда видно, что для того, чтобы мы могли имѣть ясное сознаніе о своей внутренней дѣятельности, мы должны постоянно углубляться въ себя. Это есть *внутреннее уединеніе*, которое возможно и въ обществѣ, но на короткое время и мимоходомъ, но которое въ полномъ своемъ видѣ возможно только въ частомъ и болѣе или менѣе продолжительномъ удаленіи отъ общества. Мы должны слѣдить за собою не только въ томъ, что дѣлаемъ сейчасъ, но обсуждать и то, что дѣлали прежде, и что намѣрены дѣлать впередъ. Намъ надобно вспоминать и то, что было съ нами не только въ послѣдніе дни, но и въ пред-

шествовавшіе годы. Для нашего правильнаго развитія мало перелистывать въ своемъ воспоминаніи книгу нашей прошедшей жизни, но нужно углубляться въ нее, чтобы рѣшить, какими мы были прежде, какими стали теперь, и какими, судя по прибрѣтеннымъ нами навыкамъ, будемъ впередъ. Здѣсь выступаетъ на поприще внутренней нашей дѣятельности особый видъ сознанія, называемый *совѣстію*, которая оцѣниваетъ наши поступки по законамъ нравственнымъ, судить и оправдываетъ, или осуждаетъ насъ, ободряетъ и утѣшаетъ, или повергаетъ насъ въ состояніе скорби и печали. Это трудная и сложная работа, которая не можетъ быть успешно совершаема въ шумѣ общественной жизни. Кромѣ напряженія ума она требуетъ и участія сердца. Многія событія нашей прошедшей жизни надобно будетъ строго обсудить, но сверхъ того надъ многими придется остановиться и поплакать, чего нельзя дѣлать на улицѣ. Отсюда ясно, что чѣмъ чаще и больше развлекаетъ и волнуетъ насъ жизнь на—людяхъ, или общественная, тѣмъ больше она держитъ насъ *внѣ себя* и отвлекаетъ отъ внутренняго самонаблюденія; а напротивъ, чѣмъ чаще мы съ усиліемъ отрываемся отъ лишнихъ развлеченій общественной жизни, тѣмъ больше остаемся *дома*, какъ въ смыслѣ внѣшняго уединенія въ своихъ жилищахъ, такъ и въ смыслѣ уединенія внутренняго въ глубинѣ своихъ душъ и сердець, и слѣдовательно становимся тѣмъ болѣе рачительными домохозяевами въ благоустроеніи своей внутренней жизни. Вращаясь постоянно въ свѣтѣ, и живя для свѣта, мы ставимъ успѣхи въ свѣтѣ цѣлію своей жизни, а углубляясь чаще въ себя, мы ставимъ цѣлію свое истинное усовершенствованіе въ умноженіи полезныхъ познаній и въ развитіи нравственныхъ силъ. Что здѣсь важнѣе, и въ чемъ состоитъ наше истинное благо,—это ясно само собою.

Но, восходя выше въ изображеніи нашей внутренней жизни, мы, какъ христіане, должны вспомнить, что наше истинное назначеніе есть стремленіе къ общенію съ Богомъ, приближеніе къ Нему созерцаніемъ ума и любовію сердца. Это направленіе должно увлекать насъ въ глубочайшее уединеніе, какъ внутреннее, состоящее въ самоуглубленіи, такъ и внѣшнее, состоящее въ плесообразномъ уклоненіи отъ общества. Жизнь въ Богѣ превыше всякаго земнаго блага; слѣдовательно, чтобы стремиться къ Нему съ большою горячію, надобно смотрѣть на все внѣшнее, временное съ большимъ равнодушіемъ. Чтобы взирать къ Нему чистыми очами ума и сердца, нужно освобождать умъ и воображеніе отъ образовъ внѣшнихъ—пустыхъ, безсодержательныхъ, и тѣмъ болѣе нечистыхъ, а сердце отъ пристрастій къ благамъ внѣшнимъ, къ наслажденіямъ чувственнымъ, и тѣмъ болѣе порочнымъ. Чтобы слышать призывающій гласъ Его, нужна глубокая внутренняя тишина и спокойствіе духа. Это чистое и свободное устремленіе души къ Богу Іисусъ Христосъ ясно представилъ намъ въ образѣ уединенной молитвы: *ты же егда молишия, вниди въ келью (комнату) твою, и затворишь двери твоя, помолися Отцу своему иже въ тайнѣ, и Отець твой, видя въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явнѣ* (Мат. 6, 6.). Съ молитвою неразлучно размышленіе о Богѣ и вѣчности, о нашей немощи и необходимости для насъ постоянной помощи благодати Божіей, о нашемъ недостойнствѣ и Божіемъ милосердіи и долготерпѣніи, что все вмѣстѣ святыя отцы наши назвали *Богомыслиемъ*, отмѣтивъ этимъ словомъ всѣ уединенныя духовныя упражненія, включая сюда и благочестивое чтеніе. А въ словѣ Спасителя, что Отець нашъ небесный, видя эти тайныя занятія, воздастъ намъ явнѣ, — прежде всего нужно разумѣть духовныя успѣхи

и совершенства приобретаемыя въ этомъ внутреннемъ дѣланіи, которыя истинный христіанинъ выноситъ изъ своей кѣлти въ общество, какъ свѣтъ, какъ совершенство, какъ духовныя отличія, выдѣляющія его изъ среды людей мірскихъ и приобретающія ему истинное уваженіе и нетлѣнную славу.

Теперь прослѣдимъ значеніе уединенія въ указанныхъ нами видахъ, хранимыхъ православною церковію.

Высшій изъ нихъ есть уединеніе подвижниковъ и пустынниковъ. Нынѣ многіе мыслители возстаютъ противъ этого совершеннаго отшельничества, называя его безплоднымъ отчужденіемъ отъ трудовъ и удобствъ общественной жизни и сравнивая съ самоистязаніями индійскихъ факировъ. Причина такихъ отзывовъ заключается въ незнаніи истиннаго значенія христіанскаго подвижничества. Оно есть совершенное и рѣшительное устремленіе духа, руководимаго благодатію Божіею къ Богу и міру духовному, съ отчужденіемъ отъ всего міра земнаго. Дѣятельность этихъ искателей высшаго христіанскаго совершенства состоитъ въ искорененіи въ себѣ всѣхъ остатковъ грѣха, въ уразумѣніи и отраженіи всѣхъ козней враговъ нашего спасенія, въ борьбѣ съ ними по Апостолу грудь съ грудью и лицомъ къ лицу (Еф. 6. 12), въ молитвѣ, объемлющей весь міръ любовію, и въ ходатайствѣ за спасеніе всѣхъ людей; а достигаемая ими совершенства: безстрастіе, глубочайшая духовная опытность, прозорливость, пророчества, чудотворенія, сила молитвы, спасающей отъ бѣдствій цѣлыя народы и царства, и наконецъ, ощущеніе въ брѣнномъ тѣлѣ, по Апостолу, силъ будущаго вѣка (Евр. 6, 5), или радостей жизни небесной. Чего эти рабы Божіи ищутъ, и что получаютъ, это совершенно не понятно для людей плотскихъ, и мало понятно даже для начинающихъ съ усердіемъ трудиться для царствія Бо-

жія. Это объяснилъ намъ одинъ древній подвижникъ въ отвѣтъ ученику своему. «Скажи, отче, говорилъ ученикъ, что ты чувствуешь, когда молишься, и плачешь, и восторгаешься?»—Сынъ мой, отвѣчалъ старецъ, можно ли объяснить слѣпому, что такое свѣтъ? Можно ли дать понять вкусъ меда тому, кто его не пробовалъ? Испытай, и узнаешь.—Такъ не догадки и разсужденія, а только собственный духовный опытъ можетъ дать намъ понять истинный смыслъ этой жизни отшельнической.

Но намъ болѣе извѣстны монастыри, больше слышимъ и нападокъ на нихъ. Не станемъ защищать то, чего оправдать нельзя. Но въ порицаніяхъ современной монастырской жизни замѣчается одна весьма важная ошибка, которая видна и въ сужденіяхъ о современномъ духовенствѣ, именно: порицая наличный составъ дѣйствующихъ и служащихъ лицъ, порицаютъ и отрицаютъ достоинство и самыхъ учрежденій, къ которымъ они принадлежатъ. Съ порицаніемъ духовныхъ лицъ возстаютъ противъ самаго установленія въ церкви духовенства, составляющаго неотъемлемую часть церкви; порицая монаховъ, отрицаютъ и потребность для церкви монастырей, этихъ исконныхъ принадлежностей истинной церкви. Что дѣлаютъ, и чего ищутъ отшельники въ совершенномъ удаленіи отъ обществъ человѣческихъ, то же дѣлаютъ и того же ищутъ и монахи въ монастыряхъ, объединяясь среди міра въ братскія общины съ цѣлю молиться и трудиться для своего спасенія въ братскомъ единодушіи, при взаимной другъ другу помощи, при взаимномъ поощреніи и утѣшеніи въ подвигахъ духовныхъ. Высокое нравственное и общественное значеніе нашихъ монастырей извѣстно изъ тысячелѣтней исторіи нашего отечества; но кто можетъ сказать, что и нынѣ нѣтъ въ нихъ ис-

тинныхъ подвижниковъ, когда они не бываютъ замѣтны для міра, по свойственному имъ смиренію, покрывающему подвигъ духовный? Кто, кромѣ враговъ нашей церкви, можетъ сказать, что и теперь монастыри стоятъ напрасно, когда мы видимъ своими глазами, какъ непрерывно и тщательно совершаемое въ нихъ богослуженіе и внѣшнее благочиніе привлекаетъ въ нихъ милліоны православнаго народа, находящаго въ нихъ нравственное подкрѣпленіе и утѣшеніе? Это центры, къ которымъ стремится и гдѣ сосредоточивается религиозное чувство народа, и откуда оно разливается по городамъ, деревнямъ и семьямъ. Порицателей монастырей можно спросить: откуда происходятъ монахи? Въ монастыряхъ они не рождаются, а собираются изъ христіанскихъ семействъ. Но при современномъ упадкѣ истинно-христіанскаго воспитанія въ семьяхъ мало оказывается вынѣ тѣхъ ревнителей христіанскаго подвижничества, которые оставляли и родителей, и сродниковъ, и богатство, и блестящее общественное положеніе, и бѣжали отъ суеты мірской въ тихія обители для безпрепятственнаго служенія Богу. Итакъ, строго осуждая слабыхъ монаховъ, не касайтесь своимъ глумленіемъ самаго монашества, а желайте монахамъ помощи Божіей въ нравственномъ преуспѣяніи согласно съ ихъ назначеніемъ. Затѣмъ возьмите долю монастырскихъ недостатковъ на себя, отпуская въ монастыри изъ міра людей, которыхъ вы сами разслабили современными противохристіанскими обычаями и пороками. По слову Апостола Іакова вмѣсто осужденія *молитесь другъ за друга, яко да исцѣлите.* (Іак. 5, 16).

Уединеніе ученыхъ и созерцателей въ христіанскихъ народахъ должно имѣть тотъ же характеръ сокровеннаго служенія Богу и стремленія къ нравственному совершенству. Ученые изслѣдуютъ истины, со-

зерцатели, или художники ищутъ красоты въ твореніяхъ Божіихъ и стремятся чистую умопостигаемую красоту воплотить въ своихъ творческихъ произведеніяхъ. Но истина и красота — два пути, ведущіе къ Богу. Первая ведетъ къ Нему, какъ къ самой истинѣ и источнику вѣдѣнія, вторая ведетъ къ Нему же, какъ къ самой красотѣ всесовершенной и источнику всякой красоты созданной. Первая даетъ успокоеніе уму въ божественномъ вѣдѣніи, вторая успокоеніе сердцу въ мирномъ, чистомъ наслажденіи, въ ощущеніи любви Божіей и въ вѣяніи Его благодати. Ученый и художникъ такого направленія—тѣ же отшельники, какъ и пустынники. Внутренняя напряженная дѣятельность духа есть ихъ дѣланіе, замѣняющее умерщвленіе плоти; и чтобы быть на прямомъ пути къ царствію Божію, имъ нужно только вѣнчать свои духовные труды молитвою, для непосредственнаго общенія съ Богомъ. Здѣсь открываются основанія той склонности къ уединенію, которая отличаетъ ученыхъ и художниковъ христіанскаго направленія, и источникъ тѣхъ тихихъ радостей, которыя для нихъ выше шумныхъ развлеченій свѣта. Сосредоточенность ума, устраняющая суетные помыслы, миръ сердца, закрытаго для страстныхъ волненій и вожделѣній, успѣхи, достигаемые въ занятіяхъ, дѣлаютъ ихъ труды до того пріятными, что только поздняя ночь и утомленіе вынуждаютъ ихъ оставлять работу. Изъ этихъ келлій вышли великія произведенія христіанскихъ богослововъ, философовъ и естествоиспытателей, высокія пѣснопѣнія церковныхъ и вообще христіанскихъ поэтовъ и картины живописцевъ.

Но иное мы видимъ въ расположеніи духа и въ трудахъ ученыхъ и художниковъ, когда они, занимаясь изученіемъ природы и изображеніемъ красоты, остано-

вливаются на половинѣ дороги, теряя высшую цѣль своихъ трудовъ,—приближеніе къ Богу чрезъ познаніе Его творенія. Чуждаясь божественной откровенной истины, они отдаютъ себя въ жертву сомнѣній, борьбы въ противорѣчіяхъ, раздраженія отъ безуспѣшности въ рѣшеніи высшихъ вопросовъ знанія и жизни, такъ что ихъ ученая келлія становится для нихъ невольнымъ и томительнымъ заключеніемъ. Ихъ можетъ поддерживать самолюбіе и стремленіе къ славѣ, но извѣстно, что это стремленіе само по себѣ представляетъ для нихъ источникъ страданій отъ непризнанія другими достоинства ихъ трудовъ и отъ измѣнчивости человѣческихъ мнѣній. Отсюда исходятъ тѣ одностороннія и ложныя философскія системы, разрушающія нынѣ вѣру въ ученое христіанскомъ мірѣ; отсюда же исходятъ и тѣ художественныя произведенія, которыя своимъ грубо плотскимъ изображеніемъ библейскихъ событій и священныя лица нынѣ такъ оскорбляютъ чистое религіозное чувство. Мы не говоримъ уже о тѣхъ жалкихъ работникахъ позорной легкой литературы и тѣхъ несчастныхъ читателейъ ихъ произведеній, которые въ свое уединеніе или, вѣрнѣе, въ свои головы и сердца переносятъ всю суету и всѣ страсти пустой и развратной свѣтской жизни.

Намъ остается указать существенныя черты христіанскаго уединенія семействъ. Напрасно думаютъ, что указанные нами черты уединенной подвижнической жизни не относятся къ семействамъ, такъ какъ люди семейные, по общепринятому выраженію, суть *люди мірскіе*. Но мы говоримъ о христіанскихъ подвигахъ для достиженія царствія Божія, равно обязательныхъ для всѣхъ христіанъ,—одинокихъ и семейныхъ. Разность положенія одинокихъ и семейныхъ въ этомъ отношеніи состоитъ лишь въ томъ, что семейнымъ людямъ, живу-

щимъ среди міра и его соблазновъ, въ заботахъ о семейныхъ нуждахъ, труднѣе служеніе Богу, чѣмъ въ пустыняхъ; почему христіане, искавшіе совершенства, избѣжали отъ семействъ. Но не напрасно Ап. Павелъ называетъ христіанское семейство домашнею церковію (Рим. 16, 4.). И Христосъ Спаситель любилъ благочестивыя семейства и посѣщалъ ихъ; слѣдовательно, въ нихъ, и преимущественно въ нихъ, какъ разсадникахъ народовъ христіанскихъ, необходимы доступныя имъ христіанскія добродѣтели. Необходимое условіе ихъ процвѣтанія есть удаленіе отъ общественныхъ пороковъ, въ чемъ и состоитъ собственно ихъ уединеніе. Строгія и благожелательныя отношенія къ обществу, какъ для пріобрѣтенія средствъ жизни, такъ и для блага самаго общества, радостное возвращеніе домой по окончаніи дѣлъ службы, или работы, попеченіе мужа о счастіи жены, и жены о счастіи мужа, и обоихъ вмѣстѣ о дѣтяхъ, мирныя занятія въ кругу семьи, тихія семейныя радости особенно въ христіанскіе праздники, замѣняющія шумныя свѣтскія увеселенія,—вотъ черты христіанскаго семейнаго уединенія. Дѣти, выходящія изъ такихъ семействъ, во всю послѣдующую жизнь съ благодарностію вспоминаютъ о счастливой невинности и благочестивомъ настроеніи, среди котораго возрасли они.

Извѣстны послѣдствія разбросанности семействъ по распутіямъ свѣта. И мужу, и женѣ некогда заглядывать въ глубину своей души и обсуждать свое нравственное состояніе; тѣмъ болѣе не приходится думать о христіанскомъ направленіи дѣтей, и они съ дѣтства отдаются на жертву всякихъ вредныхъ вліяній, а въ юности дѣлаются добычею разныхъ безбожныхъ и политическихъ кружковъ. Въ семействѣ закрадываются раздоры, составляются супругами внѣ дома преступныя связи, счастіе семейное, а иногда и внѣшнее благосо-

стояніе рушится, а въ концѣ всего является то, что мы привыкли называть *развращеніемъ молодыхъ поколѣній*.

Намъ, конечно, скажутъ: «развѣ возможно изображаемое вами уединеніе для людей занятыхъ общественной службою, военныхъ и государственныхъ дѣятелей, поглощенныхъ важными дѣлами и заботами?» Мы отвѣтимъ: христіанскія обязанности исполняются по здравому разсужденію, руководимому нравственнымъ чувствомъ и внутреннимъ опытомъ; невозможнаго не требуется. Но надо помнить, что никто такъ много не трудился, какъ Господь во время своего служенія спасенію рода человѣческаго, и однакоже Онъ въ примѣръ общественнымъ дѣателямъ уходилъ *въ пусто мѣсто единъ*. Но люди свѣтскіе съ упрекомъ замѣтятъ намъ, что мы хотимъ весь свѣтъ обратить въ монастырь, лишить общественную жизнь ея развитія, которымъ она такъ отличается въ послѣднее время, а семейства обречь на замкнутую, однообразную, безцвѣтную и скучную жизнь, лишить ихъ участія въ современныхъ успѣхахъ цивилизаціи и пр. Нѣтъ, мы хотимъ только показать, куда должна склоняться и тяготѣть преимущественно жизнь христіанскихъ обществъ,—т. е. къ міру духовному и къ Богу согласно съ назначеніемъ христіанства, а не къ міру внѣшнему, не къ интересамъ земнымъ, не къ наслажденіямъ страстнымъ, не къ животному матеріализму. Кто тяготѣетъ къ первому направленію, тотъ приметъ къ сердцу христіанское ученіе объ уединеніи, а кто ко второму, тотъ безъ сомнѣнія предпочтетъ уличную жизнь.

Что же касается до установленія отношеній къ обществу,—пріемовъ, выѣздовъ, общественныхъ собраній и свѣтскихъ удовольствій, то для любителей христіанскаго уединенія нѣтъ надобности писать въ этомъ смыслѣ подробныя правила. Ихъ разумъ, не затемнен-

ный пристрастіями, ихъ чистый вкусъ и цѣломудренная осторожность укажутъ имъ, что для нихъ позволено и полезно, и что вредно и запрещается совѣстію. Но несомнѣнно, что не защитники уличной жизни могутъ поворотить христіанскіе народы, нынѣ нравственно разстроенные, на прямой путь, а мыслители и дѣятели, созрѣвающіе въ христіанскомъ уединеніи. Аминь.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Изъ Пулавъ императоръ Александръ проѣхалъ прямо въ Вѣну. Не смотря на серіозныя опасенія, волновавшія его въ послѣднее время, государь все еще былъ полонъ свѣтлыми надеждами на будущее. По прежнему, не смотря на грустный опытъ только что окончившейся войны, онъ продолжалъ вѣрить въ возможность дальнѣйшаго существованія великой европейской коалиціи. Преисполненный высокими благородными чувствами, онъ предполагалъ эти чувства и въ другихъ. Ему казалось, что онъ имѣетъ право рассчитывать на дружбу и на признательность освобожденныхъ и восстановленныхъ имъ монарховъ. Онъ полагалъ, что ему будетъ принадлежать руководство на конгрессѣ и думалъ вести совѣщанія въ духѣ согласія и примиренія. Но Александръ, котораго Наполеонъ называлъ великимъ актеромъ, былъ плохимъ знатокомъ человѣческаго сердца. Всѣ его ожиданія и расчеты оказались неправильными: тяжелое разочарованіе ожидало его въ Вѣнѣ.

Александръ пожелалъ вступить въ австрійскую столицу рука объ руку съ своимъ вѣрнѣйшимъ союзникомъ и личнымъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1891 г. № 19.

другомъ, королемъ прусскимъ. Оба монарха прибыли въ окрестности Вѣны и остановились на лѣвомъ берегу Дуная, у Таборскаго моста. Здѣсь ихъ ожидала блестящая встрѣча. Съ ранняго утра всѣ австрійскія войска, расположенныя въ Вѣнѣ и ея окрестностяхъ, стояли подь ружьемъ. Императоръ Францъ, сопровождаемый всѣми эрцгерцогами, иностранными принцами, генералами, прибылъ къ Таборскому мосту, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда коляски союзныхъ государей остановились у него. Встрѣча была самая радушная. Оба императора и король прусскій вышли изъ экипажей, дружески обнялись и сѣли на приготовленныхъ для нихъ коней. Торжественное шествіе двинулось черезъ мостъ въ городъ. Вся Вѣна высыпала на встрѣчу высокимъ гостямъ. Сотни тысячъ зрителей покрывали оба берега Дуная. Безчисленная свита, двигавшаяся за государями, пестрота и разнообразіе мундировъ, ярко блиставшихъ на солнцѣ, приводили въ восторгъ и въ изумленіе толпу. Сознаніе, что союзные монархи собираются въ Вѣну для окончательнаго утверженія столь желаннаго мира, усиливало всеобщій энтузіазмъ. Радостныя восклицанія сотенъ тысячъ голосовъ, торжественный звонъ колоколовъ, громовые залпы артиллеріи смѣшивались въ одинъ потрясающій гулъ. Среди возрастающихъ, бурныхъ овацій населенія монархи вступили, наконецъ, въ ворота гостепріимнаго бурга, гдѣ приготовлены были для нихъ особые апартаменты ¹⁾.

Черезъ нѣсколько дней новая торжественная встрѣча. Императрица Елизавета Алексѣевна, ожидавшая прибытія своего супруга въ Мюнхенѣ, приблизилась къ Вѣнѣ въ сопровожденіи блестящей свиты. Императрица Австрійская со

¹⁾ Подробности торжественнаго вѣзда государей въ Вѣну см. у Comte de la Garde, Fetes et souvenirs du congrès de Vienne, T. I, стр. 17—18. Талейранъ доносилъ Людовику XVIII: «Императоръ русскій и король прусскій прибыли сегодня. Вѣздъ былъ великолѣпный. Монархи ѣхали верхомъ, императоръ австрійскій по серединѣ. Лошади причинили маленькій беспорядокъ, такъ что король прусскій вынужденъ былъ ѣхать нѣкоторое разстояніе по правую руку императора Франца. Порядокъ былъ восстановленъ лишь не задолго до прибытія ко дворцу». Pallain, стр. 4.

всѣмъ своимъ дворомъ выѣхала далеко къ ней на встрѣчу. Вслѣдъ за нею поѣхали оба императора. Встрѣча произошла у церкви Марія-Брунъ. Здѣсь соединились оба кортежа. Открытая четырехъ-мѣстная коляска, съ лошадьми въ парадной сбруѣ, ожидала у церкви прибытія высочайшихъ особъ. Обѣ императрицы, послѣ дружественныхъ привѣтствій, сѣли въ нее; на переднихъ мѣстахъ расположились оба императора. Отряды залитыхъ золотомъ венгерскихъ гусаръ, улановъ и пажей верхами окружили экипажъ. Все населеніе Вѣны было вновь на ногахъ, и возгласы стотысячной толпы опять потрясали воздухъ. На дворѣ бурга россійскую императрицу привѣтствовали дѣвицы знатнѣйшихъ австрійскихъ фамилій, одѣтыя въ бѣлыя платья, съ корзинами цвѣтовъ въ рукахъ. Безчисленныя массы народа наводняли всѣ подъѣзды ко дворцу. Зрители всѣхъ сословій и разнообразнѣйшихъ народностей не могли надивиться сердечности и элегантной простотѣ, обнаруживавшихся въ каждомъ движеніи и словѣ августѣйшихъ особъ ¹⁾.

Австрійскій дворъ не жалѣлъ никакихъ издержекъ на пріемъ и содержаніе высокихъ гостей, съѣхавшихся со всѣхъ сторонъ въ Вѣну. Всѣ государи и принцы заняли квартиры въ бургѣ, по личному и настоятельному желанію императора Франца. Австрійскій дворъ принялъ на себя всѣ заботы и расходы по ихъ содержанію ²⁾. Организованъ былъ особый комитетъ изъ эрцгерцоговъ и знатныхъ особъ, на обязанности котораго лежали заботы объ устройствѣ все новыхъ и новыхъ праздниковъ, торжествъ, развлеченій. Помѣщенія бур-

¹⁾ Comte de la Garde, T. I, стр. 19.

²⁾ Въ Бургѣ жили такимъ образомъ, одновременно, два императора, двѣ императрицы, четыре короля, два наслѣдныя принца, двѣ великія княгини и два принца. Угощеніе гостей обходилось каждый день въ 50,000 флориновъ; а всѣ расходы австрійскаго правительства по поводу конгресса дошли до 40 милліоновъ флориновъ. Представители великихъ державъ, не говоря уже о монархахъ, тратили въ Вѣнѣ также громадныя деньги. Лордъ Кестльри, напрымѣръ, платилъ за свою квартиру 1,500 фунтовъ стерлинговъ въ мѣсяцъ. Цѣнность многихъ домовъ въ Вѣнѣ окупилась одною квартирною платою въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Всѣ предметы первой необходимости, въ особенности топливо, страшно поднялись въ цѣнѣ. См. Comte de la Garde, T. I, стр. 21, 59.

га, отведенныя для царственныхъ гостей, не отличались особенною роскошью, или просторомъ, но снабжены были зато всевозможными удобствами. Отсутствіе всякихъ претензій и излишняго этикета дѣлало жизнь въ Бургѣ особенно пріятной ¹⁾. Гости тяготились лишь безконечными представленіями и визитами, но и это неизбежное зло высшей свѣтской жизни смягчалось и сглаживалось до нѣкоторой степени появленіемъ все новыхъ и новыхъ, иногда въ высшей степени оригинальныхъ личностей ²⁾.

Императрица Австрійская, Марія-Людовика, урожденная принцесса д'Есте, третья супруга императора Франца, своимъ умомъ и своею граціею, вносила движеніе и жизнь въ обыкновенно скучную и монотонную придворную сферу. Она играла роль августѣйшей хозяйки съ тонкостью и прелестью, свойственными ей исключительно, тогда какъ ея супругъ, совершенно чуждый всего, что происходило вокругъ него, сохранялъ среди всего этого шума то флегматическое спокойствіе и добродушіе, которыя доставляли ему такую популярность въ глазахъ его народовъ. Популярность эта не изсякла еще и въ эпоху конгресса, и трудно было смотрѣть безъ улыбки на взрывъ восторга вѣнскаго населенія, проявлявшагося каждый разъ при появленіи въ средѣ публики этой печальной фигуры. Но какъ ни странна была эта фигура, но все же нельзя было не согласиться, что императоръ Францъ сохранялъ въ своей внѣшности черты, свидѣтельствовавшія, что онъ былъ внукъ Маріи-Терезіи. «Простота и естественность всегда служатъ отпечаткомъ высокаго происхожденія, равно какъ все дѣланное, театральное, суетливое, напыщенное, изобличаютъ выскочку» ³⁾.

Не одно только гостепрѣимство двора, но и другія обсто

¹⁾ «Nous y fûmes à la vérité très mesquinement logées, mais comme il ne regnait en général aucune espèce de prétention à la cour de Vienne, on s'accommodait tant bien que mal de cette mesquinerie, rachetée d'ailleurs par une grande abondance pour tous autres détails de la vie matérielle». Мемуары графини Эдлингъ, стр. 163.

²⁾ Мемуары графини Эдлингъ, стр. 164.

³⁾ Мемуары гр. Эдлингъ, стр. 164—165.

ательства превратили собраніе конгресса, этого высшаго европейскаго ареопага, въ безконечный, шумный и радостный карнавалъ. Огромное количество иностранцевъ, стекшееся отовсюду въ Вѣну, вносило оживленіе и въ безъ того уже веселую Австрійскую столицу. Насчитывали, что число пріѣзжихъ достигало до нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ, утверждали безъ всякаго преувеличенія, что среди этой массы можно было встрѣтить всѣхъ знаменитостей тогдашняго европейскаго міра, начиная отъ героевъ только что завершившейся, безпримѣрной борьбы, и оканчивая блестящими красавицами высшаго свѣтскаго круга. И все это стекло на неожиданное, радостное торжество всеобщаго міра; все стремилось упиться наслажденіями и радостями жизни, забыться, освободиться отъ ужасовъ только что пережитой грозной эпохи. Стоило лишь взглянуть на улицы тогдашней Вѣны ¹⁾, чтобы убѣдиться, что здѣсь, въ столицѣ Габсбурговъ, въ этомъ центрѣ культурнаго европейскаго міра, назначило себѣ свиданіе все то, что имѣло притязаніе на дѣйствительныя, или мнимыя заслуги, на знатность, блескъ, элегантность. Безчисленное количество экипажей всѣхъ возможныхъ видовъ наполняли съ утра до вечера улицы Вѣны. Впереди многихъ изъ нихъ бѣжали легкіе, изящные, богато одѣтые скороходы. На гуляньяхъ, на площадяхъ, можно было встрѣтить безчисленное количество военныхъ всевозможныхъ чиновъ, пѣшихъ и конныхъ, одѣтыхъ въ разнообразнѣйшіе мундиры всѣхъ европейскихъ армій. Присоединимъ къ этому тысячи лакеевъ, одѣтыхъ въ пестрыя ливреи, громадныя толпы зѣвакъ, вѣчно толкавшихся на улицахъ, чтобы высмотрѣть ту или другую знаменитость, того или другаго монарха, министра, посла, или полководца, и мы будемъ имѣть хотя нѣкоторое представленіе объ уличной жизни, кипѣвшей тогда въ Вѣнѣ. При наступленіи ночной темноты жизнь эта принимала еще болѣе своеобразный, фантастическій оттѣнокъ. Театры, кофейни и другія публичныя мѣста наполнялись тогда пестрыми толпами людей, искавшихъ развлеченія и отдыха, послѣ днев-

¹⁾ Картины уличной жизни, см. у де-ла-Гарда, Т. I, стр. 20 и въ другихъ мѣстахъ.

ныхъ занятій и суеты. Щегольскіе экипажи катились въ удвоенномъ количествѣ по улицамъ. Лакеи, стоявшіе на запяткахъ, скороходы, бѣжавшіе впереди, держали въ рукахъ пылающіе факелы. Со всѣхъ сторонъ раздавались мелодіи, наигрываемыя на самыхъ различныхъ инструментахъ. Отовсюду раздавался оглушающій шумъ, но среди всего этого ликованія и суетливой жизни царствовалъ образцовый порядокъ.

Но улица съ ея вѣчно мѣняющимися, но тѣмъ не менѣе монотонными картинами, могла дать лишь слабое понятіе о вѣнской жизни въ эпоху конгресса. Чтобы получить болѣе ясное и полное представленіе о ней, необходимо было заглянуть въ одинъ изъ тѣхъ салоновъ, гдѣ собиралась ежедневно отборная конгрессная публика, гдѣ царила женская красота, грація и болтливость, гдѣ воскресали, казалось, до революціонныя салоны старой веселой и чопорной Франціи, гдѣ великіе міра сего, монархи, ихъ министры и полководцы, забывали на время этикетъ и преимущества своего сана, гдѣ пальма первенства принадлежала не высокому происхожденію, не блестящей заслугѣ, не глубокому уму, а свѣтскому такту, игривой остротѣ и чарующей женской граціи.

Изъ всѣхъ Вѣнскихъ салоновъ на первомъ планѣ стоялъ, разумѣется, салонъ императрицы австрійской, царственной хозяйки конгресса. Трудно было представить себѣ болѣе изящное и изысканное и въ то же время болѣе оживленное и разнообразное общество, какъ то, которое собиралось въ грандіозныхъ, хотя и нѣсколько мрачныхъ залахъ бурга, въ тѣ вечера, когда назначались придворные балы, концерты и въ особенности характерныя маскарады, такъ называемыя редуты. «Здѣсь», говоритъ очевидецъ, «подъ покровомъ домино или характерной маски создавались нерѣдко сложныя политическія комбинаціи, возникали и разрѣшались ловкія интриги». Главная зала бурга, окруженная со всѣхъ сторонъ хорами, залитая тысячами огней, представляла въ такіе вечера по истинѣ волшебный видъ. Корридоры и арки, роскошно убранныя тропическими растеніями, вели въ сосѣднія помѣщенія, назначавшіяся для отдыха, для карточной игры, для ужина. Такъ называемая зала редутовъ убиралась роскошно цвѣтами,

представлявшими дивное сочетаніе красокъ и тончайшаго аромата.

Для царственныхъ особъ устраивалась на такихъ вечерахъ особая эстрада, убранная знаменами и штандартами, обитая бѣлою шелковою матеріею, обшитою по краямъ серебряною бахромою. Но несравненно интереснѣе этого сказочнаго убранства была та масса людей, которая собиралась на этихъ вечерахъ.

Совершенно особое значеніе имѣли тѣ торжества, которыя находились въ непосредственной связи съ только что пережитою великою и страшною эпохою, которыя должны были служить живымъ воспоминаніемъ о важнѣйшихъ ея моментахъ. Едва-ли не самымъ знаменитымъ и самымъ блестящимъ торжествомъ въ такомъ родѣ было празднество, устроенное 6-го октября въ годовщину великой Лейпцигской битвы народовъ. Празднество носило на себѣ, какъ и подобало, военный и въ то же время религіозный характеръ. Весь Вѣнскій гарнизонъ, въ числѣ 17,000 чел., собранъ былъ на парадъ въ Пратерѣ. Войска построились въ громадное, двойное карре. Въ центрѣ четырехугольника возвышался алтарь, богато украшенный знаменами и трофеями; вся земля вокругъ была усыпана травою и цвѣтами. У алтаря расположились союзные государи верхомъ на коняхъ, окруженные безчисленною и блестящею свитою. Для императрицы, королевы, принцессы и знатныхъ дамъ устроены были особые сидѣнья, обитыя бархатомъ. Сотни тысячъ народу присутствовали въ качествѣ зрителей. Престарѣлый Вѣнскій архіепископъ, окруженный всѣмъ духовенствомъ, совершалъ торжественное, благодарственное богослуженіе. Въ моментъ освященія даровъ страшный, артиллерійскій залпъ потрясъ воздухъ. Государи и принцы, императрицы, королевы, принцессы и придворныя дамы, генералы и солдаты преклонили колѣна, распростерлись въ прахъ передъ Тѣмъ, Кто держитъ въ десницѣ Своей и побѣду и пораженіе. Ихъ примѣру слѣдуютъ сотни тысячъ зрителей. Пушечный громъ умолкаетъ, водворяется глубокая, торжественная тишина. Архіепископъ, подѣмля въ рукахъ великій символъ спасенія, благословляетъ войска и всѣхъ

присутствующихъ. Молящіеся поднимаются, стукъ и бряцанье оружія вновь наполняютъ воздухъ. Хоръ музыкантовъ начинаетъ играть гимнъ въ честь мира и сотни тысячъ голосовъ аккомпанируютъ ему. По окончаніи пѣнія войска проходятъ церемоніальнымъ маршемъ мимо государей. Великій князь Константинъ и другіе царственные шефы вѣдутъ во главѣ полковъ своего имени. Громкое ура солдатъ, радостные возгласы безчисленныхъ зрителей наполняютъ воздухъ. Послѣ молебна и парада былъ обѣдъ для солдатъ ¹⁾, а вечеромъ у князя Меттерниха былъ балъ, на которомъ со всѣхъ сторонъ виднѣлось иллюминированное имя «Лейпцигъ», «гдѣ, замѣчаетъ очевидецъ, Меттернихъ и компанія принимали такъ мало участія» ²⁾.

Императоръ Александръ, съ своей стороны, желалъ также

1) De-la-Garde, T. I, стр. 51—56. Графиня Эдлингъ говоритъ объ этомъ празднествѣ. «Празднества слѣдовали одно за другимъ съ невѣроятною быстротою. Первое изъ нихъ было вполне національное и интересно; ибо оно должно было ознаменовать годовщину Лейпцигскаго боя. Оно происходило въ Пратерѣ и сопровождалось довольно страшною сценою. Происходило торжественное богослуженіе подъ открытымъ небомъ, провозглашался Те Деумъ, когда явился князь Шварценбергъ съ видомъ скромнаго героя дня. Тотчасъ же государи начали поздравлять его, какъ будто бы они приписывали ему въ самомъ дѣлѣ успѣхъ этого дня. Всякій считалъ своимъ долгомъ послѣдовать ихъ примѣру. Князь Шварценбергъ былъ окруженъ, подавленъ, почти задушенъ комплиментами, одинъ живѣе другаго. То была настоящая мистификація и люди серіозные пожимали плечами, находя ее неумѣстною въ такой торжественный моментъ. Вокругъ павильона, назначеннаго для государей, наврыты были столы. За ними обѣдали солдаты, окруженные народомъ и иностранцами. Чистое и свободное веселіе господствовало въ средѣ обѣдающихъ и видъ этихъ длинныхъ столовъ, униженныхъ сіяющими фізіономіями, производилъ прелестный эффектъ. Подъ конецъ обѣда, на эстрадѣ, окружавшей павильонъ, показались государи. Императоръ Александръ, блиставшій радостью и граціею, взялъ стаканъ съ виномъ, подошелъ къ краю балкона и провозгласилъ тостъ за народъ и за армію. Этотъ внезапный порывъ благороднаго сердца, эта восхитительная фигура, каждое движеніе которой было преисполнено граціи, вызвали всеобщій энтузіазмъ. Радостные крики толпы потрясли воздухъ, тогда какъ у русскихъ показались на глазахъ слезы горделивой радости.

2) Изъ письма Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову. «Замѣтимъ, что на этомъ балѣ отсутствовалъ князь Шварценбергъ, который, какъ говорятъ, не опускаетъ ни одного случая, чтобы показать свое глубокое презрѣніе къ Меттерниху». Это послѣднее сообщеніе Лонгинова крайне недостоверно; по крайней мѣрѣ оно прямо противорѣчитъ всему тому, что извѣстно намъ изъ другихъ источниковъ объ отношеніяхъ Меттерниха и Шварценберга.

отпраздновать годовщину Лейпцигскаго боя. На другой день, послѣ парада, онъ пригласилъ на обѣдъ всѣхъ генераловъ и офицеровъ союзныхъ войскъ, принимавшихъ участіе въ Лейпцигской битвѣ. Обѣдъ происходилъ въ великолѣпномъ домѣ графа Разумовскаго, славившемся во всей Вѣнѣ своими громадными помѣщеніями, своею сказочною роскошью и богатѣйшимъ собраніемъ произведеній искусства. Приглашенныхъ на банкетъ оказалось 360 человекъ и не было возможности помѣстить ихъ всѣхъ ни въ одной изъ залъ дворца Разумовскаго. Пришлось обратиться въ столовую большой манежъ, находившійся при домѣ. Это громадное помѣщеніе убрано было съ большимъ вкусомъ цвѣтами и знаменами союзныхъ державъ. На столахъ поставлены были военные трофеи, украшенные трехцвѣтными французскими знаменами съ наполеоновскими орлами. Между знаменами виднѣлись щиты съ именами всѣхъ тѣхъ сраженій, которыя были выиграны союзниками въ послѣднюю войну. Обѣдъ былъ, разумѣется, великолѣпный и стоимость его обошлась, какъ говорили, въ 200,000 флориновъ ¹⁾).

Несомнѣнно, что конгрессъ и всѣ его великіе и малые представители занимались больше всего развлеченіями, и менѣе всего дѣлами. Въ чадѣ удовольствій, въ этой вѣчной погонѣ за все новыми и новыми празднествами, притуплялись умы и всѣ высшія способности души, разстраивались нервы, изнемогало самое тѣло. И, что всего хуже: эти вѣчныя торжества и развлеченія не въ силахъ были сблизить сердца и примирить противоположные интересы. Важнѣйшіе вопросы рѣшались путемъ интриги и подкупа; судьба царствъ и народовъ рѣшалась на маскарадахъ и балахъ; величайшіе умы и благороднѣйшіе характеры оказывались въ концѣ концовъ обманутыми и обойденными. Оставленные своими мнимыми друзьями, обманутые вѣроломными союзниками, они оставались побѣжденными уже потому, что не въ силахъ были бороться съ своими противниками ихъ оружіемъ.

¹⁾ Письмо Лонгинова къ Воронцову, архивъ князя Воронцова, Т. XXXII, стр. 303.

Императоръ Александръ прибылъ на конгрессъ съ самыми возвышенными и благородными цѣлями ¹⁾. Интересы европейскаго мира и благо народовъ стояли для него на первомъ планѣ. Онъ готовъ былъ удовлетворить законнымъ, по его мнѣнію, стремленіямъ европейскихъ народовъ къ національному единству и внутренней свободѣ. Онъ былъ непрочъ содѣйствовать въ этомъ отношеніи и германскимъ, и итальянскимъ, и польскимъ патріотамъ. Проникнутый, съ одной стороны, идеями новаго либерализма, а съ другой, восторженными, христіанскими порывами, Александръ намѣренъ былъ предоставить всѣмъ и каждому подобающее ему. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго притязанія противодѣйствовать законнымъ требованіямъ своихъ союзниковъ на вознагражденіе за тяжелыя утраты и жертвы, понесенныя ими въ общей борьбѣ за освобожденіе. Онъ явился въ Вѣну съ извѣстною политическою программой, и, находя, что эта программа не заключала въ себѣ ничего опаснаго, а тѣмъ менѣе угрожающаго для другихъ, былъ твердо намѣренъ настаивать на ея осуществленіи. Императоръ полагалъ, что всѣ главные, общеевропейскіе вопросы должны быть рѣшаемы на конгрессѣ тѣми великими державами, предъ соединенными усиліями которыхъ рушилось военное могущество Наполеона. Онъ считалъ не только неудобнымъ, но и не умѣстнымъ допускать къ участию въ совѣщаніяхъ представителей второстепенныхъ и третьестепенныхъ государствъ. Россія, Великобританія, Австрія, Пруссія и до извѣстной степени Испанія должны были составлять, по его идеѣ, высшій европейскій ареопагъ. Представители остальныхъ государствъ могли принимать участіе въ конференціяхъ лишь на столько, на сколько это касалось ихъ частныхъ интересовъ. Побѣжденная Франція не должна была принимать участія въ капитальномъ вопросѣ о вознагражденіяхъ. Ей не могло быть предоставлено никакого участія въ распредѣленіи тѣхъ территорій ²⁾, которыя были

¹⁾ О намѣреніяхъ и цѣляхъ императора Александра свидѣтельствуютъ инструкціи, данныя имъ русскимъ уполномоченнымъ на конгрессѣ. См. Богдановичъ, Т. V, стр. 4—5, Васильчиковъ, Т. IV, ч. 2, стр. 548—557.

²⁾ Территоріи, отторгнутыя отъ Франціи, считая въ томъ числѣ королевство Саксонское и герцогство Варшавское, представляли массу земель, населенную 31.751,639 душъ. См. 1-е приложеніе къ IV тому Церца, жизнь Штейна.

отторгнуты отъ нея, вслѣдствіе паденія Наполеона, и предоставлены, на основаніи Парижскаго мира, въ полное и безусловное распоряженіе союзныхъ державъ. Для рѣшенія такого сложнаго и запутаннаго вопроса, какъ вопросъ объ организаціи Германіи, Александръ находилъ наиболѣе подходящимъ учредить особый комитетъ изъ представителей нѣмецкихъ дворовъ и предоставить руководство въ этомъ комитетѣ Австріи и Пруссіи. Рѣшенія этого комитета должны были быть представлены на усмотрѣніе великихъ державъ. Этому же усмотрѣнію должны были быть подвергнуты и такіе общевропейскіе вопросы, какъ вопросъ греческій, или какъ вопросъ объ отмыѣнѣ невольничьяго торгова.

Александръ держалъ себя въ Вѣнѣ, какъ и всегда, въ высшей степени просто. По возможности, старался онъ избѣгать всякой официальнойности. Онъ выѣзжалъ и выходилъ почти всегда одинъ, безъ всякой свиты, иногда вдвоемъ съ императрицею. Больше всего онъ любилъ ходить одинъ, пѣшкомъ. Встрѣтивъ на улицѣ кого либо изъ знакомыхъ, онъ останавливалъ его, вступалъ съ нимъ въ разговоръ и иногда продолжалъ прогулку въ его обществѣ. Утромъ онъ отдавалъ визиты государямъ, принцамъ, дамамъ, или-же присутствовалъ на парадахъ и маневрахъ; по вечерамъ онъ ѣздилъ во всѣ знакомые ему дома, гдѣ любилъ проводить время въ неприужденной бесѣдѣ. Императоръ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ публичныхъ празднествахъ и увеселеніяхъ. Его утонченная вѣжливость, его красивая и изящная внѣшность, его тонкія манеры, его щедрость и деликатность, его доступность и ласковость сдѣлали его съ первыхъ же дней пріѣзда любимцемъ Вѣнской публики. Вездѣ, во всѣхъ слояхъ общества, только и говорили о немъ ¹⁾.

¹⁾ Васильчиковъ, Т. IV, 2 ч., стр. 519—520. Одни только мелкіе нѣмецкіе короли и князья находили, что императоръ Александръ не оказывалъ имъ подобающаго вниманія. Графиня Эдлингъ замѣчаетъ по этому поводу: «Прохожу молчаніемъ многихъ другихъ государей, пріѣхавшихъ на конгрессъ, смѣшавшихся съ толпою и игравшихъ роль крайне печальную. Достаточно было одного момента размышленія, чтобы удержать дома всѣхъ этихъ государей и дать имъ понять, какъ много потеряютъ они въ глазахъ своихъ подданныхъ, принимая на себя роль

Общественная жизнь съ ея безчисленными развлеченіями и соблазнами не поглощала собою всецѣло Александра. И среди шума свѣтской жизни онъ зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ. Ничто не занимало такъ и не беспокоило государя, какъ то положеніе, которое старался занять на Вѣнскомъ конгрессѣ ловкій представитель Франціи, князь Талейранъ. Александръ не могъ не замѣтить, что изъ всѣхъ членовъ конгресса одинъ только Талейранъ явился въ Вѣну не только съ заранѣе выработанною программой, но и съ хорошо обдуманномъ образомъ дѣйствія. Государь ни мало не сомнѣвался, что программа Талейрана идетъ прямо въ разрѣзъ всѣмъ его собственнымъ воззрѣніямъ и требованіямъ. Александръ желалъ, чтобы совѣщанія конгресса происходили въ духѣ согласія и единенія; Талейранъ явился въ Вѣну съ цѣлью поссорить союзниковъ и разрушить ту великую лигу, которая положила предѣлъ тиранскому владычеству Наполеона. Александръ находилъ, что Франція должна была довольствоваться скромною ролью побѣжденной державы; Талейранъ хотѣлъ предоставить Франціи первенствующее значеніе на конгрессѣ. Еще на пути въ Вѣну, еще до открытія конгресса ловкій интриганъ успѣлъ приготовить почву для осуществленія своихъ плановъ. Еще въ Парижѣ онъ съумѣлъ взять въ руки недалъновиднаго и флегматическаго лорда Кестльри и убѣдить его, что слѣдуетъ опасаться прежде всего властолюбивыхъ замысловъ Россіи. По дорогѣ черезъ южную Германію, Талейранъ съумѣлъ склонить на свою сторону выдающихся представителей бывшаго рейнскаго союза, усилить и раздуть ихъ опасенія на счетъ замысловъ Россіи и Пруссіи

вуртизаловъ. Въ дѣйствительности, они и не могли играть иной роли, особенно въ присутствіи императора Русскаго. Александръ, никогда не придававшій особаго значенія этикету, показывалъ гораздо больше вниманія Швейцарскому ландаману, красивой Вѣнской дамѣ, или Евгенію Богарне, нежели всѣмъ нѣмецкимъ государямъ въ совокупности. Я не думаю одобрять въ этомъ отношеніи образъ дѣйствія императора. Безъ сомнѣнія, онъ дѣлалъ ошибку, ибо народы имѣютъ право требовать уваженія къ своимъ правителямъ. Этимъ необдуманнымъ поведеніемъ онъ нажилъ себѣ не мало враговъ. Скрывая истинную причину своей ненависти, они выдвигали впередъ тотъ страхъ, который долженъ былъ внушать всѣмъ могущество и властолюбіе Россіи. Мемуары Эдипгъ, стр. 166—167.

и убѣдить ихъ, что лишь одна, возстановленная на основахъ легитимнаго права, Франція можетъ спасти ихъ отъ полной потери самостоятельности ¹⁾. Въ Вѣнѣ Талейранъ выступилъ съ самаго начала, какъ покровитель всѣхъ второстепенныхъ державъ. Весь его образъ дѣйствій, его гордая осанка, апломбъ, съ которымъ выступалъ онъ повсюду, докторальный тонъ, который онъ принималъ при каждомъ удобномъ случаѣ, все указывало ясно на ту роль, которую намѣренъ былъ играть въ Вѣнѣ Талейранъ, на то значеніе, которое хотѣлъ онъ доставить Франціи на конгрессѣ. Всѣ должны были понимать, что Франція стоитъ по прежнему во главѣ Европы, и что если прежде она господствовала силою меча, то теперь она должна первенствовать надъ всѣми, какъ представительница легитимнаго права, какъ защитница всѣхъ угнетенныхъ.

Обстоятельства способствовали какъ нельзя болѣе замысламъ Талейрана. Глубокая рознь, господствовавшая между союзниками, неопытность и неумѣлость большинства уполномоченныхъ великихъ державъ, дали ему возможность сразу занять въ Вѣнѣ положеніе, въ высшей степени выдающееся. Нужно замѣтить, что Меттернихъ раздѣлялъ въ началѣ до извѣстной степени взгляды императора Александра на организацію и характеръ предстоящихъ совѣщаній. Подобно Александру, австрійскій канцлеръ не намѣренъ былъ допускать Францію къ обсужденію вопроса «о вознагражденіяхъ», т. е. о распредѣленіи тѣхъ территорій, которыя отторгнуты были отъ нея по Парижскому миру. Точно также Меттернихъ находилъ невозможнымъ приглашать къ участию въ совѣщаніяхъ представителей второстепенныхъ государствъ. Еще до пріѣзда государей Россіи и Пруссіи, канцлеръ началъ соби-

¹⁾ Талейранъ доносилъ Людовику въ первомъ своемъ письмѣ: «Въ Мюнхенѣ король говорилъ мнѣ о своей привязанности къ В. в—у и объ опасеніяхъ, внушаемыхъ ему честолюбіемъ Пруссіи. Онъ сказалъ мнѣ крайне милостиво и любезно: «Я служилъ Франціи 21 годъ; это не забывается. Двухчасовой разговоръ съ г. Монжеласомъ (первымъ баварскимъ министромъ) убѣдилъ меня достаточно, что мы должны слѣдовать принципамъ, положеннымъ В. В. въ основу Французской политики, и что въ такомъ случаѣ всѣ второстепенныя державы охотѣ примкнуть къ намъ съ полнымъ довѣріемъ». Pallain, стр. 1—2.

рать у себя, на дому, кромѣ Генца, которому было поручено веденіе протоколовъ, лорда Кестльри, князя Гарденберга и графа Нессельроде. Этотъ комитетъ представителей союзныхъ державъ долженъ былъ обсудить, по его плану, всѣ предварительные вопросы, касавшіеся организаціи конгресса, и порѣшить въ общихъ чертахъ вопросъ о вознагражденіяхъ. Меттернихъ рассчитывалъ, что всѣ его предложенія пройдутъ безпрепятственно въ этомъ комитетѣ, но расчетъ его оказался не совсѣмъ вѣрнымъ. Лордъ Кестльри, успѣвшій стовориться съ Талейраномъ еще въ Парижѣ, объявилъ уже на первомъ совѣщаніи, что справедливость и приличіе требуютъ, чтобы Франція была допущена къ предварительному обсужденію и рѣшенію всѣхъ тѣхъ важныхъ вопросовъ, которые предлагаются теперь лишь на усмотрѣніе однихъ союзныхъ державъ. Меттернихъ принужденъ былъ согласиться съ мнѣніемъ Кестльри ¹⁾ уже по той простой причинѣ, что онъ не желалъ ссориться съ первымъ представителемъ Великобританіи, содѣйствіе коего было столь необходимо ему для отпора притязаній, ожидаемыхъ имъ со стороны Россіи и Пруссіи. Вслѣдъ за тѣмъ Кестльри настоялъ, чтобы и Испанія, въ качествѣ шестой великой державы, была приглашена на эти подготовительныя совѣщанія. Тогда же былъ составленъ четырьмя уполномоченными проектъ протокола о порядкѣ совѣщаній конгресса. По этому проекту рѣшено было допускать на совѣщанія конгресса только представителей Россіи, Англіи, Пруссіи, Австріи, Франціи и Испаніи, какъ первостепенныхъ европейскихъ державъ. Предсѣдательство поручалось австрійскому канцлеру, такъ какъ конгрессъ происходилъ въ Вѣнѣ, а императоръ Францъ былъ старшій по лѣтамъ изъ всѣхъ союзныхъ государей. Уполномоченныхъ второстепенныхъ державъ положено было приглашать лишь на тѣ совѣщанія, гдѣ будутъ обсуждаться вопросы, касающіеся ихъ.

¹⁾ Соглашаясь съ мнѣніемъ Кестльри, Меттернихъ предполагалъ, однакоже, что роль Французскаго уполномоченнаго въ конференціи великихъ державъ должна быть чисто пассивная, что онъ можетъ только присутствовать, а не участвовать въ совѣщаніяхъ о вознагражденіяхъ. Это странное измышленіе австрійскаго канцлера не могло, разумѣется, имѣть ни малѣйшаго практическаго успѣха.

Кромѣ того предполагалось учредить особую комиссію для обсужденія всѣхъ вопросовъ, касающихся устройства Германіи и распредѣленія германскихъ территорій ¹⁾.

Хотя уполномоченные четырехъ державъ постановили держать въ тайнѣ свои совѣщанія, однако-же, содержаніе проекта ихъ протокола не замедлило сдѣлаться извѣстнымъ. Въ средѣ второстепенныхъ королей, князей, герцоговъ, принцевъ, а равно и безчисленныхъ дипломатовъ второстепенныхъ государствъ поднялся страшный шумъ. Всѣ они и больше всѣхъ уполномоченный Баваріи, фельдмаршалъ Вреде, вопили о нарушеніи права и громко жаловались на рѣшеніе самозванной комиссіи. Въ этотъ-же самый моментъ прибылъ въ Вѣну князь Талейранъ, и вся компанія угнетенныхъ и обиженныхъ привѣтствовала его, какъ своего покровителя и защитника.

Талейранъ тотчасъ-же вступилъ въ свою роль и началъ играть ее съ неподражаемымъ искусствомъ. Онъ отлично зналъ всѣхъ этихъ маленькихъ государей и ихъ дипломатовъ, еще такъ недавно ползавшихъ у его ногъ и искавшихъ его ходатайства предъ великимъ императоромъ. И теперь, когда уполномоченные второстепенныхъ государствъ, съ княземъ Вреде во главѣ, явились къ нему на поклонъ и начали умолять его принять ихъ подъ свою защиту и не дозволить четыремъ союзнымъ державамъ распорядиться, по своему произволу, ихъ судьбою, Талейранъ принялъ ихъ съ осанкою покровителя и объявилъ каждому изъ нихъ, что онъ беретъ ихъ дѣло въ свои руки, чтобы они были совершенно спокойны, такъ какъ безъ участія Франціи ни что не можетъ быть обсуждаемо, а тѣмъ менѣе рѣшаемо на конгрессѣ. Дипломаты и ихъ государи пришли въ восторгъ отъ этого заявленія Талейрана. Они не сомнѣвались ни на минуту, что ихъ высокій покровитель сдержитъ свое слово, что онъ сѣумѣетъ отстоять ихъ интересы на конгрессѣ. И Талейранъ не обманулъ ихъ ожиданія ²⁾.

¹⁾ Всѣ эти рѣшенія были приняты и по совѣту Штейна, предостерегавашаго однако въ особой запискѣ отъ допущенія Франціи къ участию въ обсужденіи вопроса о вознагражденіяхъ. См. Перцъ, Жизнь Штейна, стр. 110—111.

²⁾ Васильчиковъ, Т. IV, часть 2, стр. 517—518; Перцъ, жизнь Штейна, Т. IV, стр. 112—114.

Утромъ, 18-го сентября, первый уполномоченный Франціи получилъ отъ австрійскаго канцлера записку, въ которой Меттернихъ приглашалъ его, только отъ своего имени, присутствовать на конференціи, въ которой будутъ участвовать подъ его предсѣдательствомъ уполномоченные Россіи, Пруссіи и Англіи. Въ заключеніе князь извѣщалъ, что онъ обратился съ такимъ же предложеніемъ къ представителю Испаніи, г-ну Лабрадору. Талейранъ тотчасъ же понялъ, что выраженія присутствовать и участвовать были употреблены канцлеромъ съ намѣреніемъ. Онъ отвѣчалъ, что онъ охотно будетъ у него съ представителями Россіи, Англіи, Пруссіи и Испаніи. Талейранъ посоветовалъ Лабрадору отвѣчать Меттерниху точно такимъ же образомъ. По его внушенію, уполномоченный Испаніи поставилъ въ своемъ отвѣтѣ Францію на первомъ мѣстѣ, прежде другихъ державъ. «Такъ смѣшали мы, замѣчаетъ Талейранъ, я и Лабрадоръ, то, что другіе хотѣли раздѣлить и раздѣлили то, что хотѣли соединить другіе особою связью» ¹⁾).

Къ назначенному часу Талейранъ прибылъ къ Меттерниху. Представители четырехъ державъ сидѣли уже вокругъ длиннаго стола. На одномъ концѣ его засѣдалъ лордъ Кестльри, игравшій, казалось, роль предсѣдателя, на другомъ — Генцъ. Между Кестльри и Меттернихомъ оставлено было свободное мѣсто и Талейранъ тотчасъ же занялъ его. «Почему изъ всего французскаго носольтства приглашенъ только я одинъ?» обратился онъ съ вопросомъ къ австрійскому канцлеру. «Потому, что рѣшено было соединить на подготовительныхъ конференціяхъ только однихъ главныхъ уполномоченныхъ», отвѣчалъ ему Меттернихъ. «Господинъ Лабрадоръ вовсе не первый министръ и однакоже онъ приглашенъ», замѣтилъ Талейранъ. «Онъ приглашенъ потому, что испанскій статсъ-секретарь не прибылъ въ Вѣну», возразилъ Меттернихъ. «Но кромѣ князя Гарденберга, продолжалъ Талейранъ, я вижу здѣсь еще г. Гумбольдта, который также не статсъ-секретарь». «Это необходимое исключеніе, отвѣчалъ Меттернихъ, оно сдѣлано

¹⁾ Pallain, письмо 3-е отъ 4-го октября, стр. 8—9.

вслѣдствіе извѣстнаго вамъ недостатка князя Гарденберга». «У каждаго есть свои недостатки», замѣтилъ язвительно Талейранъ, «и каждый имѣеть одинаковое право ссылаться на нихъ». Замѣтивъ, что уполномоченный не прочь допустить въ конференцію и вторыхъ представителей, Талейранъ прекратилъ вызванный имъ споръ, и собраніе обратилось, наконецъ, къ обсужденію дѣловыхъ вопросовъ. Лордъ Кестльри объявилъ, что онъ получилъ заявленіе отъ уполномоченнаго Португаліи, графа Пальмеллы, въ которомъ онъ «рекламировалъ» противъ исключенія изъ подготовительной конференціи Португаліи и усматривалъ въ немъ униженіе Португальской короны. «Доказательства, приведенныя въ его заявленіи, замѣчаетъ Талейранъ, были вполнѣ основательны и прекрасно изложены». Пальмелла требовалъ, чтобы въ конференціи приняли участіе не шесть, а всѣ тѣ восемь державъ, которыя подписали парижскій трактатъ. Лордъ Кестльри и Талейранъ находили требованіе Пальмеллы вполнѣ справедливымъ, а остальные уполномоченные, допустившіе уже участіе Испаніи, не въ состояніи были возражать противъ него. Желая прекратить безполезныя пренія, Меттернихъ предложилъ отложить рѣшеніе этого вопроса до слѣдующаго засѣданія. Предложеніе было принято, но не трудно было предвидѣть, въ какомъ смыслѣ должно послѣдовать рѣшеніе. Талейранъ одержалъ свою первую побѣду. Ареопакъ четырехъ великихъ державъ превратился, благодаря ему, въ комиссію восьми державъ, такъ какъ вслѣдъ за Португаліею должна была быть допущена и Швеція, бывшая также въ числѣ контрагентовъ парижскаго мира.

За первымъ успѣхомъ не замедлили послѣдовать и другіе. По обсужденіи заявленій Пальмеллы, Талейрану представлены были протоколы прежнихъ засѣданій конференціи. Талейранъ тотчасъ же обратилъ вниманіе собравшихся на выраженіе «союзники», встрѣчавшееся чуть не въ каждомъ параграфѣ этихъ протоколовъ. «Я не понимаю этого слова, замѣтилъ онъ, я спрашиваю, гдѣ находимся мы, въ Шомонѣ или Лаонѣ? Заключенъ уже миръ, или же продолжается еще война и противъ кого?» Уполномоченные были крайне сму-

щены этимъ неожиданнымъ оборотомъ. Они отвѣчали, что съ словомъ «союзники» они вовсе не думали соединять какого либо особаго смысла, что они избрали его просто, ради краткости. «Краткость хорошая вещь, возразилъ Талейранъ, но не слѣдуетъ злоупотреблять ею на счетъ точности»¹⁾).

Талейранъ продолжалъ играть импровизированную имъ комедію. Обращаясь къ содержанію протоколовъ, онъ принялъ видъ, что онъ не въ состояніи понять ихъ. Онъ прочелъ въ слухъ нѣсколько параграфовъ и замѣтилъ: «ничего не понимаю!» Онъ прочелъ ихъ еще разъ медленно, съ разстановкою, какъ бы стараясь проникнуть въ ихъ сокровенный смыслъ.

«И все-таки ничего не понимаю!» сказалъ онъ. «Для меня, добавилъ онъ, существуютъ два числа, между которыми нѣтъ ничего: это 30 мая, день, въ который порѣшено было собрать конгрессъ, и 1 октября, въ которое долженъ былъ открыться онъ. Все, что произошло между этими двумя числами, мнѣ неизвѣстно и не существуетъ для меня». Перемѣняя затѣмъ тонъ, Талейранъ продолжалъ: «Мы собрались сюда для того, чтобы утвердить за каждымъ его право; было бы крайне печально, если бы мы начали съ нарушенія этихъ правъ. Предложеніе порѣшить все до собранія конгресса для меня ново; тутъ предлагаютъ закончить тѣмъ, съ чего, по моему мнѣнію, слѣдовало бы начать. Полномочіе, которое желаютъ предоставить шести державамъ, можетъ принадлежать лишь одному конгрессу. Есть кромѣ того мѣры, которыя могутъ быть приняты безотвѣтственными министрами, но на которыя не можемъ согласиться ни я, ни лордъ Кестльри». «Всѣ доводы только что приведенные вами», замѣтилъ при этихъ словахъ Талейрана Кестльри, «приходили въ голову и мнѣ. Я хорошо понимаю ихъ значеніе, но какъ же иначе поступить, чтобы не попасть въ лабиринтъ безконечныхъ

¹⁾ Всѣ эти подробности сообщаются однимъ Талейраномъ въ его тайномъ донесеніи королю Людовику XVIII. Сомнѣваться въ ихъ достовѣрности нѣтъ ни какого основанія. Никто не могъ сравниться съ Талейраномъ въ находчивости, ѣдкости и наглости. Быть можетъ, онъ и преувеличилъ кое-что въ своемъ донесеніи, но въ общемъ его рассказъ вполне подтверждается и другими свидѣтельствами.

переговоровъ?» «Но для чего-же было тогда собирать конгрессъ, если дѣло совѣщаній сопряжено съ такими трудностями», отвѣчала Талейранъ. — «Къ тому же всѣ эти трудности, быть можетъ, вовсе не такъ велики, какъ воображаютъ; мнѣ кажется, что можно найти средства для преодоленія ихъ». «Найдите какое угодно средство для избѣжанія трудности», сказалъ при этихъ словахъ Талейрана Гарденбергъ. «Но только устройте такъ, чтобы въ совѣщаніяхъ объ общихъ дѣлахъ Европы не принимали участія князь фонъ-Лейенъ и князь фонъ Липтенштейнъ».

Конференція принимала все болѣе оживленный характеръ ¹⁾ и Меттернихъ не нашелъ подъ конецъ лучшаго исхода, какъ закрыть ее и отложить рѣшеніе всѣхъ поднятыхъ вопросовъ до слѣдующаго засѣданія. Дипломаты разѣхались въ полномъ убѣжденіи, что все происходившее между ними останется въ тайнѣ, но Талейранъ не замедлилъ вывести ихъ изъ этого пріятнаго заблужденія. Уже на слѣдующій день, 1 октября, онъ обратился къ представителямъ пяти державъ съ официальной нотою, въ которой излагалъ, что, по его мнѣнію, восемь державъ, подписавшихъ договоръ 30 мая, въ силу этого обстоятельства и за отсутствіемъ посредника, вполне правоспособны составить комиссію, долженствующую подготовить всѣ вопросы, подлежащіе рѣшенію конгресса. Эта комиссія можетъ предложить организацію тѣхъ комитетовъ, кои найдены будутъ необходимыми, а равно и указать имена членовъ, кои будутъ засѣдать въ нихъ, но далѣе этого не должна идти компетенція восьми державъ, ибо онѣ не составляютъ конгресса, а только часть его. Еслибы восемь державъ вздумали присвоить себѣ право, принадлежащее лишь конгрессу, то онѣ совер-

¹⁾ «Каждый», рассказываетъ Талейранъ, «указывалъ на ту или другую трудность, сопряженную съ немедленнымъ собраніемъ конгресса. Завязался общій разговоръ. Когда кто-то вспомнилъ при этомъ о королѣ Неаполитанскомъ, то Лабрадоръ высказалъ свое мнѣніе, безъ всякаго стѣсненія. Я съ своей стороны ограничился замѣчаніемъ: «О какомъ неаполитанскомъ королѣ идетъ здѣсь рѣчь? Такое лице намъ не извѣстно». На это г. Гумбольдтъ замѣтилъ, что нѣкоторыя державы признали его и гарантировали ему его владѣнія. Я отвѣчалъ съ твердостью и холодно: «Тѣ, которые позволили себѣ такую гарантію, не должны были, и слѣдовательно и не могли поступать такъ». Pallain, стр. 13.

шили бы этимъ узурпацію, принять участіе въ которой онъ, Талейранъ, нашелъ бы несомнѣстимымъ съ своею отвѣтственностью. Трудности, соединяющіяся съ собраніемъ конгресса, не могутъ считаться непреоборимыми; къ тому же ихъ невозможно устранить откладываніемъ конгресса. Не подлежатъ сомнѣнію, что второстепенныя державы не могутъ принимать участія въ совѣщаніяхъ объ общеевропейскихъ дѣлахъ, но онъ вовсе не желаютъ этого, онъ требуютъ лишь признанія своего права. «Въ силу всѣхъ приведенныхъ соображеній, я предлагаю», такъ заканчивалась нота Талейрана, «чтобы восемь державъ немедленно приступили къ подготовкѣ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію конгресса, чтобы самый конгрессъ собранъ былъ какъ можно скорѣе и чтобы на его усмотрѣніе повергнуто было все то, къ чему приведутъ совѣщанія предварительной конференціи» ... ¹⁾).

Нота Талейрана произвела настоящій переполохъ въ средѣ представителей великихъ державъ. Гумбольдтъ назвалъ ее брандеромъ, пущеннымъ въ союзныя державы; Нессельроде усматривалъ въ ней явное намѣреніе разъединить союзниковъ, и даже лордъ Кестльри упрекалъ Талейрана, что онъ задумалъ придать своей нотѣ оффиціальныя характеристики ²⁾. Меттернихъ чувствовалъ себя совершенно побѣжденнымъ и предпочиталъ хранить, по поводу всей этой исторіи, глубокое молчаніе. Зато всѣ представители второстепенныхъ державъ ликовали, они чувствовали, что дѣло ихъ находится въ хорошихъ рукахъ.

Императоръ Александръ былъ крайне возмущенъ неслышанною наглостью Талейрана. Негодуя на неумѣлость и трусость союзныхъ дипломатовъ, онъ рѣшился лично вмѣшаться

¹⁾ «Я не могъ, доносить Талейранъ своему королю, отложить выраженіе моего взгляда до слѣдующей конференціи: сначала я составилъ мой отвѣтъ въ формѣ словесной ноты, но затѣмъ я сообразилъ, что уполномоченные четырехъ державъ составляли между собою конференціи, что они вели и подписывали при этомъ протоколы и пришелъ къ убѣжденію, что переговоры между ними и уполномоченнымъ вашего величества не должны быть бѣглыми и пустыми разговорами, что они должны быть открыты оффиціальною нотой». Pallain, стр. 14.

²⁾ Упреки эти сдѣланы были, впрочемъ, въ умѣренномъ и краткомъ тонѣ, какъ выражается самъ Талейранъ, Pallain, стр. 21, 22.

въ дѣло и дать хорошій урокъ Талейрану ¹⁾). Представитель Франціи получилъ черезъ графа Нессельроде приглашеніе явиться на аудіенцію къ императору. «Александръ, рассказываетъ Талейранъ, принялъ меня ласково и пожалъ мнѣ руку; но выраженіе лица его не было такъ любезно, какъ всегда. Его слова были коротки, его осанка серіозна, почти торжественна».

«Прежде всего», сказалъ онъ, «какъ идутъ дѣла въ вашей странѣ?»

— Такъ хорошо, какъ только можетъ желать ваше величество, и лучше, нежели можно было надѣяться.

«Общественный духъ?»

— Онъ улучшается съ каждымъ днемъ.

«Либеральныя идеи?»

— Нигдѣ не процвѣтають онѣ такъ, какъ во Франціи.

«А свобода печати?»

— Она возстановливается съ нѣкоторыми ограниченіями, требуемыми обстоятельствами. Они будутъ устранены черезъ два года, а до тѣхъ поръ они не помѣшаютъ публиковать все, что можетъ считаться добрымъ и полезнымъ.

«А армія?»

— Она вся на сторонѣ короля. 150,000 стоятъ подъ знаменами; 300,000 присоединятся къ нимъ, по первому зову.

«Маршалы?»

— Какіе, государь?

«Удино?»

— Онъ преданъ королю.

«Сультъ?»

— Онъ былъ сначала нѣсколько не доволенъ, но ему дали намѣстничество въ Вандеѣ; онъ велъ себя тамъ превосходно и заслужилъ всеобщее уваженіе и любовь.

«А Ней?»

¹⁾ Понятно, что такое рѣшеніе Александра было въ сущности большою политическою ошибкою. Ему отнюдь не слѣдовало вступать въ личныя пререканія съ уполномоченнымъ Франціи, и предоставить это дѣло своимъ министрамъ. Оправданіемъ Александру можетъ служить лишь то недовѣріе, съ которымъ онъ относился, и при томъ не безъ основанія, къ своимъ дипломатамъ.

— Онъ сожалѣеть о своихъ дотаціяхъ. Ваше Величество можете уменьшить это сожалѣніе.

«А палаты? Кажется, оппозиція начинаетъ шевелиться въ нихъ».

— Какъ вездѣ, гдѣ существуютъ совѣщательныя собранія. Расходятся въ мнѣніяхъ, но въ склонностяхъ господствуетъ полное единодушіе. Впрочемъ, во всѣхъ вопросахъ правительство всегда имѣетъ на своей сторонѣ значительное большинство.

«Однакоже, нѣтъ единодушія».

— Кто могъ сказать это Вашему Величеству. Послѣ 25 лѣтъ постояннаго переворота, положеніе короля въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ окрѣпло такъ, какъ будто онъ никогда не покидалъ страны. Можетъ ли быть лучшее доказательство, что все стремится къ одной, общей цѣли.

«Ваше личное положеніе?»

— Довѣріе и доброта короля превосходятъ мои ожиданія.

«Поговоримъ теперь о нашихъ дѣлахъ; мы должны рѣшить ихъ здѣсь».

— Это зависитъ отъ Вашего Величества. Они будутъ порѣшены скоро и счастливо, если Ваше Величество приступите къ разрѣшенію ихъ съ тѣмъ же благородствомъ и тѣмъ же величіемъ души, съ которыми порѣшили вы французскія дѣла.

«Да, но каждый долженъ получить при этомъ свою выгоду».

— И каждый свое право.

«Я удержу за собою то, что я занялъ».

— Ваше Величество пожелаете удержать лишь то, что принадлежитъ вамъ по праву.

«Я нахожусь въ соглашеніи съ великими державами».

— Не знаю, причисляете ли, Ваше Величество, къ таковымъ Францію.

«Да, разумѣется, но если вы не хотите, чтобы каждый получилъ свое право, то чего-же хотите вы здѣсь».

— Я ставлю впереди право, а затѣмъ уже выгоду.

«Выгода Европы и есть право».

— Этотъ языкъ, государь, не вашъ языкъ. Онъ чуждъ вамъ и ваше сердце порицаетъ его.

«Нѣтъ, повторяю: интересъ Европы и есть право».

При этихъ словахъ Александра, Талейранъ поворотился къ стѣнѣ, около которой онъ стоялъ, ударилъ въ нее нѣсколько разъ головою и воскликнулъ: «Европа! бѣдная Европа!» Вслѣдъ затѣмъ онъ оборотился лицомъ къ Александру. «Государь!» сказалъ онъ голосомъ, въ которомъ звучало дѣлвное отчаяніе, «неужели о васъ будутъ говорить впоследствии, что вы низринули насъ въ бездну». — Александръ остался непоколебимъ. «Скорѣе война», сказалъ онъ съ твердостью, «нежели отказъ отъ того, что занято мною». «Тогда», рассказываетъ Талейранъ, «я опустилъ руки и принялъ положеніе глубоко огорченнаго, но тѣмъ не менѣе рѣшившагося на все человѣка. Мое молчаніе, казалось, говорило ему: «вина падеть не на насъ». Прошло нѣсколько моментовъ молчанія, оно было прервано Александромъ. «Да скорѣе война!» сказалъ онъ еще разъ. «Мнѣ пора идти въ театръ», добавилъ онъ болѣе мягкимъ голосомъ, «я далъ слово императору, меня ожидаютъ». Аудіенція окончилась, Талейранъ раскланялся ¹⁾).

Итакъ, если вѣрить Талейрану, разговоръ его съ императоромъ констатировалъ лишь глубокое принципиальное различіе во взглядахъ, различіе, исключавшее, повидимому, всякую возможность соглашенія ²⁾. Представитель Бурбонской Франціи услышалъ теперь изъ высочайшихъ устъ все то, что было ему извѣстно изъ другихъ источниковъ. Хотя въ теченіе всего разговора не было упомянуто ни единымъ словомъ ни о Польшѣ, ни о Саксоніи, но тѣмъ не менѣе Талейранъ услышалъ, что императоръ скорѣе рѣшится вести новую войну, нежели уступить то, что было занято имъ, т. е. герцогство Варшавское. Что-же касается до Саксоніи, то Александръ употребилъ въ разговорѣ выраженіе: измѣнники дѣлу Европы, и Талейранъ понялъ къ кому относится это выраженіе. Впро-

¹⁾ Pallain, стр. 15—20

²⁾ Талейранъ самъ замѣчаетъ, что онъ сообщаетъ королю лишь выдающуюся часть разговора своего съ Александромъ. Если Талейранъ счелъ такимъ образомъ удобнымъ молчать о многомъ, то кто рѣшится утверждать, что онъ перedalъ остальное съ бுவальнойю точностью.

чемъ, рѣшимость русскаго государя ни мало не испугала ловкаго интригана. Онъ полагалъ, что Александръ никогда не отважится на войну въ томъ случаѣ, если онъ окажется въ положеніи изолированномъ ¹⁾. Поставить его въ это положеніе, лишить Россію всѣхъ ея союзниковъ, вотъ была цѣль, къ которой порѣшилъ теперь стремиться всѣми силами Талейранъ ²⁾.

Вторая конференція уполномоченныхъ семи державъ происходила 3-го октября. Талейранъ держалъ себя съ возрастающимъ нахальствомъ. На замѣчаніе Меттерниха, «что было-бы гораздо лучше, если бы мы сами устроили свои дѣла», онъ отвѣчалъ: «Если такъ, то я совершенно согласенъ съ вами». «Въ какомъ смыслѣ?» спросилъ Меттернихъ. «Въ самомъ простомъ», возразилъ Талейранъ, «я не буду принимать болѣе участія въ вашихъ конференціяхъ, я останусь здѣсь въ качествѣ члена конгресса и буду ожидать его открытія». — «Но какъ же можно будетъ собрать конгрессъ, если не будетъ ничего подготовлено для его совѣщаній», продолжалъ возражать Меттернихъ. «Ну, хорошо», замѣтилъ Талейранъ, «я докажу, что я вовсе не желаю создавать однѣ трудности, что я готовъ на все, что можетъ быть соглашено съ моими принципами, отказаться отъ которыхъ я не могу. Такъ какъ собраніе конгресса еще не подготовлено, такъ какъ вы желаете отложить его, то отложите его на двѣ, на три недѣли, я согласенъ, но подъ двумя условіями: во-первыхъ, назначьте теперь же день созванія, и во-вторыхъ, установите правило о допущеніи на конгрессъ. Я изложилъ это правило въ томъ видѣ, какъ предписываютъ мнѣ инструкціи Его Величества, короля моего. Оно гласитъ, что участвовать въ конгрессѣ могутъ лишь тѣ монархи, верховныя права которыхъ признаны всѣ-

1) «Государь, отвѣтилъ на эти слова Александра Талейранъ, это дѣло времени и послѣдствіе затрудненій, въ которыя можно попастьъ, благодаря обстоятельствамъ».

2) «Я убѣжденъ», писалъ между прочимъ Талейранъ Людовику XVIII, «что Пруссія и Россія дѣлаютъ такъ много шума и говорятъ съ такимъ высокомеріемъ лишь потому, что хотятъ вывѣдать, что думаютъ другіе, и что они дважды пере-думаютъ прежде, нежели рѣшатся довести дѣла до крайности». Pallain, стр. 7.

ми». Уполномоченные приняли къ свѣдѣнію сообщеніе Талейрана, и конференція разошлась безъ всякаго результата ¹⁾).

Между тѣмъ Меттернихъ рѣшился измѣнить всю свою тактику. До сихъ поръ онъ выступалъ въ качествѣ противника Талейрана, но выступалъ совершенно неискренно, частью по своей обычной нерѣшимости и легкомыслію, частью изъ опасенія оттолкнуть окончательно отъ Австріи ея союзниковъ. Теперь, убѣдившись, что Талейранъ вполне раздѣляетъ его собственные взгляды на Польско-Саксонскій вопросъ и что лордъ Кестльри становится также на точку зрѣнія французскаго уполномоченнаго, онъ рѣшился сбросить маску и вступить въ соглашеніе съ Талейраномъ. Меттернихъ зналъ прекрасно, что французскій министръ, заявившій съ такою настойчивостью и апломбомъ о своихъ принципахъ, руководится во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ далеко не одними этими принципами и даже не одними интересами Франціи, а также и своими собственными личными выгодами. Австрійскому канцлеру сдѣлалось извѣстнымъ, что Талейранъ получилъ отъ Мюрата 300,000 дукатовъ и обязался поддерживать за эту сумму его права на Неаполь; что вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ такую же сумму отъ Фердинанда Сицилійскаго и далъ слово его уполномоченному добиваться въ Вѣнѣ всѣми силами сверженія Мюрата ²⁾. Далѣе, Меттернихъ узналъ, черезъ своихъ секретныхъ агентовъ, что французскій министръ получилъ отъ Саксонскаго короля 3 милліона флориновъ и укрѣпился съ тѣхъ поръ еще болѣе въ своихъ легитимныхъ воззрѣніяхъ на Саксонскій вопросъ ³⁾. Изъ всѣхъ этихъ свѣ-

¹⁾ Pallain, стр. 24—25.

²⁾ Перцъ, жизнь Штейна, Т. IV, стр. 113, гдѣ ссылка на Савари, Мемуары: Т. 8, наилучшаго знатока во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ.

³⁾ «Il (т. е. король Саксонскій) a pris un bien meilleur parti. Dans la crainte de quelque fâcheux evenement, le bon prince avait eu soin d'amasser une petite réserve. Il en détaché quelques millions en faveur de deux personnages forts influents à Vienne. Le clé d'or lui ouvrira les portes de son royaume, bien plus promptement que tous les protocoles du Congrès». Comte de la Garde, Т. I, стр. 429. Шатобрианъ въ своихъ замогильныхъ запискахъ говоритъ, что Талейранъ получилъ отъ саксонскаго короля три милліона франковъ. «Memoires d'outre tombe, Т. 6, стр. 441.

дѣній, австрійскій канцлеръ могъ вывести убѣжденіе, что если кто либо, то именно Талейранъ можетъ и долженъ поддерживать его въ Польско-Саксонскомъ вопросѣ и рѣшился вступить въ тайную сдѣлку съ французскимъ министромъ.

Сдѣлка состоялась на тайномъ совѣщаніи между Меттернихомъ и Талейраномъ ¹⁾. Съ самаго начала разговора Меттернихъ заявилъ, что отнынѣ не должно быть болѣе рѣчи о союзникахъ, что союза болѣе не существуетъ. «Есть здѣсь люди», возразилъ Талейранъ, «которые могли бы быть союзниками, не заключая между собою формальнаго договора, единственно въ силу своихъ одинаковыхъ воззрѣній и одинаковыхъ интересовъ. Откуда берется у васъ мужество окружать ваши важнѣйшія владѣнія: Венгрію и Богемію, русскимъ поясомъ? Какъ можете вы потерпѣть, чтобы законное достояніе вашего стараго, добраго сосѣда, сосѣда, въ семейство котораго вышла замужъ одна изъ вашихъ эрцъ-герцогинь ²⁾, перешло въ руки вашего наслѣдственнаго врага? Удивительно, что всему этому сопротивляемся мы, а не вы». Меттернихъ возразилъ, что князь напрасно относится къ нему съ такимъ недоувѣріемъ. «Какъ могу я довѣриться чело-вѣку», отвѣчалъ Талейранъ, «облекающемуся въ тайну по отношенію къ тѣмъ, которые готовы отстаивать его дѣло какъ свое собственное? Я, съ своей стороны, чуждъ всякой тайственности; я не нуждаюсь въ ней; такова выгода того, кто ведетъ переговоры на основаніи однихъ принциповъ. Вотъ перо и бумага; напишите, что Франція ничего не требуетъ и ничего не приметъ. Я готовъ подписать ее». «Но, возразилъ Меттернихъ, и у васъ есть свое особое, исключительно вамъ принадлежащее дѣло, дѣло Неаполитанское». «Оно столько же наше, сколько и всѣхъ другихъ», отвѣчалъ Талейранъ. «Для меня это вопросъ принципа; я требую, что-

1) «Я получилъ отъ Меттерниха записку», доносилъ Талейранъ королю, «въ которой онъ извѣщалъ, что въ восемь часовъ будетъ конференція, но что если я прийду къ нему немного ранѣе, то онъ будетъ говорить со мною объ очень важныхъ дѣлахъ. Я пошелъ къ нему въ 7 часовъ» и т. д. Pallain, стр. 28.

2) Эрцъ-герцогиня Марія Терезія, сестра императора Франца, вышла за принца Антона Саксонскаго, впоследствии (съ 1827 г.) короля Саксоніи.

бы въ Неаполѣ царствовалъ тотъ, кто имѣетъ на это право, и больше ничего. Этого должны требовать и всѣ другіе. Пусть лишь слѣдуютъ принципамъ, и я окажусь уступчивымъ во всемъ. Я понимаю, что Саксонскій король, въ своемъ положеніи, вынужденъ будетъ принести жертвы; я полагаю, что онъ согласится на нихъ, ибо онъ человѣкъ разумный; но я никогда не соглашусь, чтобы у него отняли всѣ его земли и отдали все Саксонское королевство Пруссіи. Точно также, я никогда не соглашусь, чтобы Люксембургъ и Майнцъ были отданы Пруссіи. Я не позволю также, чтобы Россія распространилась за Вислу, чтобы она увеличила число своихъ подданныхъ въ Европѣ до 44 милліоновъ, чтобы она поставила своею границею Одеръ. Но если Люксембургъ будетъ предоставленъ Голландіи, Майнцъ Баваріи, если сохранены будутъ король и королевство Саксонское, и если Россія не перейдетъ черезъ Вислу, тогда я не буду имѣть никакихъ возраженій относительно этой части Европы». При этихъ словахъ, Меттернихъ схватилъ руку Талейрана. «Князь», сказалъ онъ ему, «мы стоимъ вовсе не такъ далеко другъ отъ друга, какъ вы думаете. Обѣщаюсъ вамъ, что Пруссія не получитъ ни Люксембурга, ни Майнца; мы заинтересованы столь-же мало, какъ и вы, въ непомерномъ увеличеніи Россіи, что-же касается Саксоніи, то мы сдѣлаемъ все, что въ нашихъ силахъ, дабы сохранить, хотя часть ея». Затѣмъ Меттернихъ перешелъ къ формальному вопросу о конгрессѣ. Онъ просилъ Талейрана не настаивать на предложенномъ имъ правилѣ. «Оно можетъ всѣхъ напугать, оно неудобно и для меня въ настоящую минуту. Мюратъ сочтетъ свое дѣло потеряннымъ, какъ только его уполномоченный не будетъ допущенъ на конгрессъ, и кто можетъ сказать, куда увлечетъ его страсть. Онъ готовъ къ войнѣ въ Италіи, а мы нѣтъ». Талейранъ, довольный результатами соглашенія, обѣщался не настаивать пока на своемъ условіи ¹⁾).

Въ тотъ же вечеръ состоялась третья конференція уполномоченныхъ. На этотъ разъ присутствовали представители

¹⁾ Pallain, стр. 28—30.

всѣхъ восьми державъ, подписавшихъ Парижскій договоръ. Въ качествѣ шведскаго министра былъ графъ Левенгельмъ. Меттернихъ прочелъ два проекта ноты о созваніи конгресса, проектъ Талейрана и свой собственный. Его проектъ не заключалъ въ себѣ никакихъ правилъ о допущеніи и ограничивался тѣмъ, что назначалъ днемъ открытія конгресса 1-е ноября. Уполномоченные Россіи, Пруссіи и Швеціи согласились съ проектомъ Меттерниха. Талейранъ объявилъ, что онъ беретъ назадъ свой проектъ, но подъ условіемъ, чтобы въ австрійскій проектъ вставлена была фраза: «и открытіе конгресса воспослѣдуетъ въ согласіи съ основными постановленіями международнаго права». При этихъ словахъ поднялся страшный шумъ. Гарденбергъ всталъ съ мѣста и крикнулъ почти угрожающимъ голосомъ. «Международное право? это лишнее. Къ чему объявлять, что мы будемъ дѣйствовать на основаніи общественнаго права? Это понятно само собою, безъ всякаго объявленія». Талейранъ возразилъ, что если это понятно безъ объявленія, то будетъ еще понятнѣе съ объявленіемъ. Гумбольдтъ воскликнулъ: «къ чему тутъ общественное право». «Въ силу этого права, вы находитесь здѣсь», отвѣчалъ ему Талейранъ. Лордъ Кестльри понялъ, что дѣло можетъ пойти слишкомъ далеко и взялъ на себя роль посредника ¹⁾. Онъ и Генцъ успѣли въ концѣ концовъ уладить дѣло. Фраза объ общественномъ правѣ была вставлена въ проектъ ноты, только не на томъ мѣстѣ, гдѣ требовалъ этого первоначально Талейранъ. Тѣмъ не менѣе побѣда, одержанная уполномоченнымъ Франціи, была полная. Присутствовавшіе не могли скрыть отъ самихъ себя фактъ понесеннаго ими

¹⁾ «Кестльри отвелъ меня въ сторону и спросилъ меня, окажусь ли я уступчивѣе, если въ этомъ пунктѣ желаніе мое будетъ исполнено. Въ свою очередь я спросилъ его, чего могу ожидать я отъ него въ неаполитанскомъ вопросѣ въ случаѣ моей уступчивости. Онъ обѣщалъ поддерживать меня всѣмъ своимъ вліяніемъ. «Я поговорю объ этомъ съ Меттернихомъ», добавилъ онъ, «я имѣю право имѣть объ этомъ вопросѣ свое мнѣніе». «Вы даете мнѣ ваше честное слово?» спросилъ я; «да, я даю его вамъ», отвѣтилъ онъ. «А я», отвѣчалъ я ему, «даю вамъ честное слово, что я буду непреклоннымъ лишь тамъ, гдѣ дѣло будетъ идти о принципахъ». Pallain, стр. 31.

тяжелаго пораженія. Генцъ замѣтилъ во время самой конференціи: «Исторія этого вечера, господа, принадлежитъ исторіи конгресса. Не я буду рассказывать ее, ибо мнѣ запрещаетъ это мой догъ, но тѣмъ не менѣе она будетъ внесена въ нее ¹⁾».

Можно сказать, ни мало не ошибаясь, что на этой конференціи порѣшенъ былъ весь дальнѣйшій ходъ и направленіе Вѣнскихъ совѣщаній. Если до сихъ поръ можно еще было говорить о союзникахъ и противопоставлять имъ Францію; то теперь сдѣлалось очевиднымъ, что бывшая великая коалиція распалась окончательно и что на мѣсто бывшей группировки державъ сложилась совершенно новая комбинація. Побѣжденная Франція не стояла уже теперь особнякомъ; Австрія и Великобританія сблизились съ нею и намѣревались отстаивать сообща одни и тѣ-же интересы.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Pallain, стр. 32.

ИЗЪ ЧТЕНІЙ ПО КОСМОЛОГІИ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ МІРА.

(Продолженіе *).

II.

Дуалистическая и пантеистическая теоріи происхожденія міра.

1. Подвергая критикѣ ученіе матеріалистовъ о происхожденіи міра, мы видѣли, что независимо отъ теоретическихъ соображеній, безпристрастное эмпирическое наблюденіе надъ природою, опровергая матеріалистическій монизмъ, необходимо приводитъ насъ къ признанію двухъ, не выводимыхъ одно изъ другаго, самостоятельныхъ началъ природы,—матеріи, какъ начала пассивнаго, и организующей матерію невещественной силы. Такимъ образомъ, какъ мы и замѣтили, даже одно болѣе внимательное наблюденіе надъ природою предрасполагаетъ нашъ умъ къ дуалистическому міросозерданію ¹⁾. Вотъ почему вполне естественно, что философская мысль прежде всего остановилась на немъ, какъ скоро разумъ человѣка, при болѣе тщательномъ изученіи природы, достаточно выяснилъ себѣ различіе этихъ двухъ дѣйствующихъ въ ней началъ. Какъ скоро оказались несостоятельными гилозоическія, полуматеріалистическія представленія о „началахъ“ бытія древнѣйшихъ до сократовскихъ фісіологовъ, какъ скоро „трезвая философія“ въ лицѣ Анаксагора ²⁾ не только признала различіе двухъ на-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 24 1890 г.

¹⁾ «Вѣра и Разумъ», 1890 г., № 22, стр. 425, 426.

²⁾ По словамъ Аристотеля, Анаксагоръ, которой первый «высказалъ мысль, что

чалъ бытія—пассивнаго и активнаго, но это послѣднее поняла какъ Разумъ, самостоятельный и отличный отъ матеріи, дуалистическое пониманіе происхожденія міра явилось господствующимъ во всей почти древней философіи, за исключеніемъ матеріалистовъ (атомисты). При самостоятельной матеріи Богъ является не творцемъ міра, а только его устройтеlemъ, художникомъ, первымъ двигателемъ или имманентною веществу душою міра. Частныя различія между философскими системами въ объясненіи происхожденія міра съ этой точки зрѣнія опредѣляются только различіемъ воззрѣній на сущность и первоначальный видъ этой матеріи, чѣмъ опредѣлялась степень и форма участія Божества въ дѣлѣ мірообразованія. Тогда какъ одни, напр., представляли матерію съ нѣкоторыми уже данными первичными свойствами и качествами (оміомеріи Анаксагора, четыре стихіи Емпедокла), другіе лишали ее всѣхъ опредѣленныхъ свойствъ, утончали ее почти до отрицанія ея реальности. Такъ Платонъ называлъ ее чѣмъ-то совершенно безформеннымъ (ἄμορφον) и не сущимъ (μὴ ὄν), хотя это не сущее не есть то же, что несуществующее; при такой матеріи Богу въ дѣлѣ мірообразованія предоставляется почти все; онъ является почти Творцомъ міра и дуализмъ самою тонкою чертою отдѣляется отъ теизма.

Тогда какъ первоначальнымъ мотивомъ дуализма для греческихъ философовъ служило замѣчаемое во внѣшнемъ опытѣ различіе двухъ сторонъ міроваго бытія,—пассивной и активной, что при дальнѣйшей абстракціи мысли вело къ признанію двухъ самостоятельныхъ началъ,—организуемой матеріи и организующаго духа — Божества, восточная мысль обратила главное вниманіе на данное первоначально во внутреннемъ опытѣ качественное различіе совершенства и несовершенства, добра и зла. Переносъ эти противоположности изъ внутренняго, субъективнаго міра въ міръ внѣшній, и, будучи не въ силахъ вы-

въ природѣ, равно какъ и во всѣхъ живыхъ существахъ, обитаетъ разумъ, и что онъ есть причина всякой красоты и порядка, явился какъ бодрствующій и трезвый среди прежнихъ философовъ, высказывавшихъ необстоятельныя мнѣнія». Metaph. 1. 3.

вести ихъ изъ какого-либо общаго имъ принципа, она (въ персидской теософіи) пришла къ признанію двухъ, противоположныхъ по качеству началъ бытія—добраго и злаго,—къ дуализму, который въ отличіе отъ греческаго, метафизическаго можно назвать иеическимъ. Созданіе міра есть совокупное дѣйствіе того и другаго начала бытія, а такъ какъ эти начала радикально противоположны, то дѣйствительное образованіе міра есть не что иное, какъ процессъ постоянно продолжающейся борьбы между ними, съ надеждою, впрочемъ, окончательнаго торжества начала добра надъ началомъ зла.

Не смотря на различіе исходныхъ точекъ зрѣнія, ко времени упадка греческой философіи и сближенія ея съ восточными ученіями, встрѣчаются попытки объединить ту и другую форму дуализма, придавъ *матеріи* греческихъ философовъ качественную окраску, какъ начала морально несовершеннаго и служащаго источникомъ зла. Но эти попытки, въ манихействѣ и нѣкоторыхъ гностическихъ сектахъ, какъ лишенные строго-философскаго характера, не имѣли успѣха. Дуализмъ, по преимуществу принадлежавшій древней философіи, надолго исчезаетъ съ появленіемъ новой, христіанской философіи. Но окончательно исчезнувшимъ его назвать нельзя. Не смотря на скептической характеръ философіи Беля ¹⁾, у него высказывается замѣтная симпатія къ дуалистическому міросозерцанію, которое принимаетъ довольно ясную и опредѣленную форму въ ученіи о религіи извѣстнаго Д. С. Милля. Довольно замѣчательно при этомъ, что по мотивамъ, склонявшимъ этихъ мыслителей къ дуалистическому міросозерцанію, они болѣе примыкаютъ къ восточному, чѣмъ къ западному дуализму. Ихъ вниманіе останавливается не столько на фактахъ кажущейся противоположности между активной и пассивною сторонами міроваго бытія, которая приводила греческихъ философовъ къ дуализму духа и матеріи, сколько фактъ замѣчаемаго въ мірѣ совершенства и несовершенства, добра и зла, объяснить который они считали невозможнымъ съ признаніемъ единой высо-

¹⁾ Авторъ знаменитаго въ свое время: «Dictionnaire historique et critique» (1702 ed. 2).

чайше премудрой и всемогущей причины міра. У Беля этотъ мотивъ ясно выступаетъ въ сочувствіи къ дуализму въ формѣ манихейства. По мнѣнію Милля, несовершенства міра не позволяютъ намъ считать Бога всемогущимъ творцемъ міра, а только образователемъ данной міровой матеріи, сила котораго ограничивается тѣми же условіями, которыя заключаются въ природѣ этой матеріи. Въ этой ограниченности Его силы и заключается причина разнообразныхъ несовершенствъ Его творенія, которое при неоспоримыхъ слѣдахъ мудрости и благодати своего устроителя, заключаетъ въ себѣ такъ много зла всякаго рода, что не можетъ быть мыслимо, какъ дѣло абсолютнаго всемогущества, премудрости и благодати. Только съ признаніемъ метафизической ограниченности Божества можно удержать понятіе Его нравственной чистоты и возвышенности, потому что только такимъ образомъ причина недостатковъ и зла можетъ быть не относима на счетъ Бога. Допуская же общепринятое ученіе объ абсолютномъ всемогуществѣ Творца и о возможности поэтому созданія міра изъ ничего, мы необходимо будемъ вносить въ идею о Богѣ неразрѣшимыя противорѣчія, считать его виновникомъ всякаго зла и несовершенства. Но какъ скоро съ отстраненіемъ предиката всемогущества, на Богѣ не будетъ тяготѣть отвѣтственность за теченіе дѣлъ въ мірѣ, мы въ состояніи будемъ составить болѣе чистое и соотвѣтственное понятіе о божественномъ идеалѣ.

Что дуалистическое возрѣніе не совмѣстимо съ истиннымъ понятіемъ о Богѣ, какъ существѣ абсолютномъ, какъ по бытію, такъ и по совершенствамъ—понятно само собою. Допуская кромѣ Бога существованіе другаго самобытнаго начала (матеріи), мы ограничиваемъ Божество, такъ что оно не можетъ быть истинно абсолютнымъ. Его бытіе встрѣчаетъ границы тамъ, гдѣ начинается бытіе матеріи. Ограниченное по бытію, оно по тому самому окажется ограниченнымъ и по своимъ свойствамъ. Оно не будетъ абсолютно свободнымъ (всемогущимъ), такъ какъ Его дѣйствія будутъ условливаться матеріею; произведенія Его не могутъ быть такъ совершенны, какъ требовала бы того Его премудрость и благодать и предотвратить ихъ несовершенства оно не въ силахъ. Его бла-

гости и разуму положены границы, точно такъ же, какъ и Его всемогуществу.

Нельзя сказать, чтобы это затрудненіе,—согласить бытіе матеріи, какъ самостоятельнаго начала съ идеею абсолютнаго, не чувствовалось уже древними, греческими дуалистами. Устранить это затрудненіе они думали тѣмъ, что старались какъ можно болѣе утончить, ограничить понятіе о матеріи, чтобы она по отношенію къ Божеству представляла какъ можно меньше реальности, и потому какъ можно меньше ограничивающихъ свойствъ. Мы видѣли, что у Платона матерія опредѣляется какъ $\mu\eta\ \delta\upsilon$ —не сущее, хотя это не сущее не есть то же, что не существующее; у Аристотеля она есть бытіе только въ возможности. Но съ одной стороны, подобныя представленія только маскировали затрудненіе, а не устраняли его; потому что, какъ бы мало мы ни придавали реальности матеріи, если она есть *что-нибудь*, а не чистое *ничто*, то она всегда окажется началомъ, ограничивающимъ абсолютное. Съ другой, подобнаго рода представленія послѣдовательно ведутъ къ уничтоженію и самаго понятія о матеріи, какъ о началѣ самостоятельномъ. Мы напрасно старались бы мыслить, вмѣстѣ напр. съ Платономъ, матерію какъ нѣчто совершенно безформенное (*ἀμορφον*), какъ нѣчто не сущее, но въ то же время и существующее. Мы не иначе можемъ представить себѣ матерію какъ бытіемъ, имѣющимъ какое-либо качество, какую либо форму, въ видѣ ли то атомовъ, сплошь протяженной субстанции (*continuum*), смѣшенія элементовъ и т. п. Бытіе; не имѣющее никакой опредѣленности, никакихъ качествъ, не мыслимо. Но если мы представляемъ матерію съ какими либо качествами, формою или свойствами, то рождается вопросъ: откуда же въ ней эти свойства, эта форма? По самому понятію о матеріи, какъ началѣ абсолютно пассивномъ, мы должны искать источника самыхъ свойствъ матеріи въ началѣ активномъ—въ Богѣ. Но въ такомъ случаѣ за уничтоженіемъ въ матеріи всѣхъ опредѣленныхъ свойствъ и формъ, что же останется у насъ отъ самаго понятія о матеріи и какая нужда въ предположеніи ея для объясненія происхожденія міра? Въ самомъ дѣлѣ, если все разнообразіе міровыхъ существъ и явле-

ній, весь строй и порядокъ въ мірѣ, все, что дѣлаетъ его міромъ, какъ благоустроеннымъ цѣлымъ (*κόσμος*), есть дѣло высочайшей, разумной причины міра, то почему не можетъ быть ея же произведеніемъ и самая матерія, если она нужна для образованія вселенной? Та причина, которая произвела міръ изъ грубой и нестройной матеріи, могла произвести и самую матерію. Последнее не только не труднѣе перваго, но востолько разъ удобнѣе, восколько легче произвести нѣчто болѣе простое (матерія), чѣмъ болѣе сложное и совершенное, каковъ міръ, устроенный изъ матеріи.

Но можетъ быть, не смотря на всѣ метафизическія затрудненія допустить существованіе самобытной матеріи, мы должны признать такое существованіе въ виду удобствъ разъяснить при ея помощи фактъ несовершенствъ и зла, замѣчаемыхъ нами въ мірѣ,—фактъ, который, повидимому, не поддается объясненію, какъ скоро мы допускаемъ только *одну*, абсолютно совершенную причину міра? Но не трудно замѣтить, что гипотеза самобытной матеріи нисколько не облегчаетъ для насъ рѣшенія этого, дѣйствительно труднаго вопроса.

По примѣру Лейбница мы можемъ отличить три формы или вида міроваго несовершенства, такъ называемаго, зла, принимая это выраженіе въ самомъ широкомъ значеніи слова: зло метафизическое,—ограниченность и условность міровыхъ существъ, зло физическое,—возмущающія наши чувства явленія въ физическомъ мірѣ, напр., болѣзни, бури, наводненія, истребительную войну органическихъ существъ между собою и т. п., и наконецъ, зло нравственное, зло въ собственномъ смыслѣ слова. Но ни одинъ изъ этихъ видовъ зла не можетъ быть поставленъ въ зависимость отъ существованія матеріи, какъ производящей его причины. Ограниченность и несовершенство всякаго условнаго бытія есть необходимое слѣдствіе самаго отличія его отъ безусловнаго, неограниченнаго и абсолютно совершеннаго. Матерія не можетъ быть причиною этого явленія, такъ какъ мы встрѣчаемъ его и въ области бытія нематеріальнаго, духовнаго. Такъ, напр., самый идеальный міръ у Платона, въ его отрѣшенности отъ чувственнаго проявленія, представляетъ однакоже множественность идей и относительность

степени ихъ совершенства, по которымъ одна идея сравнительно съ другою можетъ быть названа менѣе совершенною. Что касается до зла физическаго, то подлежитъ еще сомнѣнію, можетъ ли оно быть названо зломъ, въ объективномъ значеніи этого слова, а не въ смыслѣ субъективнаго только впечатлѣнія, производимаго нѣкоторыми явленіями природы на человека. Тѣ явленія, которыя съ своей, человѣческой точки зрѣнія мы считаемъ зломъ (напр. бури, землетрясенія, борьба за существованіе и т. п.), на самомъ дѣлѣ имѣютъ важное и разумное значеніе въ общей экономіи природы и обуславливаютъ сохраненіе ея строя и законосообразности. При томъ же они составляютъ явленія, свойственныя не первобытной матеріи, какъ таковой, но факты, уже впоследствии возникшіе, вслѣдствіе разнообразной комбинаціи силъ и законовъ природы, обуславливающей міровую жизнь. Но силы и законы природы не могутъ быть продуктомъ самой матеріи, а той высочайшей Причины, которая служитъ источникомъ этихъ силъ и законовъ. Остается зло нравственное. Но къ матеріи самой по себѣ никакъ не могутъ быть приложены предикаты нравственнаго совершенства и несовершенства,—добра и зла. Какъ матерія, такъ и матеріальные предметы сами по себѣ не могутъ быть названы ни добрыми, ни злыми. Добро и зло суть явленія міра духовнаго и предполагаютъ сознаніе и свободу. Чтобы вывести эти явленія изъ матеріи, какъ своей первой причины, нужно признать эту причину сознательною и самодѣйствующею въ извѣстномъ—*зломъ* направленіи. Поэтому восточный, иеическій дуализмъ былъ вполне послѣдователенъ, когда самостоятельное начало несовершенства въ мірѣ представлялъ въ видѣ личнаго злого начала (Ариманъ), а міръ понималъ какъ результатъ борьбы между нимъ и добрымъ началомъ (Ормуздъ). Но не трудно замѣтить всю несостоятельность подобнаго воззрѣнія. Не говоримъ о капитальномъ метафизическомъ его недостаткѣ,—признаніи двухъ абсолютныхъ началъ бытія, ограничивающихъ другъ друга, при чемъ ни одно изъ нихъ не заслуживаетъ имени абсолютнаго. Цѣлесообразный строй и единство вселенной, связь и гармонія ея явленій, рѣшительно указываютъ на единство творческаго начала вселенной и не могутъ быть явленіемъ боръ-

бы двухъ началъ, въ результатѣ которой ничего не могло бы выйти кромѣ нестроенія и безпорядка. Дѣлать же предметы на совершенные и несовершенные, добрые и злые, могло только наивное міросозерцаніе древнихъ, при чемъ основаніемъ дѣленія служили не объективныя свойства вещей, а чисто субъективныя отношенія ихъ къ личной пользѣ или вреду человѣка. На самомъ дѣлѣ въ примѣненіи къ природѣ, понятія совершенства и несовершенства суть понятія относительныя; одинъ и тотъ же предметъ можетъ быть и совершеннымъ относительно другаго, ниже его лежащаго предмета, и несовершеннымъ въ сравненіи съ высшимъ, почему и нельзя возводить эти свойства къ двумъ противоположнымъ міровымъ принципамъ.

Изъ сказаннаго нами видно, что дуалистическое объясненіе происхожденія міра нисколько не достигаетъ той главной цѣли, къ которой стремится,—согласить существованіе несовершенствъ и зла въ въ мірѣ съ понятіемъ о всесовершенномъ его виновникѣ, такъ какъ въ матеріи самой по себѣ не можетъ заключаться источника зла. Но если даже мы и допустимъ послѣднее, то этимъ нисколько не спасемъ понятія о совершенствѣ и благости Творца, но скорѣе окончательно уничтожимъ это понятіе. По мнѣнію Милля, только съ признаніемъ самостоятельной матеріи и вслѣдствіе этого метафизической ограниченности Божества можно удержать понятіе Его нравственной чистоты и возвышенности, такъ какъ только такимъ образомъ причина недостатковъ и зла можетъ быть не относима на счетъ Бога. Но при этомъ невольно возникаетъ вопросъ: если все зло и несовершенство міра возникаетъ вслѣдствіе сопротивленія, которое встрѣчаетъ Божество въ организуемой имъ матеріи, то для чего Богу нужно было вызывать явленіе этого зла,—творить міръ? Милль на этотъ вопросъ не даетъ яснаго отвѣта. Хотя по его мнѣнію и можно допустить, что счастье твореній лежало въ намѣреніяхъ Божества при мірообразованіи, но согласно съ опытомъ мы должны признать также, что оно ни въ какомъ случаѣ не было его единственною и исключительною цѣлію; послѣдняя міровая цѣль для насъ закрыта. Болѣе опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Платонъ. Богъ, говоритъ онъ, по природѣ своей благъ и чуждъ

всякой зависимости; по своей благодати онъ не могъ терпѣть, чтобы внѣ его оставалось что-либо беспорядочное, неблагоустроенное,—матерія. Поэтому Онъ и восхотѣлъ, чтобы произошелъ міръ, въ которомъ все, сколько возможно, было бы подобно Ему ¹⁾. Подобное объясненіе можно бы назвать удовлетворительнымъ, если бы цѣль предположенная Богомъ могла быть достигнута. Но этому препятствуетъ самое понятіе о самостоятельной матеріи и въ силу этого неуничтожимости ея существеннаго свойства—быть причиною несовершенства и зла въ мірѣ. Самъ Платонъ вынужденъ признать, что зло окончательно не можетъ быть истреблено, что оно необходимо сопряжено со смертною природою и что всегда должно быть нѣчто противоположное добру ²⁾. И опытъ вовсе не показываетъ, чтобы въ процессѣ міроваго бытія вмѣстѣ съ большею и большею организаціей матеріи уменьшалась сила зла; напротивъ, она какъ будто разрастается вмѣстѣ съ этимъ процессомъ. По крайней мѣрѣ мы видѣли, что вмѣстѣ съ развитіемъ міра, съ происхожденіемъ въ немъ свободно-разумныхъ существъ, возникаетъ самое сильное изъ золъ—нравственное, котораго прежде не было. Но въ такомъ случаѣ, не должны ли мы будемъ признать борьбу божественной міротворящей Силы съ матеріею, бесплодною и безцѣльною? И не лучше ли бы было, если бы Богъ не обращалъ своей творческой дѣятельности на матерію и не вызывалъ къ бытію потенциально заключавшіяся въ ней сѣмена зла и несовершенства? Допуская послѣднее, мы можемъ быть и спасемъ вмѣстѣ съ Миллемъ и Платономъ понятіе нравственной чистоты и возвышенности Божества (желаніе и не стройное сдѣлать стройнымъ), но за то теряемъ понятіе о Его высочайшей разумности. Не принуждены ли мы будемъ согласиться съ Гартманомъ, что небытіе міра лучше, чѣмъ его бытіе и что высочайшая причина міра совершила величайшее неразуміе создавъ міръ, такъ какъ предположенная ею при этомъ цѣль, не только не достигнута, но и

¹⁾ Tim. 29 n. 30.

²⁾ Theaet. 68.

не можетъ быть достигнута въ силу непреодолимыхъ препятствій, заключающихся въ матеріи.

2. Мы видѣли, что предположеніемъ независимой отъ Бога матеріи нисколько не объясняется происхожденіе міра, какъ бытія ограниченнаго, заключающаго въ себѣ различнаго рода недостатки и зло. Итакъ, за устраненіемъ самобытной матеріи, у насъ остается одно истинно абсолютное существо—Богъ, какъ единая и исключительная причина міроваго бытія. Повидимому мы должны искать теперь въ самомъ же Богѣ тотъ субстратъ мірообразованія, который дуалисты думали находить внѣ Бога, въ самостоятельной матеріи. Самъ Богъ и есть, такъ сказать, та матерія, изъ которой образовался міръ; міръ есть модификація, инобытіе, откровеніе во внѣ самой сущности Божества. Отъ дуалистическаго мы переходимъ къ пантеистическому объясненію происхожденія міра.

Пантеизмъ есть ученіе, можетъ быть даже болѣе древнее, чѣмъ дуализмъ. Въ довольно развитой формѣ мы встрѣчаемъ его въ индѣйской философіи. Абсолютное существо—Брама есть все и все есть Брама; все изъ него исходитъ и въ него же возвращается. „Какъ паутинныя нити изъ паука, какъ дерево изъ сѣмени, огонь изъ угля, какъ потокъ изъ источника, свѣтъ изъ солнца, волна изъ поверхности воды,—такъ міръ происходитъ изъ Брамь“. Міръ есть развившійся Брама; Брама—не развившійся міръ; въ сущности они одно и то же,—только по формѣ, по способу бытія они различны; Брама—бытіе покоющееся и простое; міръ—движущееся и многообразное ¹⁾.

Въ западной, греческой, по преимуществу дуалистической философіи, мы долго не встрѣчаемъ столь ясно и рѣзко проведеннаго пантеистическаго воззрѣнія на происхожденія міра. Но ко времени упадка греческой философіи и сближенія ея съ восточными идеями, это воззрѣніе мало по малу пролагаетъ себѣ путь и, хотя не въ строго выработанной систематической формѣ, встрѣчается у нѣкоторыхъ неоплатониковъ, гностиковъ, іудейскихъ философовъ ²⁾ и даже нѣкоторыхъ средневѣковыхъ

¹⁾ Pfleiderer, Religionsphilosophie. 1878, p 452.

²⁾ Пантеистическій характеръ носить философія Каббалы. Міръ явленій, по

мистиковъ. Въ основѣ всѣхъ подобнаго рода воззрѣній, которымъ можно дать названіе *эманатизма*, лежатъ, какъ и въ индѣйской философіи, аналогіи съ реальнымъ происхожденіемъ вещей, преимущественно аналогія распространенія свѣта. Какъ сила свѣта постепенно уменьшается и ослабѣваетъ съ распространеніемъ его въ пространствѣ и удаленіемъ отъ первоисточника свѣта—солнца; такъ точно и существа, истекающія отъ Бога, необходимо и естественно оскудѣваютъ въ своихъ совершенствахъ по мѣрѣ удаленія отъ высочайшей причины и источника своего бытія—Бога; крайній предѣлъ такого оскудѣнія божественной силы есть простая, безкачественная матерія. Впрочемъ, тогда какъ одни изъ эманатистовъ причину болѣе и болѣе возрастающаго несовершенства существъ видѣли въ одномъ естественномъ оскудѣніи и уменьшеніи божественной силы съ расширеніемъ круга ея дѣйствія, подобномъ естественному уменьшенію силы свѣта съ разсѣяніемъ его въ пространствѣ, и крайнюю степень этаго оскудѣнія—матерію, понимали какъ „лишеніе“ (*privatio*) Божества; другіе средою распространенія божественнаго свѣта и вмѣстѣ причиною его постепеннаго ослабленія признавали матерію, какъ нѣкоторое положительное начало, ограничивающее дѣйствіе божественной силы.

Всѣ подобнаго рода объясненія происхожденія міра отъ Бога суть не болѣе какъ попытки не вполне яснаго и отчетливаго философскаго мышленія, которое не различаетъ представленій отъ понятій и при помощи аналогій думаетъ сдѣлать удобопріемлемымъ совершенно немислимое понятіе о Богѣ. Причину разнообразія и различныхъ степеней совершенства существъ, эманатизмъ находитъ въ постепенномъ оскудѣніи ихъ источника—Божества и какъ на возможность такого оскудѣнія указываетъ на постепенное ослабленіе и затѣмъ исчезновеніе свѣта въ пространствѣ. Но, очевидно, такое представленіе рѣшительно не согласно съ идеею о Богѣ, какъ суще-

ея ученію, есть самооткровеніе Божества. Какъ все истекло изъ безконечнаго, такъ все должно и возвратиться въ него путемъ постепеннаго очищенія, чтобы, ставъ чистымъ свѣтомъ, соединиться тѣмъ самымъ съ первоначальнымъ божественнымъ свѣтомъ.

ствѣ абсолютно простомъ и совершенномъ, въ которомъ не мыслимо самоистощеніе. Допускать же, что причина такого истощенія зависитъ не отъ Бога, но отъ матеріи, распространяясь по области которой, Божество теряетъ свою силу, какъ лучъ свѣта, встрѣчающій преграду въ туманѣ, его облегающемъ,—значитъ возвращаться къ дуализму со всѣми его недостатками. Не говорили о томъ, что эманатизмъ съ своимъ предположеніемъ, что первоначально происшедшія отъ Бога существа суть самыя совершенныя и что совершенство ихъ уменьшается по мѣрѣ дальнѣйшаго происхожденія ихъ, противорѣчитъ опыту, который показываетъ, что въ процессѣ мірообразования господствовалъ обратный порядокъ постепеннаго восхожденія отъ болѣе простаго и несовершеннаго къ болѣе и болѣе сложному и совершенному.

Новѣйшій пантеизмъ не состоитъ въ родствѣ ни съ этими слабыми его начатками въ формѣ эманатизма, ни съ нѣкоторыми полупантеистическими системами времени возрожденія наукъ (напр. Джордано Бруно). Онъ возникаетъ самостоятельно, вскорѣ послѣ освобожденія философіи отъ узъ схоластики, какъ совершенно неожиданный, повидимому, выводъ изъ философіи Декарта. Декартъ, согласно съ стоявшею на христіанской точкѣ зрѣнія схоластическою философіею, происхожденіе міра отъ Бога понималъ, какъ актъ свободной, творческой воли Божества. Кромѣ высочайшей, самосущей субстанціи—Бога, онъ, какъ извѣстно, принималъ двѣ производныя *сотворенныя* субстанціи: духъ и матерію (мышленіе и протяженіе), лежащія въ основѣ духовнаго и физическаго бытія. Спиноза, строго державшійся Декартовскаго опредѣленія субстанцій, какъ бытія безусловно самостоятельнаго, нашелъ въ понятіи сотворенной субстанціи логическое противорѣчіе: происшедшее не можетъ быть въ то же время самостоятельнымъ. Субстанція въ точномъ смыслѣ можетъ быть только *одна*,—абсолютное начало и сущность бытія—Богъ; все остальное можетъ существовать только, какъ феноменъ или атрибутъ этой субстанціи. Отсюда,—мышленіе и протяженіе, лежащія въ основѣ бытія духовнаго и физическаго, суть только модусы абсолютной субстанціи: *Deus est res extensa, Deus est res coditans*. Единичные пред-

меты, тѣла, какъ скоро мы ихъ разсматриваемъ подѣ формою протяженія,—и идеи, какъ скоро мы ихъ разсматриваемъ подѣ формою мышленія, суть видоизмѣненія этой субстанціи; они не имѣютъ никакой собственной самостоятельности и относятся къ субстанціи абсолютной, какъ волны къ морской водѣ.

Сѣмя пантеистическаго міросозерцанія, положенное Спинозою, развилось и принесло свой плодъ въ блестящихъ системахъ идеализма Гегеля и Шеллинга. Не касаясь здѣсь спеціальныхъ оттѣнковъ каждой изъ этихъ трехъ главныхъ пантеистическихъ системъ новой философіи ¹⁾, остановимъ наше вниманіе лишь на общей мысли, характеризующей всѣ пантеистическія воззрѣнія, именно, что происхожденіе міра можетъ быть мыслимо только какъ раскрытіе или модификація единой абсолютной субстанціи—Бога.

Какъ ни послѣдовательно вытекаетъ такой выводъ изъ теоретическаго ученія о единствѣ абсолютной субстанціи, не допускающей ничего внѣ и кромѣ себя, но онъ оказывается рѣшительно противорѣчащимъ здравому непосредственному сознанію человѣка и его религіозному чувству. Съ понятіемъ объ абсолютномъ началѣ бытія—Богѣ, существенно соединяется мысль объ Его абсолютномъ совершенствѣ; міръ фактически является намъ какъ совокупность существъ множественныхъ, ограниченныхъ, измѣчивыхъ и несовершенныхъ. Какимъ же образомъ онъ можетъ быть модификаціею или проявленіемъ существа абсолютно одинаго, простаго, неизмѣннаго и всесовершеннаго? Еслибы міръ былъ раскрытіемъ самаго Божества, то онъ долженъ бы имѣть и всѣ свойства божеской природы, долженъ бы быть вѣчнымъ, неизмѣннымъ, всесовершеннымъ. Но таковы ли предметы и явленія міра? Не представляютъ ли они намъ постоянной смѣны возникновенія и исчезновенія, совершенствъ и недостатковъ? Какимъ образомъ могло развиваться все это изъ природы всесовершенной?

Кромѣ несовершенствъ міра, зависящихъ отъ самой его ограниченности, есть въ немъ и другаго рода недостатки, не объясняемые одною только ограниченностью его, но составляющіе

¹⁾ О нихъ см. «Прав. Обзор.» за 1861 г. «Пантеизмъ», стр. 218—224.

прямое противорѣчіе идеямъ разумности и блага. Въ духовномъ мірѣ на ряду съ добромъ мы всгрѣчаемъ зло, на ряду съ истиною — заблужденіе, на ряду съ правдою и порядкомъ въ мірѣ общественномъ — нестроенія, беспорядки и страданія. Въ мірѣ физическомъ есть также отступленія отъ нормы, есть неудавшіяся произведенія природы, аномаліи, есть болѣзни и другіе виды физическаго зла. Неужели все злое и превратное, все, отъ чего отвращается человѣкъ, какъ противнаго разуму и добру, мы должны отнести къ Божеству, какъ проявленія Его жизни и такимъ образомъ внести въ понятіе о Немъ не только свойства ограниченности міра, но и самые его недостатки, — неразумность и зло?

Этихъ затрудненій, заключающихся въ ученіи о мірѣ, какъ саморазвитіи Божества, не могъ, конечно, не чувствовать пантеизмъ. Для устраненія ихъ представлялось только два способа: или признать самое абсолютное несовершеннымъ, при чемъ легко объяснялось бы и происхожденіе изъ него несовершеннаго; или признать его вполне совершеннымъ, а представляющіеся намъ факты несовершенства понять, какъ случайные и несущественные феномены, не имѣющіе ни реальной истины бытія, ни реального значенія, какъ чисто субъективныя воззрѣнія на нѣкоторыя свойства міровыхъ явленій.

Но перваго допустить пантеизмъ не можетъ. Не смотря на различіе оттѣнковъ, пантеистическія теоріи согласно удерживаютъ за абсолютнымъ предикатъ совершенства. Да и въ самомъ дѣлѣ, еслибы пантеизмъ допустилъ иное понятіе объ абсолютномъ, онъ въ объясненіи мірообразованія ничѣмъ не отличался бы отъ матеріализма, потому что абсолютно простая и несовершенная субстанція сама собою также не могла бы образовать разнообразнаго и совершеннаго, какъ и простая, безформенная матерія. То обстоятельство, что эта субстанція не матеріальная, а духовная, не даетъ само по себѣ никакихъ преимуществъ пантеизму, такъ какъ и духовная субстанція, какъ скоро она лишена существенныхъ свойствъ духа: сознанія, разума, свободы, — также не можетъ произвести разумнаго и разнообразнаго, какъ и первобытная матерія.

Поэтому пантеизмъ, чтобы устранить указанные нами про-

творѣчія, удерживая понятія о совершенствѣ абсолютнаго, долженъ постараться сгладить тѣ понятія о несовершенствѣ міра, которыя кажутся такъ непримиримыми съ идеею совершенства абсолютнаго начала бытія. Такъ какъ главное метафизическое несовершенство и вмѣстѣ препятствіе конечнымъ и ограниченнымъ вещамъ быть проявленіемъ безконечной субстанции состоитъ именно въ томъ, что онѣ конечны, то самый рѣшительный пріемъ пантеизма здѣсь состоитъ въ томъ, что онъ прямо отрицаетъ дѣйствительность этихъ, не согласующихся съ назначеніемъ абсолютнаго конечныхъ вещей. Истинно и реально существуетъ бытіе единое, простое, абсолютное; частное и множественное, само по себѣ, не имѣетъ никакого истиннаго бытія. Оно есть призракъ, *Майя*, какъ говорили индѣйскіе философы; обманъ чувствъ, какъ учили Елеаты; произведеніе низшей познавательной силы—воображенія, какъ думалъ Спиноза; бытіе кажущееся (*schein*), какъ утверждали нѣкоторые послѣдующіе идеалисты. Къ такому же рѣшительному пріему прибѣгали иногда пантеисты и для устраненія противорѣчащихъ понятію о совершенствѣ абсолютнаго представленій о добрѣ и злѣ, нормальности и ненормальности, красотѣ и безобразіи міровыхъ предметовъ и явленій. Всѣ подобнаго рода представленія не имѣютъ никакого реальнаго значенія, будучи чисто субъективными воззрѣніями ¹⁾.

Такимъ образомъ, отрицаніемъ самаго существованія частныхъ, несовершенныхъ и потому не могущихъ быть проявленіемъ Божества предметовъ, прямо и легко разсѣкается гор-

1) Такъ Спиноза прямо признаетъ, что различеніе добра и зла, заслуги и вины основано только на предрасудкѣ. Такъ какъ люди вообразили себѣ, будто все, что ни происходитъ въ мірѣ, происходитъ для нихъ самихъ и для ихъ блага, то въ важной вещи они стали считать преимуществомъ то, что доставляетъ имъ пользу или удовольствіе. Для обозначенія таковыхъ, чисто субъективныхъ отношеній своихъ къ свойствамъ вещей, они изобрѣли понятія таковаго, наиримѣръ, рода, какъ добро, зло, порядокъ, безпорядокъ, красота, безобразіе и т. под.; а такъ какъ при этомъ они считали себя свободными, то отсюда возникли и таковаго рода понятія, какъ похвальное и заслуживающее порицанія, заслуга, виновность. Все, что считается полезнымъ для здоровья или важнымъ для богослуженія люди называли добромъ, а противоположное тому—зломъ. Но все это не болѣе какъ субъективныя представленія нашей низшей познавательной силы—воображенія. Spinoza's Ethik. uebers. v. Kirchman. 1877, p. 46. 47.

дѣвъ узелъ, котораго иначе распутать нельзя. Но такого рода идеалистическій пантеизмъ раздѣляетъ всѣ слабыя стороны идеализма вообще. Наша мысль никакъ не можетъ согласиться на такое безусловное принесеніе въ жертву абсолютному конечнаго бытія. Не смотря ни на какое насиліе абстракціи, конечное, какъ по самому своему понятію, такъ и по своей эмпирической дѣйствительности не можетъ совершенно уничтожиться въ безконечномъ. Не смотря ни на какія требованія спекулятивнаго монизма, разумное сознаніе твердо держится за самостоятельность какъ конечнаго бытія вообще, такъ и конечныхъ вещей въ частности. Міръ живой, конкретной дѣйствительности, который столько затрудняетъ идеализмъ, не уничтожится отъ того, что въ виду этого затрудненія объявятъ его не истинно или вовсе не существующимъ. Правда, опытъ показываетъ намъ постоянное возникновеніе и исчезновеніе конечныхъ существъ и послѣдній результатъ ихъ можетъ назваться ничтожествомъ; но тѣмъ не менѣе самое конечное бытіе вообще, а не тѣ или другіе опредѣленные конечные предметы, всегда существуетъ и удерживается въ своей самостоятельности. Назвать конечное бытіе не истиннымъ въ силу предписанія абстракціи, не значитъ еще уничтожить его.

Но пусть даже частное бытіе будетъ призрачнымъ и не истиннымъ, какъ хочетъ того идеализмъ. Все же оно существуетъ въ какой бы то ни было формѣ бытія, положимъ какъ призракъ, ложь, отрицаніе истины. Откуда же оно? Откуда возникла эта призрачность и не истина бытія; если она не могла произойти изъ абсолютнаго? Положимъ даже, что представленіе о призрачномъ бытіи съ его недостатками есть субъективное произведеніе нашего я, миражъ нашего конечнаго сознанія; откуда оно могло возникнуть въ самомъ нашемъ духѣ, если онъ есть проявленіе Божества?

Вотъ почему не всѣ пантеисты рѣшаются на такое полное пожертвованіе бытіемъ конечнымъ въ пользу абсолютнаго. Результатомъ такого пожертвованія было бы полное уничтоженіе міра; поэтому Гегель справедливо назвалъ систему Спинозы, въ которой съ такою силою выставляется истинное бытіе абсолютнаго въ противоположность ничтожеству бытія конеч-

наго, *акосмизмомъ*. Гегель не отрицаетъ совершенно истины бытія опредѣленнаго, частнаго; напротивъ, въ этого рода бытіи онъ усматриваетъ реальныя формы или моменты откровенія абсолютнаго. Но въ такомъ случаѣ какъ же примирить существованіе этого бытія съ совершенствомъ абсолютнаго? Вѣдь несовершенство есть общій удѣлъ всего конечнаго, и, признавая послѣднее проявленіемъ абсолютнаго, мы допускаемъ, что оно необходимо должно открывать себя въ несовершенныхъ формахъ, становится несовершеннымъ? Рѣшеніе этого вопроса онъ находитъ въ томъ, что въ самомъ опредѣленномъ, міровомъ бытіи различаетъ двѣ стороны: бытіе истинное, разумное, дѣйствительное, и бытіе съ противоположными качествами. Не все существующее есть истина и дѣйствительно существующее; такимъ можетъ быть только общее, постоянное, неизмѣнное, слѣдовательно, разумное и божественное въ бытіи, въ противоположность конкретному, случайному и преходящему.

Но такой выходъ изъ затрудненія такъ же неудаченъ, какъ и первый. Положимъ, не все существующее служитъ проявленіемъ абсолютнаго, но только то, что пантеизму угодно признать истинно существующимъ. Во всякомъ случаѣ и здѣсь подлѣ божественнаго и кромѣ него останется нѣчто небожественное, бытіе называемое неистиннымъ и неразумнымъ, иначе бытіе конкретное и случайное. Какъ намъ понимать это конкретное бытіе, которое пантеизмъ выключаетъ изъ сферы бытія божественнаго? Существуетъ ли оно или нѣтъ? Если существуетъ, то вотъ мы подлѣ абсолютнаго имѣемъ бытіе ему противоположное, которымъ ограничиваемъ абсолютное; мы находимся въ рѣзкомъ противорѣчій съ принципомъ самаго пантеизма, который и возникъ изъ стремленія найти единое начало и единую сущность всего и освободиться отъ скрытаго дуализма, заключающагося будто бы въ обыкновенномъ представленіи о Богѣ, противоположномъ міру. Сказать, что бытіе конкретное не существуетъ, есть призрачное созданіе нашего ума? Но въ такомъ случаѣ мы снова приходимъ къ акосмизму, къ отрицанію міра, который въ сущности есть совокупность единичныхъ, конкретныхъ вещей. Такимъ образомъ пантеизмъ, утверждающій, что онъ признаетъ проявленіемъ Божества не

все, а только истинно существующее, запутывается въ противорѣчiяхъ; онъ или долженъ признать кромѣ божественнаго нѣчто иное, неистинно и неразумно, но все таки существующее и тѣмъ ограничить абсолютное; или, что и послѣдовательнѣе, отвергнуть самое существованiе всего конкретнаго, что онъ призываетъ не истинно существующимъ.

Но положимъ, что проявленiемъ божественнаго служить только истинно существующее, или, по выраженiю Гегеля, разумная дѣйствительность. Такъ называемая разумная дѣйствительность также представляетъ различныя опредѣленности (если и не опредѣленные предметы), слѣдовательно, разнообразiе, — положимъ, общiе законы и формы бытiя существъ, общiя понятiя предметовъ, которымъ какъ общему придается идеалистическая реальность, роды и виды существъ пребывающiе неизмѣнно, тогда какъ преходящiе индивидуумы обладаютъ лишь случайнымъ неистиннымъ бытiемъ. Если мы всмотримся ближе въ это разнообразiе общаго, то и здѣсь, не смотря на большую общность и отвлеченность понятiй, мы встрѣтимъ тѣ же затрудненiя для мышленiя, какiя встрѣтили бы и тогда, если бы, послѣдовательно проводя пантеистическiй принципъ, стали бы считать проявленiями божества тѣ или другiя конкретныя вещи и явленiя. Положимъ, извѣстное животное, кусокъ этого камня, этого человѣка, это частное физическое явленiе, мы не станемъ считать проявленiями абсолютнаго, потому что *эти* предметы, какъ индивидуальныя, *эти* явленiя, какъ конкретныя суть неистинная, неразумная, случайная дѣйствительность. Но мы должны признать выраженiемъ абсолютной жизни вѣчно пребывающiе роды и виды этихъ существъ, общiе законы этихъ явленiй, какъ вѣчно разумное, постоянное и необходимое въ общей системѣ бытiя. Но если такъ, то много ли выиграетъ пантеизмъ? Онъ только перенесетъ затрудненiя изъ болѣе частной и наглядной сферы въ болѣе общую и отвлеченную, но самыя затрудненiя останутся тѣ же. Для нравственнаго чувства одинаково противно; для нашего мышленiя одинаково трудно признать проявленiемъ Божества тотъ или другой родъ животныхъ, какъ то или другое животное въ отдѣльности.

То же затрудненіе встрѣтимъ мы, если изъ области бытія физическаго перейдемъ въ сферу бытія духовнаго. И здѣсь пантеизмъ въ желаніи удержать понятіе о совершенствѣ абсолютнаго проявленіемъ его считаетъ только общее, разумное, постоянное въ нравственномъ мірѣ, признавая зло явленіемъ, частнымъ, индивидуальнымъ, случайнымъ. Но на самомъ дѣлѣ опытъ показываетъ, что противоположность общаго и частнаго вовсе не тождественна съ противоположностью добра и зла; общее такъ же, какъ и конкретное само подлежитъ нравственной оцѣнкѣ, можетъ быть правымъ и неправымъ, добрымъ и злымъ. Общее, выраженіемъ котораго (у Гегеля) служитъ духъ времени, общіе интересы, цѣли и стремленія данной эпохи общечеловѣческаго развитія,— это общее само можетъ быть подвержено заблужденію и быть противонравственнымъ и порочнымъ, что мы и дѣйствительно видимъ во времена упадка общественной нравственности. Наше моральное сознаніе не только отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлымъ народамъ и эпохамъ приписываетъ различное нравственное достоинство и никогда не смѣшиваетъ нравственное и историческое значеніе извѣстнаго лица или эпохи. Съ другой стороны и наоборотъ, отдѣльное лице можетъ значительно возвышаться надъ уровнемъ общественной нравственности и индивидуальное въ нравственномъ отношеніи можетъ быть выше общаго. Отдѣльное лице можетъ быть далеко выше и нравственнѣе своего времени, какъ потому, что по своему духу и убѣжденіямъ можетъ принадлежать болѣе нравственнымъ прежнимъ временамъ, такъ и потому, что оно можетъ уйти впередъ, возвыситься надъ уровнемъ современныхъ понятій и принадлежать, такъ сказать, будущему. Отсюда видно, что почитая въ духовно-нравственной сферѣ проявленіемъ абсолютнаго только общее, мы не только не спасемъ понятія о его совершенствѣ (ибо и общее можетъ быть противонравственнымъ), но и вынуждены будемъ, вопреки нравственному чувству, смотрѣть какъ на нѣчто несовершенное, злое, на явленія высоконравственныя, какъ скоро они уклоняются отъ общаго духа и направленія времени, въ чемъ пантеизмъ находитъ подлинное выраженіе жизни абсолютнаго.

Изъ сказаннаго нами видна несостоятельность пантеистиче-

скаго пониманія происхожденія міра, какъ саморазвитія Божества. Допуская такое пониманіе, пантеизмъ одинаково противорѣчитъ и законамъ мышленія и ясному свидѣтельству сознанія. Вопреки коренному требованію мышленія онъ заставляетъ насъ приписывать одной и той же субстанціи противорѣчащія предикаты, совмѣщая въ Богѣ совершенство и несовершенство, простоту и сложность, единство и множественность, безконечность и конечность. Вопреки свидѣтельству сознанія, увѣряющаго насъ въ самостоятельности какъ насъ самихъ, такъ и предметовъ, насъ окружающихъ, пантеизмъ признаетъ все существующее проявленіемъ одного и того же абсолютнаго начала, все многоразличное по существу тождественнымъ. Однакоже мы ясно сознаемъ себя отдѣльными, самостоятельными существами, не составляющими части, свойства или модификаціи кого или чего-либо иного; также самостоятельно существующими понимаемъ и всѣ конкретные предметы окружающаго насъ міра. Откуда можетъ произойти такое ясное и не искоренимое сознаніе самостоятельности какъ нашей, такъ и другихъ предметовъ міра? Его не должно бы быть, еслибы субстанція всѣхъ вещей была одна и та же. Какъ могли бы возникнуть въ ней, противопологающія себя ей и отличающія себя отъ ней сознательныя существа? Объяснить этого пантеизмъ не можетъ.

В. Кудрявцевъ-Платоновъ.

(Продолженіе будетъ).

„ЗАКОНЪ ЖИЗНИ“ проф. МЕЧНИКОВА.

Однимъ изъ крупныхъ „событій“ въ научно-литературномъ мірѣ за послѣднее время, несомнѣнно, была помѣщенная въ сентябрьской книжкѣ столь распространеннаго журнала, каковъ *Вѣстникъ Европы*, статья проф. И. Мечникова: „Законъ жизни“.

Еще не читая самой статьи, съ великимъ прискорбіемъ мы прочли ея заглавіе: *законъ жизни*. И такъ, рѣшено все, надъ чѣмъ человѣчество мучилось тысячи лѣтъ, и найденъ „законъ жизни“.

Проф. Мечниковъ намъ знакомъ по его отличнымъ научнымъ работамъ въ *своей* области; его работы очень почтенны, и тѣмъ болѣе прискорбно, что это почтенное имя приходится видѣть подъ *удивительною* статьей.

На статью И. Мечникова необходимо обратить вниманіе потому, что онъ *профессоръ*, и довольно извѣстный.

Многіе полагаютъ, что естественныя науки представляютъ изъ себя нѣчто цѣлое, такъ что высшіе представители ихъ имѣютъ-де слово и въ рѣшеніи „вопросовъ жизни“. Это большая ошибка. Теперь у насъ все раздробилось на массу отдѣльных *мелкихъ* спеціальностей, и *общіе* вопросы намъ очень мало доступны. Даже болѣе: если спеціалистъ естественныхъ наукъ выходитъ изъ своей спеціальности,—почти съ увѣренностью можно сказать, что онъ не напишетъ ничего новаго, касаясь общихъ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи спеціалисты стоятъ на одной линіи съ любымъ семинаристомъ въ рѣшеніи

общихъ вопросовъ. Вотъ почему необходимо обращать вниманіе лишь на тѣ работы этихъ специалистовъ, которыя касаются ихъ спеціальности.

Прежде всего, необходимо отмѣтить, что проф. Мечниковъ „plus royaliste que le roy“. Какъ извѣстно, Дарвинъ не былъ „дарвинистомъ“, въ смыслѣ его послѣдователей. Онъ былъ даже религіозенъ.

И сотворилъ Богъ человека изъ земли,—вотъ, въ сущности, къ чему сводится вся теорія Дарвина; но она не касается другой половины библейскаго текста: *и вдунулъ въ ноздри его дыханіе жизни*. Какимъ бы образомъ мы ни рѣшали вопросъ о происхожденіи человѣка съ матеріальной стороны, мы будемъ рѣшать лишь первую половину его, собственно говоря, вовсе не требующую и рѣшенія. Вѣдь ясно и точно сказано, что человѣкъ сотворенъ *изъ земли*.

Проф. Мечниковъ, по его словамъ, писалъ свою статью „по поводу *нѣкоторыхъ* произведеній графа Л. Н. Толстаго“. Изъ содержанія же статьи ясно, по поводу *какихъ именно* и къ чему клонится вся статья. Многіе поняли, будто статья эта имѣетъ главною цѣлью пропаганду дарвинизма. Но на самомъ дѣлѣ—нѣтъ. Дарвинизмъ понадобился г. Мечникову лишь для того, чтобы, на основаніи полученныхъ здѣсь выводовъ, рѣшить вопросы, возбужденные „нѣкоторыми“ сочиненіями графа Л. Толстаго, а именно, если раскрыть скобки,—вопросъ *о бракѣ*. Для простоты и ясности мы будемъ кратки и изложимъ здѣсь, прежде всего, такъ-сказать, сгущенный экстрактъ изъ его мыслей.

„Подходъ“ къ главной цѣли (мы не говоримъ „приступъ“) у г. Мечникова довольно длиненъ; но мы постараемся изложить его покороче.

По Мечникову, не подлежитъ сомнѣнію, что люди произошли отъ животныхъ, и на основаніи сравнительно-анатомическихъ соображеній онъ доказываетъ, что еще и нынѣ устройство нашего тѣла весьма несовершенно, ибо отъ нашихъ, гулявшихъ стадами, прародителей осталось-де „нѣкоторое наслѣдіе“, которое еще и нынѣ даетъ себя „чувствовать“. Можемъ ли мы исправить вредныя послѣдствія, или неудобства этого наслѣдія? По мнѣнію г. Мечникова, не только можемъ но да-

же очень легко, примѣняя къ людямъ тѣ же приемы, какіе нынѣ примѣняютъ въ своей сферѣ „любители животныхъ и растеній“. Стоитъ только устроить и для людей особые „заводы“, по образцу конскихъ,—и мы въ концѣ концовъ получимъ „идеальнаго“ человѣка, напр., съ крыльями, или даже съ чѣмъ угодно, путемъ „естественнаго подбора“.

Установивъ всѣ эти положенія, г. Мечниковъ переходитъ къ „дѣлу“, а именно къ „женскому вопросу“. Онъ полагаетъ, что нѣтъ ничего легче, какъ достигнуть „измѣненія нѣкоторыхъ природныхъ свойствъ, мѣшающихъ женщинамъ удовлетворять непреложное стремленіе въ высшія сферы человѣческой дѣятельности“. Эти „нѣкоторыя природныя свойства“ состоятъ въ томъ, что „женская природа спеціально приспособлена къ произведенію и воспитанію дѣтей“. Мы уже знаемъ, что съ человѣческой природой мы можемъ сдѣлать все, что намъ угодно; слѣдовательно, устранить эти вредныя „нѣкоторыя природныя свойства“ женскаго организма намъ ничего не стоитъ. Но въ какомъ направленіи? Гдѣ искать идеаль, къ которому стремиться? И этотъ вопросъ проф. Мечниковъ рѣшаетъ весьма легко. Во-первыхъ, мы имѣемъ предъ собою примѣръ *муравьевъ*, у которыхъ установилось „безплодіе значительнаго числа индивидуумовъ и притомъ гораздо больше среди женскихъ особей“, тогда какъ у людей замѣчаются „лишь первые шаги по пути къ безплодію“.

Но еще лучшій „идеаль“ мы находимъ у *галльскихъ осъ*, блистательно разрѣшившихъ весь женскій вопросъ такимъ образомъ: „Природа самокъ (галльскихъ осъ) устроена такъ, что онѣ легко могли бы вступить въ супружество“, но онѣ предпочитаютъ „оставаться въ дѣвственности цѣлую жизнь“.

Итакъ, для рѣшенія „женскаго вопроса“, намъ необходимо не ограничиваться „первыми шагами по пути къ безплодію“, но уподобиться „галльскимъ осамъ“, такъ чтобы для продолженія рода, и притомъ въ желаемомъ направленіи, предназначалось лишь извѣстное число „людскихъ самокъ“ и „самцовъ“, а еще лучше,—превратить весь человѣческій родъ въ гермафродитовъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разбору всего этого, приводимъ

себѣ на память нѣчто, уже давно намъ извѣстное: это ученеіе извѣстнаго французскаго сумасброда Шарля Фурье и его послѣдователей (В. Консидерана ¹⁾ и пр.). Фурье родился 2 апрѣля 1772 года (въ Безансонѣ), его дѣятельность относится къ самому началу этого столѣтія, когда еще не было и помину о дарвинизмѣ, и тѣмъ не менѣе проф. Мечниковъ или повторяетъ теорію Фурье, или даже во многомъ отстаетъ отъ нея.

Мечниковъ утверждаетъ, что съ животнымъ и человѣческимъ организмомъ можно сдѣлать все, что угодно, лишь бы намѣтить вѣрную цѣль. А Фурье еще 60 лѣтъ назадъ объ этомъ писалъ уже подробно ²⁾. Вотъ что, по мнѣнію Фурье, произойдетъ въ животномъ царствѣ, когда на землѣ воцарится „гармоническая жизнь“:

Появятся: противу-львы (*anti-lions*), противу-тигры (*anti-tigres*), противу-акулы (*anti-réquins*), противу-киты (*anti-baleines*), противу-гиппопотамы (*anti-hyppopotames*). Противу-левъ будетъ втрое (почему не вчетверо?) сильнѣе, но весьма послушенъ и будетъ служить челоуѣку для верховой ѣзды вмѣсто лошадей; онъ будетъ дѣлать скачки въ 25 футовъ, а всадникъ будетъ чувствовать себя какъ въ рессорномъ экипажѣ.— Очень удобно!

Противу-киты будутъ служить „морскими лошадьями“, и на нихъ будутъ ходить корабли, тогда какъ въ рѣкахъ бурлаками будутъ служить противу-гиппопотамы и противу-крокодилы, развозя наши лодки и рѣчныя суда и даже не требуя корма, о которомъ должны промыслять уже сами.

На противу-тюленяхъ люди будутъ ѣздить верхомъ по морямъ, а противу-акулы будутъ загонять въ сѣти рыбу (было бы, по нашему, проще устроить такъ, чтобы рыба сама шла въ сѣти, а не гонимая противу-акулами; это, вѣроятно, просто не пришло въ голову Фурье и г. Мечникову. Пожалуй, даже и самыя сѣти излишни, ибо еще проще, если рыба сама пойдетъ прямо въ руки ловцовъ).

¹⁾ *Destinée sociale.*

²⁾ Подробное изложеніе системы Фурье на русскомъ языкѣ находится въ сочиненіи проф. Д. Щеглова: *Исторія социальныя системъ.* С.-Петербург. 1889. О Фурье, стр. 1—259.

У Фурье-же мы находимъ картинное описаніе и того „золотаго вѣка“ человѣчества, который наступитъ, когда осуществится проектъ проф. Мечникова и всѣ женщины будутъ подражать „галльскимъ осамъ“.

Фурье помѣщаетъ весь человѣческій родъ въ „фаланстеры“, гдѣ совсѣмъ устранена „супружеская барщина“ (*la corvée conjugale*) и женскій вопросъ рѣшается такъ:

„Молодые люди и дѣвицы до 15 лѣтъ, до того времени, пока они почувствуютъ влеченіе къ любви, будутъ находиться въ предназначенномъ для дѣтей отдѣленіи фаланстера. Почувствовавъ влеченіе къ любви, они имѣютъ полную возможность удовлетворить ему, какъ найдутъ возможнымъ. Въ такомъ случаѣ, вступая въ трибу юношей и дѣвицъ, они причисляются къ тому отдѣленію ея, которое будетъ называться *дамуазалатомъ* и состоятъ изъ *дамуазо* и *дамуазелей*. Дамуазо и дамуазели оставляютъ помѣщеніе молодежи и перемѣщаются въ помѣщеніе взрослыхъ; они участвуютъ въ *вечернихъ сеансахъ*, предназначенныхъ для любовныхъ связей“¹⁾.

Каждая дамуазель въ фаланстерѣ можетъ имѣть *одновременно*: 1) мужа, 2) генитора (производителя); 3) фаворита, 4) неограниченное число постороннихъ лицъ безъ офиціальнаго титула. Мужчины, конечно, пользуются такою-же „свободой“.

Итакъ,—вотъ вамъ „людской заводъ“, гдѣ будутъ осуществляться идеалы проф. Мечникова. Замѣчательное совпаденіе! И Фурье какъ будто бралъ образецъ съ „галльскихъ осъ“: въ его проектѣ есть также *весталы* и *весталки*, каковой институтъ вполне примѣнимъ къ предлагаемой проф. Мечниковымъ теоріи.

Г. Мечниковъ, очевидно, не былъ знакомъ съ ученіемъ Фурье, такъ какъ для его собственной теоріи это ученіе—просто кладъ. Фурье предвосхитилъ Мечникова не только въ описаніи фаланстера, весталовъ и весталокъ, но даже въ деталяхъ. Вотъ какъ, напр., Фурье описываетъ „гармоническое воспитаніе животныхъ“ (*Harmonie Universelle*, V, 86; *Щеловъ*, стр. 240):

„Животныя съ дѣтства приучаются слѣдовать тому бубенчику, который служитъ для нихъ сигналомъ кормленія. Нѣкоторые

¹⁾ *Щеловъ*, стр. 63.

виды, какъ быкъ, баранъ, лошадь съ дѣтства и во всю эпоху ихъ воспитанія носятъ колокольчики, или бубенчики, которыми они должны слѣдовать въ продолженіе всей своей жизни и посредствомъ которыхъ ихъ будутъ раздѣлять на разряды и колонны. Напримѣръ, чтобы правильно распределить и двинуть въ путь стадо изъ 24,000 овецъ, три пастуха верхомъ становятся въ центрѣ и по краямъ, имѣя съ собою нѣсколько собакъ для исполненія полицейскихъ обязанностей (*chiens de police*) и восемь собакъ гаммы, которыя, по данному знаку, начинаютъ потрясать колокольчиками и такимъ образомъ собираютъ вокругъ себя овецъ, воспитанныхъ по извѣстнымъ нотамъ.

„Такимъ образомъ собака съ бубенчиками *ut* идетъ впередъ со своими овцами, изъ которыхъ нѣкоторыя также носятъ колокольчики въ *ut*. За ними слѣдуетъ собака *Mi* со своими овцами, потомъ собака *Sol, Si, Re, Fa, La, Ut*. За каждою собакой слѣдуетъ около 3,000 овецъ. Такъ какъ діапазонъ оркестра для всего свѣта одинъ и тотъ же, то собака, воспитанная въ одномъ мѣстѣ, можетъ служить для стада всего міра, и животное вездѣ знаетъ бубенчикъ, которому оно должно слѣдовать“.

Читатель можетъ все это счесть за то, что французы называютъ „персифлажемъ“, подумать, что мы просто шутимъ. Если бы это было такъ! Но все это совершенно точно передано. Сближеніемъ съ Фурье мы имѣли лишь цѣль довести вопросъ *ad absurdum*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ смѣяться не только не грѣшно, но даже должно, прежде чѣмъ коснуться вопроса по существу.

Проф. Мечниковъ полагаетъ, что если женскій организмъ имѣетъ свои особенности, то только потому, что природа глупа и слѣпа, и умные люди должны устранить этотъ „случайный результатъ“.

Но предположимъ, что идеаль проф. Мечникова достигнуть, т. е. что разница между женскимъ и мужскимъ организмомъ устранится, такъ что женщинамъ не будетъ повода жаловаться на то, что мужчины забрали въ свои руки всѣ „вышнія сферы дѣятельности“. Что будетъ тогда?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, напомнимъ нѣко-

торія біологическія данныя и особенно недавніе опыты ученыхъ Мона (Mauras) и Дельбёфа ¹⁾.

Возьмемъ простѣйшее существо, состоящее только изъ одной клѣточки и видимое въ микроскопъ лишь при огромномъ увеличеніи. Эти существа бесполоя, т. е. по Мечникову, въ данномъ случаѣ, идеальныя, такъ у инфузорій „мущины“ не отбиваются у женскихъ особей привиллегіи заниматься высшими вопросами. Размноженіе ихъ производится путемъ такъ называемаго *дѣленія* (не говоримъ о другихъ болѣе сложныхъ способахъ), т. е. клѣточка, достигнувъ извѣстнаго роста распадается на двѣ маленькія, изъ коихъ каждая начинаетъ расти, опять дѣлится на двое и т. д.

Но Мона и Дельбёфъ доказали, что даже и здѣсь размноженіе не вполнѣ бесполое. Они брали для опыта инфузорию *Stylonychia pustulata*. Оказывается, что съ каждымъ дѣленіемъ стилонихіи становились все *слабѣе, безсильнѣе*, а послѣ 510 дѣленій, не смотря на самыя благопріятныя условія, умирали, уже болѣе не дѣлясь. Поэтому стилонихіи неизбѣжно вымерли бы, еслибы около 130-го поколѣнія у нихъ не являлось стремленія къ конъюгаціи, и только послѣ этого стилонихіи снова получаютъ возможность опять до 130 дѣленія размножаться бесполомъ образомъ.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ объясненіе этого поучительнаго явленія, отмѣтимъ лишь слѣдующій неоспоримый фактъ: чѣмъ выше мы будемъ подниматься по лѣстницѣ животнаго царства, тѣмъ болѣе рѣзко дифференцируется различіе половъ. Примѣняя до нѣкоторой степени законы біологіи къ человѣку (это вовсе не такъ опасно, какъ думаютъ), можемъ указать на всѣмъ извѣстный фактъ *вырожденія* родовъ при бракахъ между кровными родственниками. Словомъ, всѣ данныя опыта и науки неоспоримо доказываютъ, что дифференцированіе половъ составляетъ необходимѣйшее условіе жизни; что чѣмъ выше организація, тѣмъ и разница половъ больше, и наоборотъ.

¹⁾ Подробный отчетъ объ этихъ опытахъ напечатанъ въ журналѣ *Наука и Жизнь* (1891 годъ, № 32, стр. 498—500) статья: «О вырожденіи и возрожденіи организмовъ».

Допустимъ теперь, что мы можемъ сдѣлать съ организмомъ все, что угодно. Будемъ-ли мы идти къ тому, что называется „прогрессомъ“, уменьшая разницу половъ? получаютъ-ли тогда „особи женскаго пола“ болѣе доступъ къ „высшимъ сферамъ дѣятельности?“ Очевидно, что нѣтъ, что мы достигнемъ какъ разъ противоположной цѣли, а именно: прежде всего всѣ „особи“ *выродились бы* настолько, что ни мужскія, ни женскія не были бы способны заниматься „высшими сферами“; они просто озвѣрѣли бы, а въ концѣ концовъ весь родъ человѣческій неизбѣжно покончилъ бы свое существованіе. И этой цѣли самоуничтоженія и самоодичанія человѣчество должно достигать при помощи всевозможныхъ ухищреній!! Какъ будто нельзя достигнуть этого гораздо проще...

Проф. Мечниковъ въ самой постановкѣ вопроса допускаетъ прямую нелѣпость:

Во-первыхъ, если въ концѣ концовъ родъ человѣческій выродится, то зачѣмъ и заниматься „высшими сферами дѣятельности“ не только женщинамъ, но и мужчинамъ? Нѣтъ рѣшительно никакого повода.

Во-вторыхъ, если онъ этого не имѣетъ въ виду, то зачѣмъ же предлагать путь, ведущій именно къ тому, чего онъ не желаетъ?

Въ-третьихъ, если положить за вѣрное, что особенности женской организаціи составляютъ необходимое условіе,—а это несомнѣнно,—для жизни всего человѣчества, то не нелѣпо ли желать измѣненій?

Не менѣе нелѣпо и хвастливое увѣреніе, что можно сдѣлать съ человѣческимъ организмомъ все, что угодно, приставляя ему. напр., копыта, рога, хвосты, крылья и т. д. Нужно прежде доказать это, а доказательствъ-то и нѣтъ. Не смотря на усилія множества ученыхъ, нынѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію тотъ фактъ, что *отпе vivit ex ovo* (принимая слово *ovum* не въ буквальномъ смыслѣ, а въ смыслѣ *живой* частицы) и что „произвольное зарожденіе“ (*generatio spontanea*) есть химера. Ни одинъ ученый въ мірѣ не фабриковалъ, да и не можетъ сфабриковать мельчайшей инфузоріи, одной только клѣточки, а наше тѣло состоитъ изъ безчисленнаго ихъ множества. Въ такомъ случаѣ говорить о перекройкѣ организмовъ на свой вкусъ

такъ же нелѣпо, какъ, не зная таблицы умноженія и (какъ въ данномъ случаѣ) даже цыфръ, браться за интегралы и дифференціалы.

Это просто смѣшно, и вотъ почему такой смѣхъ допустили мы въ началѣ статьи. Но въ то же время это и грустно, ибо неизбѣжнымъ послѣдствіемъ примѣненія этой теоріи на практикѣ была бы картина фаланстера, нарисованная выше. У Фурье были послѣдователи, примѣнявшіе его ученіе на практикѣ. Какъ знать,—можетъ быть и у Мечникова будутъ такія овцы... Неужели это лучше настоящаго положенія? Недоразумѣніе, коего не избѣжалъ даже Джонъ Стюартъ Милль, кроется въ томъ, что, говоря объ „угнетеніи“ женщинъ, авторы не интересовались познакомиться съ рѣшеніемъ женскаго вопроса, предлагаемымъ въ христіанствѣ, которое могло бы открыть глаза на многіе запутанные вопросы.

Двѣ стилонихіи сливаются въ одно, образуютъ одинъ организмъ. Развѣ это не напоминаетъ слова: „и будета два въ плоть едину“? Это прямое подтвержденіе; но въ священномъ текстѣ добавлено: „тайна сія велика есть“. Черезъ 1,900 лѣтъ микроскопъ на мельчайшей инфузоріи доказываетъ принципиально эту тайну, а въ такомъ случаѣ, всѣ жалобы на угнетеніе одного пола другимъ рѣшаются очень просто: „никтоже бо когда плоть свою возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю“. Въ этомъ текстѣ, а не въ превращеніи женщинъ въ „галльскихъ осъ“, заключается наилучшее рѣшеніе „женскаго вопроса“.

Д—ръ М. Глубоковскій.

О БЛАГОДѢЯНІЯХЪ

(«De Beneficiis»).

Л. Аннея Сенеки къ Эбуцію Либералію.

(Продолженіе *).

КНИГА VI.

Глава 1.

Иные вопросы, достойнѣйшій изъ мужей Либералій, изслѣдуются только для упражненія разума и всегда остаются внѣ жизни ¹⁾. А нѣкоторые и въ то время, пока изслѣдуются, доставляютъ удовольствіе, и по своемъ разрѣшеніи приносятъ пользу. Я представлю тебѣ множество подобныхъ вопросовъ всѣхъ родовъ,—а ты долженъ по своему усмотрѣнію приказать или продолжать ихъ подробное изслѣдованіе, или представить только краткое обзорѣніе ²⁾. Но и въ этомъ послѣд-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 16.

¹⁾ Примѣры разсужденій о подобныхъ вопросахъ можно встрѣтить, напри- мѣръ, въ V книгѣ, 12 главъ соч. «О благодѣяніяхъ».

²⁾ «*Omniū tibi coriā faciam: tu illa, utcunq̄e tibi visum erit, aut peragi jubeto, aut ad explicandum Indorum ordinem induci.*»

Образъ, очевидно, заимствованъ изъ древнихъ сценическихъ представленій. Въ Римѣ, во время црковныхъ игръ, былъ обычай предъ началомъ представленія носить по театру или амфитеатру статуи боговъ, за которыми въ стройной процессіи выступали въ томъ порядкѣ, въ какомъ предполагалось представленіе, различныя лица, имѣвшія участвовать въ дѣйствіи: бойцы, музыканты и проч. Та- кимъ образомъ этой процессіей какъ бы заранѣе объявлялся зрителямъ порядокъ

немъ случаѣ, если даже ты прикажешь скорѣе отступить (отъ нихъ), нѣчто тѣмъ не менѣе будетъ сдѣлано, такъ какъ полезно знать и то, подробное изученіе чего бываетъ излишне.

Итакъ, я буду зависѣть отъ выраженія твоего лица и сообразно съ тѣмъ, какъ оно мнѣ посовѣтуетъ, надъ однимъ стану останавливаться долѣе, а другое устранять и выбрасывать.

Глава 2.

Предлагали вопросъ: можно-ли отнимать благодѣяніе? ¹⁾ Нѣкоторые отрицаютъ возможность этого, потому что благодѣяніе не вещь, а дѣйствіе, подобно тому, какъ одно есть даръ, а другое—самый процессъ даренія, одно—мореплаватель, а другое—мореплаваніе. И хотя больной не бываетъ безъ болѣзни, тѣмъ не менѣе больной и болѣзнь—не одно и то же; такъ и самое благодѣяніе представляетъ собою одно, а то, что благодаря благодѣянію доходитъ до кого-нибудь изъ насъ,—другое. Первое (самое благотворительное дѣйствіе)—бездѣлочно; оно не уничтожается, а его матерія переносится туда и сюда и мѣняетъ своего господина.

Итакъ—когда ты отнимаешь (раз. предметъ благодѣянія), то сама природа вещей не можетъ возвратитъ назадъ того, что дала. Она прерываетъ, но не уничтожаетъ своихъ благодѣяній. Кто умираетъ, тотъ, все-таки, жилъ; кто потерялъ глаза, тотъ, тѣмъ не менѣе, видѣлъ. Съ полученнымъ нами можетъ быть сдѣлано только то, что его (въ настоящій моментъ) у насъ не будетъ, но чтобы его не существовало вовсе,—этого сдѣлать нельзя: часть благодѣянія, и притомъ самая вѣрная,

(ordo) и составъ предстоящаго зрѣлища (ludi). Иногда же предъ началомъ сценическихъ игръ публикѣ прочитывался прологъ, въ которомъ излагалось содержаніе и порядокъ исполненія пьесы. Иногда же такой прологъ вывѣшивался при входѣ въ театръ.

¹⁾ Вопросъ этотъ, по всей вѣроятности, предлагали стоики, имена которыхъ до насъ не дошли. Опредѣленіе сущности благодѣянія, какъ мы знаемъ, было уже приводимо нашимъ авторомъ выше: De Benefic., I, 6.

заключается въ прошедшемъ. Иногда мы встрѣчаемъ препятствіе къ болѣе продолжительному пользованію благодѣяніемъ, но самое благодѣяніе отъ этого еще не исторгается. Хотя-бы природа призвала для достиженія этого всѣ свои силы, ей, тѣмъ не менѣе, нельзя вести себя назадъ. Можно отнимать домъ, деньги, собственность и все то, къ чему прилагается имя благодѣянія,—само же по себѣ это послѣднее стойко и неподвижно. Никакая сила не сдѣлаетъ того, чтобы одинъ не давалъ, а другой не принималъ.

Глава 3.

Прекрасно, на мой взглядъ, у поэта Рабирія восклицаетъ Антоній ¹⁾, когда видитъ, что его счастье переходитъ къ другому ²⁾, и что ему ничего не осталось кромѣ права умереть, да и то лишь въ томъ случаѣ, если онъ скоро этимъ правомъ воспользуется. „Мое имѣніе (восклицаетъ онъ) составляетъ все то, что я раздарилъ“! О, сколько бы онъ могъ имѣть, если бы пожелалъ! Это богатство вѣрное, оно пребудетъ въ одномъ мѣстѣ при всевозможномъ измѣненіи человѣческаго жребія; чѣмъ его будетъ болѣе, тѣмъ оно менѣе станетъ привлекать къ себѣ зависти. Что ты бережешь его, какъ будто свою собственность? Ты, вѣдь, только управитель. Все, что заставляетъ васъ, надмѣнныхъ и превознесенныхъ надъ человѣчествомъ, забывать о своей брѣнности, что вы храните вооруженные за желѣзными запорами, что изъ чужей крови похищенное вы защищаете своею, ради чего выводите флоты для окровавленія морей, ради чего разрушаете города, не зная сколько стрѣлъ приготовляетъ судьба для противниковъ, ради

¹⁾ М. Антоній, какъ извѣстно, послѣ продолжительной борьбы долженъ былъ уступить Октавіану Августу и во время послѣдней битвы, при Акціумѣ, самъ лишилъ себя жизни.

Рабирій—эпическій поэтъ, краткія замѣчанія о которомъ встрѣчаемъ у Квинтиліана (X, I, 90) и Овидія (Pont. IV, 16, 5). Впрочемъ относительно произведеній этого поэта нѣтъ у древнихъ авторовъ никакого упоминанія.

²⁾ Разумѣется къ Октавію Августу.

чего, послѣ столькихъ нарушеній узъ родства, дружбы и товарищества между двумя враждующими, потрясена была вселенная,—все это не ваше! Оно находится у васъ въ видѣ залога (depositum) и внезапно устремится къ другому господину: всѣмъ этимъ будетъ владѣть врагъ или преемникъ вашъ, враждебно къ вамъ настроенный! ¹⁾). Ты спрашиваешь, какъ это сдѣлать своею собственностью?—Отдавая въ даръ!

Итакъ,—заботься о своемъ имѣніи и приготовляй себѣ вѣрное и не отъемлемое обладаніе имъ, стараясь сдѣлать его не только болѣе цѣннымъ, но и болѣе безопаснымъ. То, на что ты смотришь съ уваженіемъ, обладая чѣмъ ты считаешь себя богатымъ и сильнымъ,—слыветъ подъ низкимъ именемъ. Оно называется: домъ, слуга, нуммы, а когда ты это подарилъ, то оно уже будетъ благодѣяніемъ.

ГЛАВА 4.

„Ты утверждаешь, говорятъ (намъ), что иногда мы не бываемъ въ долгу за благодѣяніе у того человѣка, отъ котораго это послѣднее получили: слѣдовательно оно у насъ отнято“.

Много бываетъ такого, благодаря чему мы перестаемъ быть въ долгу за благодѣяніе: перестаемъ не потому, чтобы это послѣднее было у насъ отнято, но потому, что оно осквернено.

Кто-нибудь защитилъ меня предъ судомъ, но онъ, въ то же время (при помощи насилія), нанесъ моей женѣ постыдное оскорбленіе. Онъ не отнялъ благодѣянія, но, противопоставивъ ему равносильное оскорбленіе, тѣмъ самымъ освободилъ меня отъ долга; и если онъ причинилъ болѣе оскорбленія, чѣмъ ранѣе принесъ пользы, то не только прекращается благодарность (за благодѣяніе), но, какъ скоро оскорбленіе перевѣши-

¹⁾ Приведенное обращеніе, несомнѣнно, относится къ лицу М. Антоніи, который, вступивъ въ ожесточенную борьбу съ Октавіаномъ, порвавъ связывавшія его съ послѣднимъ узы дружбы и родства (Антоній былъ женатъ на сестрѣ Августа Октавіана), произвелъ большое опустошеніе и потрясеніе въ Римскомъ государствѣ.

васть въ сравненіи съ благодѣяніемъ, то предоставляется и свободное право мстить и жаловаться: такимъ образомъ благодѣяніе не уничтожается, а преодолевается (обидою).

Что же: развѣ иные родители не бываютъ настолько жестоки и преступны, что законнымъ и справедливымъ представляется отъ нихъ отвращаться и отказываться? Ужели-же отсюда слѣдуетъ, что они отняли то, что дали? Совсе нѣтъ,—но беззаконіе послѣдующихъ временъ уничтожило заслугу всего прежняго исполненія долга ¹⁾. Уничтожается не благодѣяніе, но благодарность за благодѣяніе, и является въ результатѣ не то, что я не имѣю благодѣянія, но то, что перестаю быть за него въ долгу. Такъ, на примѣръ, кто-нибудь повѣрилъ мнѣ въ долгъ денегъ, но онъ же зажегъ мой домъ; долгъ уплаченъ моимъ убыткомъ: я не возвратилъ ему долга, но, тѣмъ не менѣе, не состою у него и въ долгу. Точно такимъ же образомъ и этотъ: отнесшись ко мнѣ съ нѣкоторою благосклонностію, съ нѣкоторою щедростію, но послѣ того со мною гордостію, обидою, жестокостію, онъ поставилъ меня въ такое положеніе, что я въ отношеніи къ нему становлюсь совершенно свободенъ, какъ будто ничего и не получалъ. Онъ осквернилъ свои благодѣянія. Не имѣетъ правъ на своего колона ²⁾, хотя бы и продолжалъ оставаться въ силѣ контрактъ ³⁾, тотъ, кто потопталъ его жатву, подрѣзалъ его виноградники: не имѣетъ правъ не потому, что уже получилъ условленное, но потому, что достигъ того, чтобы не получать. Такъ кредиторъ часто оказывается повиннымъ предъ своимъ должникомъ, какъ скоро при другомъ обстоятельстве онъ отнялъ у него болѣе того, сколько взыскиваетъ по долговому процессу. Вѣдь между кредиторомъ и должникомъ сидитъ судья, который можетъ сказать: „ты повѣрилъ въ долгъ денегъ, но что же изъ этого?

1) Раз. жизнь, воспитаніе и проч. блага, которыми люди обыкновенно бываютъ обязаны своимъ родителямъ.

2) Colonus,—нѣчто вроде арендатора или фермера.

3) Tabellis manentibus раз. таблицы, на которыхъ записанъ арендный контрактъ землевладѣльца съ его колономъ.

Ты зато увелъ скоть, убилъ его раба, владѣешь тѣмъ участкомъ земли, котораго не покупалъ: послѣ произведенія сравнительной оцѣнки уходи должникомъ ты, который пришелъ кредиторомъ!“

Между благодареніями и обидами также ведется счетъ. Часто говорю я, благодареніе остается въ силѣ и за него не бываютъ въ долгу: это въ томъ случаѣ, если того, кто оказываетъ его, стало преслѣдовать раскаяніе, если онъ назвалъ себя несчастнымъ за то, что далъ, если, давая, онъ вздыхалъ, хмурилъ лицо, думалъ, что потерялъ, а не подарилъ, если онъ далъ ради своей собственной пользы, или, по крайней мѣрѣ, не ради моей, если онъ не переставалъ издѣваться, хвалиться, всюду хвастаться и дѣлать даръ свой горькимъ. Благодареніе остается въ силѣ, хотя за него и не бываютъ въ долгу, подобно тому, какъ нѣкоторые капиталы, относительно которыхъ право суда не предоставляется кредитору, считаются находящимися въ долгу, но не вытребываются по суду.

Глава 5.

Намъ говорятъ: „Ты оказалъ благодареніе, но послѣ того причинилъ обиду: и благодаренію подобаетъ благодарность, и обидѣ—мщеніе“.

Отвѣчаю: И я не долженъ воздавать благодарности, и тотъ не долженъ, въ удовлетвореніе мнѣ, понести наказаніе: одинъ изъ насъ освобождается другимъ. Говоря: „я воздалъ ему обратно благодареніе“, мы выражаемъ не ту мысль, что воздали обратно именно то самое, что ранѣе получили, но ту, что вмѣсто этого воздали нѣчто другое, ибо воздавать (*reddere*)—значитъ давать вещь за вещь ¹⁾. Развѣ это не такъ?—вѣдь при всякой уплатѣ обратно возвращается не то же самое, что было взято, но лишь столько же. Вѣдь говорятъ, что мы возврати-

1) «*Reddere enim est rem pro re dare*». По мнѣнію Рихкорта, нельзя думать, чтобы авторъ разбиралъ здѣсь этимологию слова: здѣсь дается только простое опредѣленіе понятія, выражаемаго глаголомъ *reddo*.

ли деньги, хотя вмѣсто серебряныхъ монетъ и заплатили золотыми, хотя въ дѣло пошли не нуммы (наличные деньги), а уплата была совершена при помощи перевода или словеснаго заявленія (*verbis*) ¹⁾.

Мнѣ кажется ты говоришь: „Напрасно теряешь трудъ: вѣдь развѣ важно мнѣ знать, продолжаетъ ли оставаться въ силѣ то, за что не бываютъ въ долгу?—Говорить остроумные пустяки свойственно юристамъ, которые утверждаютъ, что не можетъ быть приобрѣтаемо давностію пользованія въ собственность наслѣдство, но только то, что заключается въ наслѣдствѣ: какъ будто наслѣдство есть нѣчто отличное отъ того, что заключается въ наслѣдствѣ!“ ²⁾.

Ты лучше разъясни мнѣ различіе въ томъ, что можетъ относиться къ дѣлу, именно: когда одинъ и тотъ же человѣкъ оказалъ мнѣ благодѣяніе и онъ же послѣ того причинилъ мнѣ обиду, то долженъ ли я и возвратить ему благодѣяніе, и тѣмъ не менѣе—отмстить ему за себя, и, такимъ образомъ, какъ бы вести дѣло отдѣльно съ двумя лицами, или я долженъ одно зачислить за другое, и не имѣть противъ него никакого дѣла, такъ чтобы благодѣяніе уничтожалось обидою, а обида благодѣяніемъ? Ибо я вижу, что такъ именно дѣлается на этомъ форумѣ, что же касается того права, которое дѣйствуетъ въ вашей школѣ, объ этомъ должны знать вы сами. Судебные

¹⁾ «*Delegatione et verbis perfecta solutio sit*».

Delegatio, соб.—отправленіе, назначеніе,—въ наст. случаѣ: переводъ уплаты долга на другое лицо, т. е. когда уплачиваютъ не сами, изъ своего собственнаго кошелька, но для полученія денегъ отсылаютъ истца къ своему другому кредитору, банкиру или т. п.

²⁾ Древніе юристы подобно философамъ полагали различіе между самымъ актомъ или извѣстнымъ дѣйствіемъ и объектомъ этого дѣйствія (*actione et re*).

Такъ понятіе «*hereditas*», какъ скоро имъ обозначался самый актъ «наслѣдованія»,—различалось или отъ «наслѣдства», т. е. тѣхъ вещей, на которыхъ простиралось дѣйствіе акта наслѣдованія. Но въ обычномъ словоупотребленіи слово «*hereditas*» могло безразлично употребляться и въ смыслѣ акта наслѣдованія, и въ смыслѣ предметовъ, составляющихъ наслѣдство, вслѣдствіе чего собесѣдникъ Сенеки и могъ укорить юристовъ за излишнюю скрупулезность въ различеніи оттѣнковъ смысла одного и того же слова.

процессы различаются между собою и относительно одного и того же: о чемъ ведемъ дѣло мы, ведутъ дѣло и противъ насъ. Судебная формула ¹⁾ не смѣшивается: если ктонибудь оставилъ у меня на храненіе деньги и онъ же послѣ того совершилъ у меня покражу, то и я буду вести съ нимъ дѣло о покражѣ, и онъ со мною—о депозитѣ“.

Глава 6.

Приведенные тобою для примѣра случаи, мой Либералій, опредѣляются извѣстными законами, которымъ необходимо слѣдовать: одинъ законъ съ другимъ не смѣшивается. Тотъ и другой изъ нихъ идетъ своею дорогою: относительно депозита, (т. е. отданнаго на храненіе имущества) полагается свое судебное слѣдствіе, точно такъ же, по истинѣ, какъ и относительно воровства—свое. Благодѣяніе (напротивъ) не подчинено никакому закону: для него судебный посредникъ—это я.

Мнѣ можно какъ сравнивать между собою то, сколько оказалъ мнѣ каждый пользы или вреда, такъ и заявлять о томъ, мнѣ ли болѣе должны, или я долженъ.

Въ тѣхъ (раз. вышеприведенныхъ случаяхъ судебныхъ процессовъ) ничего не подлежитъ нашей власти: тамъ надо идти путемъ, которымъ насъ ведутъ.

Въ благодѣяніи все заключается въ моей власти, и я, такимъ образомъ, являюсь судьей въ этихъ дѣлахъ: я не раздѣляю и не развожу ихъ, но и обиды и благодѣянія отсылаю для обсужденія къ одному и тому же судѣ ²⁾.

Ты же, напротивъ, приказываешь мнѣ въ одно и то же время любить и ненавидѣть, жаловаться и благодарить, чего при-

¹⁾ Въ юридическомъ языкѣ формулами обыкновенно назывались или тѣ, разъ навсегда установленныя формы изреченій и предписаній закона, которыя выдавались преторомъ для руководства судьямъ, или тѣ формы, въ которыхъ выражались различные судебные иски и жалобы, а также разные юридическіе документы: завѣщанія, купчія и т. п.

²⁾ *Abitto*—древній юридическій терминъ, употр. относ. претора, когда онъ отсылалъ тяжущіяся стороны къ извѣстному судѣ.

рода не принимаетъ. А я лучше, сравнивъ между собою сдѣланныя мнѣ благодаренія и обиды, посмотрю, не останутся ли еще у меня въ долгу.

Подобно тому, какъ тотъ, кто на нашемъ письмѣ сверху пишетъ другія строки ¹⁾, этимъ не уничтожаетъ, а только закрываетъ прежнія буквы, такъ и приходящая послѣ обида не позволяетъ проявляться благодаренію.

* * *

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ *«Alios superne imprimi versus».*

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Октября № 20. 1891 года.

Содержаніе. Журналы Съезда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 19 сентября сего 1891 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Журналы Съезда духовенства Сумскаго училищнаго Округа, бывшаго 19 сентября сего 1891 года.

№ 1. Утренняго засѣданія.

Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа въ числѣ 10, прибывъ въ собраніе въ 10 часовъ утра и, по молитвѣ, избравъ посредствомъ закрытой баллотировки предсѣдателемъ собранія Ахтырскаго уѣзда с. Пожни священника Николая Яковлева и единогласно дѣлопроизводителемъ Ахтырскаго уѣзда с. Славгорода священника Арсенія Любарскаго, приступили къ разсмотрѣнію дѣлъ, подлежащихъ обсужденію съѣзда.

1. Разсмотрѣвъ смѣту по содержанію училища въ 1892 г., составленную Правленіемъ онаго, постановили: смѣту прихода и расхода принять безъ измѣненія. Что же касается предполагаемаго по смѣтѣ дефицита въ количествѣ 1954 р. 71 коп., то въ виду того, что недородъ хлѣба въ текущемъ году имѣетъ важное вліяніе на матеріальныя средства духовенства, почему оно личными средствами пополнить его не можетъ, уполномоченные собранія находятъ единственную возможность покрыть его единовременнымъ взносомъ отъ 221 церкви, входящихъ въ составъ училищнаго округа, полагая на каждую церковь 8 р. 85 к.

2. Разсматривали вѣдомости церквей училищнаго округа вѣнчиковыя и о движеніи церковныхъ суммъ; нашли ихъ составленными правильно.

3. Слушали докладъ временно-ревизионнаго комитета о провѣркѣ прихода и расхода и остатка суммъ, ассигнованныхъ изъ мѣстныхъ источниковъ на содержаніе Сумскаго духовнаго училища въ 1890 г. Постановили: принять къ свѣдѣнію и членамъ комитета выразить благодарность за ихъ труды.

4. Разсматривали вѣдомости благочинныхъ церквей округа о заборѣ въ церкви восковыхъ свѣчъ изъ Харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода. Постановили: принять къ свѣдѣнію.

5. Слушали прошеніе Харьковскаго уѣзда с. Мироновки священника Симеона Петровскаго, до іюня мѣсяца текущаго года бывшаго въ Сумскомъ училищномъ округѣ, о томъ, чтобы дѣти его, въ настоящее время ино-окружнаго, обучались въ Сумскомъ духовномъ училищѣ, пользуясь тѣми-же правами, какими пользуются дѣти духовенства Сумскаго училищнаго округа и какими пользовались они въ семъ училищѣ до настоящаго учебнаго года. Постановили: просьбу Петровскаго признать уважительною и передать ее на благоусмотрѣніе и исполненіе Правленія училища.

6. Согласно докладу Правленія Сумскаго духовнаго училища, отъ 19 сентября, текущаго года, за № 807, производили, посредствомъ закрытой баллотировки, выборъ членовъ Правленія училища отъ духовенства и членовъ ревизионнаго комитета для училища, на слѣдующее трехлѣтіе, и избрали членами Правленія священниковъ: Сумскаго уѣзда с. Рѣчекъ, Павла Клементьева, и Ахтырскаго уѣзда села Тростянца, Василя Ѳедорова, и кандидатами къ нимъ священниковъ г. Сумъ, Андрея Ставровскаго, и гор. Бѣлополя, Маексима Подлуцаго, а членами ревизионнаго комитета священниковъ: г. Сумъ, Іакова Ященкова, Сумскаго уѣзда села Хотѣни, Павла Чугаева, и того-же уѣзда с. Вирей, Александра Сергіевскаго, кандидатами къ нимъ священниковъ: г. Сумъ, Симеона Недѣльку, Михаила Литкевича и Сумскаго уѣзда с. Рогознаго, священника Михаила Добрецаго, о чемъ составили баллотировочный листъ и постановили: членамъ Правленія, священникамъ: Павлу Клементьеву и Василю Ѳедорову, выразить благодарность за ихъ усердную службу. На таковыхъ постановленіяхъ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства слѣдующая: «Сентября 24. Для покрытія дефицита, указаннаго въ смѣтѣ, обложить особымъ взносомъ церкви округа не признаю удобнымъ, такъ какъ церкви уже обременены взносами. Предлагаю Правленію училища усилить экономію и сокращеніе по расходованію суммъ, а въ случаѣ крайней нужды во второй половинѣ года войти ко мнѣ

по сему предмету особымъ обстоятельнымъ докладомъ. Остальное утверждается».

№ 2. ВѢЧЕРНЯГО ЗАСѢДАНІЯ.

Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа въ числѣ 10, прибывъ въ собраніе въ 7 часовъ вечера,

1. Заслушали журналъ предыдущаго засѣданія.

2. Слушали заявленіе предсѣдателя съѣзда, священника Николая Яковлева, о томъ, что псаломщикъ Ахтырскаго уѣзда, с. Дерновой, Андрей Сукачевъ, не можетъ уплатить училищу недоимки 15 руб., числящейся за нимъ за содержаніе въ училищѣ его сына въ 1890 г., по крайней его бѣдности и недороду въ той мѣстности хлѣба. Постановили: недоимку, числящуюся за псаломщикомъ Андреемъ Сукачевымъ, снять съ него, Сукачева.

3. Постановили училищный съѣздъ духовенства въ 1892 году назначить на 10 сентября.

Резолюція Его Высокопреосвященства на семъ журналѣ послѣдовала такова: «Сентября 24. Утверждается».

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Его Высокопреосвященствомъ награждены набедренниками, за отличную усердную службу священники: г. Изюма, Крестовоздвиженской церкви, Николай *Кратировъ* и Андрей *Жадановскій*, сл. Песокъ, Вознесенской церкви, Іоаннъ *Раевскій*, сл. Крючковъ, Троицкой церкви, Аптоній *Черняевъ* и сл. Богуславскаго, Благовѣщенской церкви, Іоаннъ *Ревскій*.

— Опредѣленъ на праздное священническое мѣсто при Аннинской церкви с. Андреевки, Волчанскаго уѣзда, студентъ Харьковской Духовной Семинаріи Антоній *Быковъ*.

— Рукоположенъ въ санъ священника къ Борисо-Глѣбской церкви с. Ясенка, Ахтырскаго уѣзда, діаконовъ Сергіевской, что при Харьковской 2-й мужской гимназіи, церкви, Филиппъ *Пестряковъ*.

— Умеръ священникъ Архангело-Михайловской церкви, сл. Шебелинки, Зміевского уѣзда, Николай *Прокоповичъ*, на мѣсто котораго перемѣщенъ священникъ Троицкой церкви, сл. Охочей, Зміевского уѣзда, Варсонофій *Антоновскій*, а на мѣсто сего послѣдняго перемѣщенъ священникъ церкви с. Булацеловки, того же уѣзда, Николай *Согинъ*.

— Перемѣщены одинъ на мѣсто другаго псаломщика церквей: Благо-

вѣщенской сл. Благодатной, Волчанскаго уѣзда, Андрей *Настѣкинъ*, и Вознесенской сл. Люботина Валковскаго уѣзда, Савва *Еотуменко*, согласно прошенію.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Успенской церкви сл. Артѣмьевки, Волчанскаго уѣзда, кр. Савелій *Скорикъ*; къ церквамъ Старобѣльскаго уѣзда—Тихоновской сл. Ганусовки кр. Иванъ *Скнаринъ*, Николаевской церкви сл. Каменки кр. Діонисій *Могильниковъ*, Александро-Невскому Молитвенному Дому с. Рогова кр. Симеонъ *Ковалевъ*; Рождество-Богородичной сл. Новой Россони кр. Иванъ *Сыннинъ*, Преображенской сл. Марковки куп. Василій *Бобровниковъ*, и Благовѣщенской церкви сл. Благодатной, Волчанскаго уѣзда, кр. Гавріиль *Бабкинъ*; Николаевской церкви, с. Дробышевой, Изюмскаго уѣзда, кр. Харитонъ *Катасоновъ*; Рождество-Богородичной церкви, г. Вѣлополя, Сумскаго уѣзда, куп. 2-й гильдіи Иванъ *Пономаренко*; Николаевской церкви с. Деркачевки, Лебединскаго уѣзда, кр. Игнатій *Дудченко*; Троицкой церкви сл. Проруба, Сумскаго уѣзда, кр. Павелъ *Грищенко*.

— Уволенъ отъ должности церковнаго старосты Николаевской церкви с. Цареборисовой, Изюмскаго уѣзда, кр. Ілія *Чубъ*, согласно его прошенію.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Пребываніе ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ въ Спасовомъ скиту.—Закладка часовни на мѣстѣ событія 17 октября 1888 г. въ память спасенія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.—Памятникъ фонтанъ.—Чудный сонъ.—Изъ жизни митрополита Платона.—Памяти Амвросія, іеросхимонаха Оптиной пустыни.—Религіозно-нравственное состояніе русскаго общества.—О церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты.—Содѣйствіе представителей мѣстной гражданской власти заботамъ духовенства о народномъ образованіи.—Мѣры къ усиленію средствъ содержанія церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты.—Сообщенія изъ мѣстностей, постигнутыхъ неурожаемъ.—Мѣры правительства къ обезпеченію народнаго продовольствія.—Безпроцентный заемъ въ пользу голодающихъ.—Трогательный примѣръ помощи голодающимъ.—Хлѣбъ вмѣсто денежной милостыни.—Сужденія и предположенія духовенства въ виду грозящей нужды.—Ходатайства о закрытіи кабаковъ.

Въ половинѣ десятаго часа утра, 21 октября, къ платформѣ, украшенной флагами и устланной краснымъ сукномъ, противъ воротъ Спасова скита, подошелъ свитскій поѣздъ, слѣдовавшій впереди Императорскаго. Чины свиты, осмотрѣвъ мѣсто катастрофы 17 октября и строящійся храмъ, а также и часовню во имя Спаса, пожелали выслушать молебенъ, который и былъ отслуженъ викаріемъ Харьковской епархіи, епископомъ Владиміромъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ стоянки, свитскій поѣздъ отошелъ на югъ.

Въ десять часовъ утра на 277 верстѣ, на той самой, на которой три года тому назадъ случилась потрясшая всю Россію катастрофа, прошелъ Императорскій поѣздъ и остановился какъ разъ на мѣстѣ, по которому ступали вышедшіе изъ-подъ обломковъ чудомъ спасенные Государь, Государыня и вся Августѣйшая Семья. На бровку насыпи вышли Ихъ Императорскія Величества, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ, Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Михайль Александровичъ и Великія Княжны Ксенія и Ольга Александровны, Ихъ Королевскія Величества король и королева Датскіе и Ея Королевское Высочество наслѣдная принцесса Уэльская съ двумя дочерьми.

Къ мѣсту выхода Ихъ Величествъ и Высокихъ Путешественниковъ послѣшно подошли начальникъ Харьковской губерніи т. с. Петровъ, удостоившійся подать почетный рапортъ, командиръ 10-го армейскаго корпуса генераль-лейтенантъ Винбергъ, всѣ уѣздные предводители дворянства Харьковской губерніи во главѣ съ губернскимъ предводителемъ графомъ Капнистомъ, вице-губернаторъ, предсѣдатель губернской земской управы, городской голова, командиры полковъ, квартирующихъ въ Харьковѣ; кромѣ того, въ числѣ представлявшихся находился бывший Харьковскій вице-губернаторъ, а нынѣ Курляндскій губернаторъ камергеръ Сипягинъ. Поздоровавшись издали съ находившимися на линіи казаками Оренбургскаго полка, Государь Императоръ въ сопровожденіи Августѣйшей Семьи и Высокихъ Путешественниковъ осмотрѣлъ строящуюся пещерную часовню и оттуда прослѣдовалъ въ храмъ, сооружаемый въ память событія 17-го октября. Здѣсь Его Величество изволилъ подробно осматривать почти возведенный въ чернѣ храмъ и ознакомился съ деталями его постройки по выставленнымъ тутъ же чертежамъ, при чемъ объясненія имѣлъ счастье давать предсѣдатель комитета по сооруженію храма т. с. Петровъ. Обойдя храмъ, Ихъ Величества и Ихъ Высочества вмѣстѣ съ Высокими Путешественниками, въ сопровожденіи свиты и присутствовавшихъ должностныхъ лицъ, направились пѣшкомъ въ скитскій храмъ. У входа въ него Государь Императоръ былъ встрѣченъ архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, высокопреосвященнымъ Амвросіемъ, съ крестомъ и викаріемъ Харьковской епархіи, епископомъ Сумскимъ, преосвященнымъ Владиміромъ со святой водой. Высокопреосвященный Амвросій привѣтствовалъ Государя Императора рѣчью. Приложившись къ кресту и окропившись святой водой, Ихъ Величества и Ихъ Высочества вмѣ-

стѣ съ Высокими Путешественниками вступили въ храмъ и, занявъ мѣсто посреди его, выслушали благодарственное Господу Богу молебствіе, которое совершала высокопреосвященный Амвросій въ сослуженіи съ преосвященнымъ Владиміромъ, архимандритомъ Іосифомъ, игуменомъ Святогорскаго монастыря Вассіаномъ, ключаремъ Харьковскаго кафедральнаго собора о. Тимофеемъ Буткевичемъ и восемь священниками, при полномъ хорѣ архіерейскихъ пѣвчихъ. Молебствіе было совершено по чину, составленному Святѣйшимъ Синодомъ на день 17-го октября. Послѣ провозглашенія многолѣтія Государю Императору, Государынь Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, по желанію Государя Императора, была провозглашена вѣчная память «вѣрнымъ слугамъ Царя, въ напасти животъ свой положившимъ». По окончаніи богослуженія, Государь Императоръ, Государыня Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ и ихъ Высочества приложились къ кресту; при этомъ высокопреосвященный Амвросій благословилъ Государя Императора Нерукотвореннымъ Образомъ Спасителя и обратился къ Его Величеству съ слѣдующими словами: «Прошу Ваше Императорское Величество принять эту святую икону въ благословеніе отъ юной обители, сооруженной на мѣстѣ Вашего чудеснаго спасенія». Государь Императоръ, приложившись къ образу, удостоилъ принять его и обратился къ архіепископу Амвросію съ нѣсколькими милостивыми вопросами относительно состоянія обители, состава ея братіи и средствъ существованія. Изъ свитской церкви Государь Императоръ, Государыня Императрица, Августѣйшія Дѣти и Высокіе Путешественники прослѣдовали на платформу, устроенную противъ скитскихъ воротъ, къ которой былъ поданъ Императорскій поѣздъ. Въ сорокъ минутъ одиннадцатаго часа, Императорскій поѣздъ, напутствуемый горячими пожеланіями и восторженнымъ «ура!» присутствующихъ, отошелъ на югъ, проходя 277 версту, всю украшенную до телеграфной будки разноцвѣтными флагами. По отходѣ Императорскаго поѣзда, въ скитской церкви былъ отслуженъ напутственный молебенъ о благополучномъ слѣдованіи Высокихъ Путешественниковъ земли русской. «Ю. К.»

— Въ день третьей годовщины чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ съ Августѣйшимъ Семействомъ отъ угрожавшей опасности при крушеніи Императорскаго поѣзда, 17 октября, совершена торжественная закладка часовни, сооружаемой у самой насыпи Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги. Пред-

видя большое стеченіе народа, въ особенности Харьковцевъ, въ мѣстѣ закладки часовни, управленіе Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги назначило на этотъ день нѣсколько особыхъ пассажирскихъ поѣздовъ отъ Харькова къ Спасову скиту и обратно. Одновременно съ тѣмъ Харьковская городская дума, желая доставить возможность всѣмъ желающимъ побывать въ Спасовомъ скиту, издала обязательное постановленіе о томъ, чтобы въ этотъ день всѣ торговыя и промышленныя заведенія въ городѣ были закрыты въ теченіе всего дня. вмѣстѣ съ тѣмъ городская дума рѣшила присутствовать во всемъ своемъ составѣ при закладкѣ часовни. Всѣ дворяне, присутствующіе въ настоящее время въ Харьковѣ, по случаю происходящаго тамъ очереднаго собранія дворянъ Харьковской губерніи, выразили единогласное желаніе принять участіе въ торжествѣ закладки часовни въ память 17 октября 1888 года.

Всѣ поѣзда, идущіе изъ Харькова на югъ, были переполнены тысячами народа, желавшаго помолиться на мѣстѣ крушенія. Множество должностныхъ лицъ, студентовъ университета, технологическаго и ветеринарнаго институтовъ, воспитанниковъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній прибыли въ Спасовъ скитъ и окружили мѣсто закладки часовни. До начала богослуженія прибывшіе внимательно разсматривали мѣсто крушенія Императорскаго поѣзда, Спасовъ скитъ и его церковь, строящійся храмъ и мѣсто для сооруженія часовни. Созидающійся храмъ весьма красивой архитектуры, очень просторный; сооруженіе его вчернѣ заканчивается; будущимъ лѣтомъ состоится его освященіе. Часовня будетъ сооружена на томъ мѣстѣ, гдѣ, послѣ крушенія, оказался полуразрушенный вагонъ-столовая. Для сооруженія ея изъ Кіевской губерніи выписанъ кіевскій желтый мраморъ. Судя по рисунку сооружаемой часовни, она явится весьма красивою. Наканунѣ въ церкви Спасова скита было совершено настоятелемъ Святогорскаго монастыря съ братіей торжественное всенощное богослуженіе при нѣни пѣвцовъ Спасова скита.

17 октября желѣзнодорожная платформа «Спасовъ Скитъ» и вся прилегающая къ ней насыпь полотна дороги съ раняго утра украсились флагами. Къ девяти часамъ въ скитъ собралось нѣсколько тысячъ крестьянъ изъ окрестныхъ селъ и деревень, телеги которыхъ длинной вереницей вытянулись вдоль лѣвой стороны полотна дороги и вокругъ ограды скита. Въ десять часовъ въ лѣтней церкви Спасова скита началась божественная литургія, которую совершалъ викарій Харьковской епархіи, преосвященный

Владиміръ, епископъ Сумской, въ сослуженіи съ настоятелемъ Харьковскаго Покровскаго монастыря, архимандридомъ Іосифомъ, игуменомъ Святогорскаго монастыря Вассіономъ, ректоромъ Харьковской духовной семинаріи протоіереемъ Іоанномъ Кратировымъ и ключаремъ Харьковскаго кафедральнаго собора священникомъ Тимофеемъ Буткевичемъ, при пѣніи хора архіерейскихъ пѣвчихъ.

Церковь и весь дворъ скита были буквально биткомъ набиты народомъ. Въ концѣ литургіи ключаремъ Харьковскаго кафедральнаго собора о. Тимофеемъ Буткевичемъ было прочитано слово высокопреосвященнаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, «О христіанскомъ уединеніи».

Послѣ литургіи въ церкви было отслужено молебствіе и совершенъ крестный ходъ къ подножію желѣзнодорожной насыпи, на которой ровно три года тому назадъ произошла катастрофа, повергнувшая въ ужасъ всю Россію. Здѣсь, послѣ прочтенія особыхъ, установленныхъ Св. Синодомъ для богослуженія 17 октября, молитвъ, была совершена закладка часовни, которая должна ознаменовать собою то знаменательное мѣсто, гдѣ Державный Хозяинъ земли Русской съ Своей Августѣйшей Семейей вышли цѣлыми и невредимыми изъ подъ груды обломковъ разбитаго въ дребезги Императорскаго вагона-столовой. На приготовленномъ для закладки мѣстѣ была сдѣлана каменная плита съ углубленіемъ, въ которое влито было масло и положены серебряныя деньги чеканки нынѣшняго царствованія. Въ эту доску, какъ въ футляръ, была вложена приготовленная металлическая доска съ соотвѣтственною надписью, которая затѣмъ была закрыта еще другою каменною плитой.

Текстъ надписи на доскѣ былъ слѣдующій: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Часовня сія сооружена въ память чудеснаго спасенія отъ смертной опасности Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра III, Супруги Его Благочестивѣйшія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ, Великихъ Князей: Наслѣдника Цесаревича Николая, Георгія и Михаила Александровичей и великихъ Княженъ Ксеніи и Ольги. Александровнъ, при крушеніи въ семь самомъ мѣстѣ насыпи желѣзной дороги Императорскаго поѣзда 17 октября 1888 г., на пожертвованія Харьковскаго губернскаго земства, города Харькова и усердствовавшихъ вѣрноподающихъ со всей Россіи. Часовня сія заложена 17 октября 1891 г., въ благополучное царствованіе Его Императорскаго Величества Государя Императора и Са-

модержца Александра III, при высокопреосвященномъ архіепископѣ Харьковскомъ и ахтырскомъ, Амвросіи, предсѣдателѣ строительнаго комитета, Харьковскомъ губернаторѣ, тайномъ совѣтникѣ А. И. Петровѣ и членахъ комитета по сооружеиію храма Христа Спасителя и сей часовни».

На торжествѣ присутствовали: начальникъ губерніи, вице-губернаторъ, представители административныхъ, сословныхъ и общественныхъ учрежденій, члены и секретарь комитета по сооружеиію храма и благотворительныхъ учрежденій на мѣстѣ событія 17-го октября, генералитетъ и чины военнаго и гражданскаго вѣдомства. Дворяне Харьковской губерніи, собравшіеся въ Харьковъ по случаю происходящаго въ настоящее время дворянскаго собранія, почти въ полномъ составѣ присутствовали при торжествѣ. Во время церемоніи закладки часовни, густыя толпы народа покрывали всю окружающую площадь, полотно дороги и отлогъ его. Народа была такая масса, что желѣзнодорожное полотно, у подножія котораго совершалась церемонія, представлялось живою стѣной. Несмотря, однако, на такую массу народа, не было ни давки, ни даже большой толкотни. Народъ съ видимымъ благоговѣніемъ относился къ совершаемой церемоніи и возсылалъ благодарственныя Господу Богу молитвы. Закладка окончена около часу дня.

Затѣмъ, во дворѣ скита и на площади, окружавшей его, происходило народное гулянье. На площади вытянулся длинный рядъ балагановъ и телѣгъ съ съѣстными припасами и сладостями. Густыя толпы народа покрывали всю площадь. Каждый старался припомнить всѣ подробности, при которыхъ произошло крушеніе Императорскаго поѣзда и было явлено чудо Господомъ, спасшимъ драгоценныя для русскаго народа жизни обожаемыхъ Царя, Царицы и Ихъ Семью. Здѣсь-же покупались книжки съ описаніемъ событія 17-го октября 1888 года и читались вслухъ грамотными крестьянами.

— 17-го октября въ Бахчисараѣ послѣдовало открытіе памятника-фонтана, воздвигнутаго таврическими магометанами въ воспоминаніе чудеснаго событія 17-го октября 1888 года. Форма фонтана памятнику придана потому, что исламъ запрещаетъ ставить какія бы то ни было статуи или фигуры. Кромѣ того, устройство водопроводовъ на знойномъ мусульманскомъ Востоцѣ считается дѣломъ богоугоднымъ. Новый памятникъ поставленъ на главной улицѣ города, около Триумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ въ 1787 г. при влѣздѣ императрицы Екатерины II въ древнюю столицу хановъ. Памятникъ возвышается въ видѣ четырехугольнаго столба среди

полукруглой площадки, сдѣланной въ придорожной скалѣ. Стѣны этой выемки облицованы бѣлымъ камнемъ и расписаны восточными арабесками. Самый фонтанъ — четырехугольный столбъ, вышиною около пяти аршинъ, бока его покрыты бѣлыми мраморными плитами, чередующимися съ плитами цвѣтнаго мрамора, въ томъ числѣ и краснаго, по которому золотыми лентами выются узорныя арабскія надписи. Одна изъ нихъ (стихъ корана) гласитъ: «Въ этомъ выразилось благоволеніе Аллаха», другая — приглашаетъ путника «испить воды благочестія» и призываетъ къ молитвѣ за Царя, третья — сообщаетъ, по какому случаю и когда воздвигнуть монументъ. Въ нижней части столба устроены водометы и жолобки для протока водяныхъ струй, которыя собираются въ обширные боковыя бассейны. Вершину столба украшаютъ мраморные ажурные узоры, благодаря которымъ весь памятникъ имѣетъ очень красивый видъ. На этихъ кружевахъ предполагается поставить бронзовыми золочеными буквами русскую надпись: «Боже, Царя храни». 1888 г. Ко дню открытія памятника приурочено торжество 400-лѣтняго юбилея бахчисарайскаго духовно-магометанскаго училища Зинджерли-медресе, основаннаго въ 1491 г. знаменитымъ Меягли-Гирей-ханомъ. Окончаніе четырехвѣковаго существованія ознаменовано для медресе тѣмъ, что оно первое изъ мусульманскихъ училищъ въ Россіи отбросило старую восточно-схолостическую форму преподаванія, и съ настоящаго года стало примѣнять современные правила педагогій, хотя преподаваніе все еще идетъ на татарскомъ, а не на русскомъ языкѣ. «С. О.».

— Въ «Смоленск. Епарх. Вѣд.» рассказанъ, со словъ сборщика подаянія на храмъ, слѣдующій случай: «Долго ходилъ я, собирая по немногу; лепта прибавлялась медленно; изо дня въ день отъ зари до зари ходилъ я по селамъ; ночлегъ когда найдешь въ деревнѣ въ избѣ или въ сараѣ, а когда и просто ночуешь въ полѣ. Однажды усталый легъ я подъ дерево, образокъ поставилъ на сучекъ, заснулъ, да и вижу сонъ. Святой угодникъ показываетъ мнѣ рукой на полдень и говоритъ: «Иди на Волгу въ Рыбну» (Рыбинскъ, Ярославской губ.). Добрался я до Рыбной — гдѣ пѣшкомъ, гдѣ на баркѣ, гдѣ на пароходѣ. Нигдѣ не останавливаюсь... Присталъ пароходъ въ Рыбной къ берегу. На берегу богатѣйшій соборъ. Я въ соборъ, На встрѣчу мнѣ отъ собора идетъ пожилая женщина, по виду купчиха, и спрашиваетъ: «Откуда ты?» Я скажешь. «Приди ко мнѣ на домъ. Я живу вотъ тамъ...» И указала на домъ возлѣ собора. Я пришелъ. Домъ большой, каменный. Про-

сила меня остаться отдохнуть и переночевать. На утро разспрашивала меня обо всемъ, а потомъ и говорить: «Вотъ тебѣ отъ меня лепта на построеніе храма... Начинайте съ Богомъ строить скорѣе. Тутъ сорокъ тысячъ...» И подала мнѣ сумму съ деньгами. Я повалился въ ноги... да такъ и заревѣлъ отъ радости. Она мнѣ сказала, что у нея дочь-невѣста недавно померла и завѣщала отдать свое приданое на построеніе храма первому сборщпку, который встрѣтится матери въ сороковой день.— «Вчера былъ сороковой день по голубушкѣ моей, я шла изъ церкви и вотъ тебя встрѣтила...» Когда я ей рассказалъ про свой сонъ, она удивилась, прослезилась и сказала: «Чего не хватить, доплачу; стройте храмъ высокій, пятиглавый, просторный, съ придѣломъ во имя святой мученицы Раисы (это имя ея дочери покойной). Колокола, утварь и облаченіе пришлю отсюда, а на освященіе храма сама прїѣду». Храмъ уже начать постройкою.

— Въ жизни покойнаго митрополита Кіевскаго, высокопреосвященнаго Платона, знаменательными числами являются 3 и 7. Такъ: въ 1803 году онъ родился; въ 1813 году поступилъ въ уѣздное училище; въ 1823 году онъ окончилъ курсъ въ духовной семинаріи и поступилъ въ духовную академію; въ 1833 году сдѣланъ второкласснымъ архимандритомъ; въ 1843 году хиротонисованъ во епископа; въ 1853 году награжденъ орденомъ Равноапостольнаго Св. Владиміра 1-й степени; въ 1863 году сдѣланъ членомъ Святѣйшаго Синода; въ 1873 году получилъ брилліантовую панагію изъ рукъ самого Императора Александра II; въ 1883 году былъ на коронаціи и сопрічисленъ къ ордену Св. Андрея Первозваннаго. Затѣмъ въ 1807 году началось обученіе преосвященнѣйшаго Платона грамотѣ; въ 1817 году онъ окончилъ курсъ училища; въ 1827 году кончилъ курсъ духовной академіи; въ 1837 году сдѣланъ былъ ректоромъ духовной семинаріи; въ 1857 году былъ назначенъ въ Одессу; въ 1867 году былъ переведенъ на Донскую кафедру; въ 1877 году назначенъ на архіепископскую кафедру въ Одессу. «М. В.»

— Газеты вспоминаютъ знаменательный изъ жизни митрополита Платона фактъ обращенія въ православіе покойнаго профессора Ореста Федоровича Миллера, который, родившись остзейскимъ нѣмцемъ, подъ личнымъ нравственнымъ вліяніемъ высокопреосвященнаго Платона, въ раннемъ юношескомъ возрастѣ, проникся симпатіями къ Русскому народу до того, что рѣшился перейти въ православіе и сдѣлался, какъ извѣстно, ревностнымъ привержен-

Этотъ фактъ дѣйствительно слѣдуетъ помнить. Тутъ, по замѣчанію «Моск. Вѣд.», въ личностяхъ отразилось важнѣйшее явленіе умственной жизни новѣйшей Россіи, тотъ переворотъ, который подъ прямымъ вліяніемъ Церкви произошелъ въ нашей «свѣтской» интеллигенціи. Это вліяніе часто можно прослѣдить прямо въ личностяхъ. Что вышло бы изъ Достоевскаго безъ покойнаго отца Макарія Оптинскаго, или изъ К. Н. Леонтьева безъ вліянія афонскихъ отцовъ?

— 9 октября мирно почилъ на 80 году жизни іеросхимонахъ Амвросій, старецъ Калужской Введенской Оптиной пустыни. Онъ былъ уроженецъ Липецкаго уѣзда, Тамбовской губерніи, происходилъ изъ духовнаго званія и назывался въ міру Александромъ Михайловичемъ Гренковымъ. Успѣшно окончивъ курсъ, онъ былъ оставленъ преподавателемъ при Тамбовской семинаріи и никто не думалъ, что онъ будетъ монахомъ, такъ какъ онъ въ юности былъ общительнаго, веселаго и живаго нрава. Но будучи уже учителемъ, онъ сталъ задумываться о призваніи человѣка, и мысль о полномъ посвященіи себя Богу стала все сильнѣе овладѣвать имъ. Не безъ труда и не безъ колебаній онъ рѣшилъ избрать иноческую жизнь и, чтобы никто не могъ отнять у него рѣшимости, за которую онъ боялся, Александръ Михайловичъ, не предваривъ никого, лѣтъ 25 отъ роду, не взявъ отпуску, тайно отъ всѣхъ, ушелъ изъ Тамбова за совѣтомъ къ старцу Иларіону. Старецъ сказалъ ему: «Иди въ Оптину и будь опытный». Уже изъ Оптины прислалъ онъ письмо епископу Тамбовскому Арсенію (впослѣдствіи митрополиту Кіевскому), въ которомъ просилъ извинить его за сдѣланный имъ поступокъ и излагалъ причины, побудившія его къ тому. Владыка не осудилъ его. Изъ своего уединенія отшельникъ звалъ къ себѣ одного изъ своихъ товарищей по ученію и по службѣ, ставшаго впослѣдствіи тоже Оптинскимъ іеромонахомъ, — и въ восторженныхъ словахъ описывалъ то душевное счастье, къ которому онъ приблизился. Въ Оптиной пустыни Александръ Гренковъ, пріявшій при постриженіи имя Амвросія, находился подъ руководствомъ извѣстнаго старца отца Макарія.

Предвидя какой свѣтильникъ готовится монашеству въ лицѣ молодаго инокъ и любя его, отецъ Макарій подвергалъ его тяжелымъ испытаніямъ, въ которыхъ закалилась воля будущаго подвижника, воспиталось его смиреніе и развились иноческія добродѣтели. Какъ близкій помощникъ отца Макарія и какъ ученый человѣкъ, отецъ Амвросій много потрудился въ переводѣ и изда-

ніи извѣстныхъ аскетическихъ сочиненій, которыя обязаны своимъ воскрешеніемъ Оптиной пустыни. По кончинѣ въ 1866 г., отца Макарія, отецъ Амвросій былъ избранъ старцемъ. Старецъ, руководитель совѣсти—это лицо, которому поручаютъ себя люди—міряне точно такъ же, какъ монахи—пщущіе спасенія и сознающіе свою немощь. Кромѣ того, къ старцамъ, какъ къ вдохновеннымъ руководителямъ, обращаются вѣрующіе люди въ трудныхъ положеніяхъ, въ скорбяхъ, въ часы, когда не знаютъ, что дѣлать и просятъ по вѣрѣ указанія: «скажи мнѣ путь мой, въ онъ же пойду».

Отецъ Амвросій отличался особенною опытностію, безграничною шириной взгляда, крѣпостію и незлобіемъ дѣтскимъ. Молва объ его мудрости росла, къ нему сталъ стекаться народъ со всей Россіи, а за народомъ пошли къ нему великіе и ученые міра. Къ отцу Амвросію пріѣзжалъ Достоевскій, былъ и графъ М. Толстой. Всякій подходившій къ отцу Амвросію выносилъ сильное, незабвенное впечатлѣніе; въ немъ было что-то дѣйствовавшее неотразимо.

Аскетическіе подвиги и трудовая жизнь уже давно изнурили въ конецъ здоровье отца Амвросія, но до послѣднихъ дней онъ никому не отказывалъ въ совѣтѣ. Великія таинства совершались въ его тѣсной келіи: здѣсь возрождались на жизнь, обезпечивались семьи, утихали скорби. Великими благодатными дарами былъ надѣленъ отецъ Амвросій. По его молитвамъ происходили чудесныя исцѣленія. Но особенно дивно дѣйствовалъ въ немъ даръ прозорливости. Множество случаевъ говорить о томъ.

Глубокая вѣра, высокая образованность, истинная христіанская любовь и милосердіе,—вотъ спутники этого свѣтлаго ума, лучами котораго могъ пользоваться всякій, кто желалъ утѣшенія, искалъ разумнаго совѣта, кто просилъ его святыхъ молитвъ. Никто не былъ имъ отвергнутъ: для знатнаго и простаго, богатаго и бѣднаго, о. Амвросій былъ все такой же внимательный, и также принималъ къ сердцу всѣ невзгоды каждаго. Этотъ согбенный, удрученный недугомъ благочестивый старецъ какъ бы въ душу проникалъ своимъ пронизательнымъ умнымъ взглядомъ; каждое слово сказанное имъ имѣло значеніе, глубокой смыслъ. И сколько людей ушли отъ него другими, направленными на свѣтлую, чистую дорогу! Какими ясными, простыми словами умѣлъ онъ убѣдить въ необходимости чаще вспоминать о будущей жизни и послѣднемъ воздаяніи каждому по дѣламъ его! Какъ сердечно просилъ онъ помнить, что во всякомъ званіи, во всякомъ положеніи можно быть

добрымъ, жпть по заповѣдямъ Спасителя, а не предаваться грѣху съ систематическою послѣдовательностью! Какое знаніе изгибовъ человѣческаго сердца звучало въ каждомъ его совѣтѣ! Вся окружающая его атмосфера, все около него дышало любовью, кротостью, смиреніемъ. И кто разъ побывалъ у него, тотъ неизгладимо уносилъ отъ него святое чувство благодати. Сколько людей приходившихъ къ нему съ истерзаннымъ, разбитымъ сердцемъ уходили отъ него вновь возрожденными къ жизни, освѣщенными, укрѣпленными! Сколько людей невѣрующихъ, приходившихъ къ нему изъ одного «любопытства», уходили отъ него истинными сынами Церкви! Сколько озлобленныхъ уходили примиренными и умиленными! Сколько сотенъ писемъ приходило къ нему ежедневно отъ тѣхъ, кто жаждалъ получить, хотя бы заочно, его совѣта и наставленія! Его тонкое и глубокое знаніе человѣческаго сердца, его удивительное умѣніе на каждый наболѣвшій, страстный, запутанный вопросъ дать поразительно простой, ясный, здравый и практической совѣтъ, освѣщенный свѣтомъ истиннаго православія, были по-истинѣ необыкновенны. Кристальная чистота и глубина его крѣпкой вѣры, неизсякаемый источникъ христіанской любви, который обильною струей билъ изъ его сердца, какая-то особенная дѣтски-радостная ясность и чудное спокойствіе, какой-то неизъяснимый словами ароматъ, которымъ было обвѣяно все существо его, [невольнo трогали, умиляли и привлекали къ нему всякаго, кому приходилось его видѣть...

Козельская Введенская Оптина пустынь, гдѣ жилъ покойный отецъ Амвросій, находится въ Козельскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, и расположена на берегу рѣки Жвиздры, въ огромномъ многовѣковомъ сосновомъ лѣсу.

Всякій, кому удавалось побывать въ этой обители, у «батюшки отца Амвросія», уносилъ на всю жизнь прекрасное, неизгладимое впечатлѣніе.

Пятьдесятъ малютокъ его пріюта для бѣдныхъ дѣтей, большею частью сиротъ, лишились въ немъ заботливаго отца, который ихъ кормилъ, одѣвалъ, давалъ имъ воспитаніе; этотъ пріютъ находится въ основанной имъ женской обители Шамордино, гдѣ теперь до 500 инокинь оплакиваютъ горькую утрату ихъ руководителя, ихъ любимаго отца, святаго старца. Между ними много лицъ съ высшимъ образованіемъ, много благороднаго дворянства и много бѣднаго темнаго люда; инья, познавъ всю суету свѣтской жизни, другія сраженныя нищетою и нуждой инья — цѣлѣномъ свѣтскимъ

— всѣ нашли себѣ пріютъ безсребренный, безобидный, тихую пристань около теплаго радушія, около безусловной доброты батюшки.

Великія милостыни текли отъ отца Амвросія всѣмъ нуждающимся. Но больше всего жертвовалъ онъ на свое любимое дѣтище—женскую Казанскую общину въ Шамардинѣ, въ 15 верстахъ отъ Оптиной, которой предстоитъ великая будущность. Тутъ онъ провелъ послѣдніе дни и скончался. Въ лицѣ покойнаго Оптинскаго старца, іеросхимонаха отца Амвросія, угасъ одинъ изъ великихъ народныхъ свѣтильниковъ Русской земли. «М. В.»

— «Руководство для сельскихъ пастырей» даетъ общую картину отрадныхъ признаковъ, по которымъ можно судить о значительномъ подъемѣ религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества за послѣднее время.

Сочувствіе, съ которымъ, говоря вообще, встрѣчено было учрежденіе церковно-приходскихъ школъ и съ какимъ слѣдятъ за ихъ ростомъ, интересъ, который и до сихъ поръ не перестаетъ возбуждать къ себѣ вопросъ о сохраненіи святости и покоя воскреснаго дня, возрождающаяся любовь къ древнему церковному пѣнію и вообще къ памятникамъ древняго церковнаго искусства, успѣхи общаго церковнаго пѣнія, внѣбогослужебныя собесѣдованія, усиливающееся участіе мірянъ въ религіозныхъ чтеніяхъ и вообще въ трудахъ духовенства, направленныхъ ко благу Церкви, возникновеніе и несомнѣнный ростъ различныхъ обществъ, преслѣдующихъ религіозно-нравственныя цѣли и носящихъ православно-церковный характеръ, оживленіе старыхъ и появленіе новыхъ церковныхъ братствъ, частые примѣры перехода молодыхъ людей изъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній въ духовныя, нерѣдкіе случаи принятія свѣтскими образованными людьми священства и даже монашества, глубокое волненіе, какое произвело недавно въ нашемъ обществѣ и въ нашей печати извѣстное самовольное лишеніе нѣкоторыми лицами изъ высшаго свѣта своего родственника обряда церковнаго погребенія, а затѣмъ впечатлѣніе, произведенное судебнымъ рѣшеніемъ даннаго дѣла, — эти и многія другія явленія нашей жизни достаточно говорятъ въ пользу мысли о религіозномъ пробужденіи Русскаго народа.

Сближеніе съ церковью является вполне сознательнымъ, естественнымъ стремленіемъ. Можно быть увѣреннымъ, что недалеко то время, когда невѣріе станетъ достояніемъ такихъ захолустныхъ мѣстъ нашего отечества, которыя по своей отдаленности отъ просвѣтительныхъ центровъ современной жизни часто не успѣваютъ

слѣдовать за современными движеніями наравнѣ съ представителями центровъ, и тогда оно будетъ у насъ злыть подъ именемъ «заноздалаго и отжившаго свой вѣкъ направленія», какъ еще недавно называлось, да и теперь еще называется направленіе мысли и жизни, защищающее вѣру въ Бога и церковь.

— Примѣръ такого «захолустнаго» невѣрія приводитъ газета «Вольныя». Недавно преосвященный Модестъ циркулярно пригласилъ священниковъ своей епархіи быть болѣе требовательными въ исполненіи церковныхъ правилъ прихожанами. Газета, какъ передаютъ «Моск. Вѣд.», жалуется по этому поводу на затруднительное положеніе священниковъ. Собственно народъ понимаетъ законность требованій и подчиняется имъ.

Не то бываетъ съ интеллигентнымъ людомъ, даже деревенскимъ. Какой-нибудь писарь, урядникъ уже не такъ легко поддаются законному, въ данномъ случаѣ, требованію священника.

Еще хуже съ лицами, занимающими болѣе высокое положеніе. Недавній случай въ одномъ изъ городовъ нашей губерніи подтверждаетъ сказанное нами. Пригласили священника окрестить дѣвочку-младенца. Въ воспріемницы была приглашена родителями новорожденнаго жена ближайшаго начальника, римско-католичка. Когда священникъ объявилъ, что не можетъ принять ее воспріемницей, то мужъ ея нанесъ священнику нежданное оскорбленіе, несмотря на то, что послѣдній былъ въ св. облаченіи. Онъ не позволительно кощунствовалъ. Въ подробности газета не вдается, а только лишь порицаетъ оскорбительное дѣйствіе, причиненное невинно православному священнику православнымъ чиновникомъ.

Явленіе въ высшей степени прискорбное. Остается пожелать, чтобы благонамѣренные люди энергически поддерживали священника въ подобныхъ столкновеніяхъ.

— На состояніи церковно-приходскихъ школъ разныхъ епархій, а также школъ грамоты, этихъ основныхъ народныхъ школъ, продолжаетъ отражаться недостатокъ средствъ. На этотъ предметъ, въ связи съ значеніемъ школъ, недавно обратилъ особенное вниманіе высокопреосвященный архіепископъ казанскій Павелъ, въ своемъ воззваніи о школахъ грамоты. Сколько религіознаго воодушевленія, говоритъ высокопреосвященный Павелъ, введется въ сельскую и деревенскую жизнь, когда церковно-приходскія школы и школы грамоты покроютъ сътыю обширную поверхность Россіи! Священники, по долгу своему обязанные заботиться о христіанскомъ воспитаніи дѣтей своего прихода, влечены законоу-

тели и инспекторы школъ, ихъ помощники и благочестивые грамотѣи—сотрудники ихъ; книги школьныя—въ складѣ при церкви, равно какъ здѣсь же и библіотека съ читальнею, и хоръ любителей церковнаго пѣнія; воскресныя бесѣды въ церкви и чтенія въ школъ,—все это вмѣстѣ не сдѣлаетъ ли приходъ живою народно-образовательною силою! По воскреснымъ днямъ—обмѣнъ книгъ изъ церковной и школьной библіотекъ, спѣвки въ школъ любительскаго хора, вечернія чтенія для взрослыхъ и вѣбогослужебныя бесѣды священника: какое прекрасное было бы препровожденіе воскреснаго дня! Если бы земскіе начальники, по своему положенію состоящіе членами отдѣленій епархіальнаго училищнаго совѣта, постарались учредить по одной образцовой церковно-приходской школъ и по нѣсколько школъ грамоты, то можно надѣяться, что изъ 150 тысячъ дѣтей, теперь не получающихъ школьнаго образованія, сразу убавилась бы половина, а вмѣстѣ съ тѣмъ подготовилось бы рѣшеніе давняго вопроса о всеобщей грамотности, такъ удобно разрѣшающагося вообще чрезъ учрежденіе дешевыхъ школъ грамоты.

— Весьма отрадно, что на содѣйствіе духовенству въ этомъ дѣлѣ со стороны земскихъ начальниковъ, а также и предводителей дворянства обращается особенное вниманіе нѣкоторыми начальниками губерній. Недавно ярославскій губернаторъ сообщилъ ярославскому высокопреосвященному, что онъ снесся съ губернскимъ и уѣздными предводителями дворянства и земскими участковыми начальниками, прося ихъ содѣйствія заботамъ духовенства на этомъ трудномъ поприщѣ. Губернаторъ просилъ именно предводителей оказать со своей стороны содѣйствіе этому благому дѣлу путемъ надлежащихъ указаній, въ чемъ представится случай, и нравственнаго воздѣйствія, какъ на отдѣльныхъ членовъ приходовъ, такъ и на цѣлыя сельскія общества, которыя нынѣ получили возможность по собственной инициативѣ открывать у себя школы грамоты, а также путемъ изысканія другихъ средствъ на открытіе школъ, что предоставляется различнымъ лицамъ и учрежденіямъ, согласно правиламъ о школахъ грамоты. Земскимъ начальникамъ были вновь указаны ихъ обязанности по званію членовъ уѣздныхъ отдѣленій епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ.

— Въ ярославской епархіи и со стороны епархіальнаго начальства приняты новыя мѣры къ усиленію средствъ содержанія церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. Въ прошломъ августѣ было предложено духовенству епархіи, главнымъ же обра-

зомъ приходскимъ священникамъ и благочиннымъ, приложить все стараніе къ повсемѣстному заведенію съ 1891—92 учебнаго года школъ грамоты, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 4 мая 1891 года правилъ, а также къ устройству церковно-приходскихъ школъ въ тѣхъ приходахъ, въ которыхъ ощущается въ нихъ настоятельная потребностъ, особенно же въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ. Въ сентябрѣ состоялось распоряженіе о средствахъ для этихъ школъ. Между прочимъ, рѣшено въ приходахъ, въ которыхъ уже существуютъ или будутъ открыты церковно-приходскія школы и въ коихъ количество церковной земли имѣется болѣе третной пропорціи (на одноклирный причтъ болѣе 33 дес., на двухклірный болѣе 66 дес., на трехклірный болѣе 99 дес.), отводить школамъ изъ этой земли участки для огородничества, садоводства и извлеченія другихъ выгодъ на содержаніе школъ. «Ц. В.»

— Одинъ изъ корреспондентовъ «Моск. Вѣд.» пишетъ изъ симбирской губ. относительно уѣздовъ курмышскаго, алатырскаго и ардатовскаго и письмо свое сопровождаетъ образцами хлѣба, которые, по словамъ редакціи, ужасны. Самъ корреспондентъ говоритъ: «Нужда здѣсь страшная, люди ѣдятъ то, что отказываются ѣсть животныя. Хлѣбъ, который я вамъ посылаю, готовится изъ лебеды съ примѣсью мякны и небольшого количества ржи; отвратительный на вкусъ, горькій и притомъ сыроватый, такъ какъ не пропекается вполнѣ, онъ составляетъ единственную пищу и стараго, и малаго въ семьѣ; получить другаго не откуда, посылать за милостыней—безполезно, ибо въ виду грядущей нужды отказываютъ въ подаваніи и тѣ, кто теперь пока еще имѣетъ кой-какіе запасы; невыносимо тяжело смотрѣть на дѣтей, питающихся подобнымъ хлѣбомъ. Вотъ гдѣ необходима помощь со стороны частной благотворительности,—на скорую помощь со стороны земства рассчитывать пока трудно до выполненія необходимыхъ къ тому формальностей, а между тѣмъ зима на дворѣ, а съ нею нужда еще болѣе увеличится».

— На ту же печальную тему о голодѣ въ «Казанскомъ Вѣст.» находится слѣдующее сообщеніе изъ нижегородской губерніи: «Народъ всюду тусклый» —такое характерное выраженіе занесено въ официальный отчетъ, который появится какъ результатъ статистическаго изслѣдованія наиболѣе пораженныхъ неурожаемъ мѣстностей названной губерніи. Крестьяне, даже имѣющіе въ наличности нѣкоторый запасъ ржи, нарочно подмѣшиваютъ ее лебедой, въ пропорціи двѣ трети лебеды и одна ржаной муки, чтобы, по ихъ

объясненію, «меньше ѣлось». Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ (напр., въ Сергачѣ) бывають теперь базары, когда мука ржаная достигаетъ утромъ цѣны 1 р. 70 к., а къ обѣду—ея не достанешь ни за какую цѣну. Трогательные факты сообщаютъ пріѣхавшіе изслѣдователи объ отношеніи крестьянъ къ своимъ лошадямъ во время недавняго сѣва. Такъ, крестьяне уступаютъ имъ жалкіе остатки пищи, желая сохранить скотъ до послѣдней минуты. Цѣны на лошадей понизились до крайности, до 2—3 руб.

— Правительство продолжаетъ принимать зависящія отъ него мѣры для помощи нуждающимся крестьянамъ. На дняхъ появился офиціальныи общій обзоръ сдѣланныхъ правительствомъ распоряженій. Вотъ это въ высшей степени важное заявленіе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣваетъ существовавшіа недоумѣнія относительно правильнаго распредѣленія пособій нуждающимся.

«Неурожай нынѣшняго года озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ во многихъ мѣстностяхъ имперія поставилъ земледѣльческое населеніе этихъ мѣстностей въ необезпеченное положеніе въ отношеніи народнаго продовольствія, разумѣя подъ этимъ не только удовлетвореніе потребностей по пропитанію, но и объѣменіе полей для будущаго урожая. Мѣстныя начальства и учрежденія, вѣдающія народное продовольствіе, своевременно, въ большей части случаевъ, выяснили значеніе бѣдствія, постигшаго населеніе, и дали возможность правительству пойти навстрѣчу народной нуждѣ. Благодаря принятымъ, вслѣдствіе сего, мѣрамъ, озимой посѣвъ произведенъ при благопріятныхъ условіяхъ и безъ значительнаго сокращенія площади посѣва. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ уже производится, на выданныя изъ государственнаго казначейства ссуды, заготовка яровыхъ сѣмянъ. Вмѣстѣ съ этимъ обращено особое вниманіе на сохраненіе въ странѣ хлѣбныхъ запасовъ и на обезпеченіе средствъ пропитанія наиболѣе нуждающейся части населенія. Для сего послѣдняго признано необходимымъ установитъ, на мѣстахъ, соотвѣтственные способы дѣятельнаго воспособленія нуждающимся, ограничивая въ то же время это воспособленіе предѣлами самаго необходимаго, дабы не обратитъ попечительную заботливость правительства о народныхъ нуждахъ въ потворство туеядству, ослабляющее производительныя силы страны. Съ этою цѣлію въ неурожайныхъ губерніяхъ: 1) образованы, подъ предѣтельствомъ губернаторовъ, особыя продовольственныя совѣщанія изъ представителей казеннаго и земскаго управленія; 2) привлечены къ дѣятельному участию въ дѣлѣ народнаго продовольствія, въ

помощь хозяйственнымъ учрежденіямъ, органы прочихъ частей мѣстнаго управленія, главнымъ образомъ — земскіе начальники; 3) рекомендовано образованіе земскихъ складовъ зерна и муки для продажи хлѣба по заготовительной и даже уменьшенной цѣнѣ; 4) преподаны правила объ условіяхъ продовольственнаго вспоможенія; 5) установлена дешевая перевозка продовольственнаго и сѣмяннаго хлѣба, а также кормовыхъ продуктовъ для скота; 6) разрѣшены въ казенныхъ и удѣльныхъ лѣсахъ пастба скота, собираніе валежника, хвороста, вѣтвей и листьевъ, и 7) усилены мѣстные заработки. Въ сихъ послѣднихъ видахъ, на работы по сооруженію московско-казанской и курско-воронежской желѣзныхъ дорогъ принимаются преимущественно пострадавшіе отъ неурожая; для нихъ же организуются работы по устройству шоссеиныхъ и ремонту грунтовыхъ путей. Удовлетвореніе указанныхъ продовольственныхъ нуждъ вызываетъ надобность въ значительныхъ денежныхъ позаймствованіяхъ изъ общихъ государственныхъ средствъ. Объ окончательномъ размѣрѣ необходимаго на сей предметъ кредита можно въ настоящее время составить лишь предположительное заключеніе. До сихъ поръ на сѣянные и продовольственныя нужды ассигновано по 18-ти губерніямъ 31,905,500 рублей. Кроме того, на общественныя работы, не считая лѣсоустроительныхъ и желѣзно-дорожныхъ, отпущено 1,125,000 рублей.

-- Два профессора Петровской академіи: гг. Кулешовъ и Шишкинъ, выступили въ «Моск. Вѣд.» съ новою статьею подъ заглавіемъ: «Безпроцентный заемъ при настоящемъ кризисѣ». Почтенные авторы рекомендуютъ «открыть повсемѣстную въ Россіи подписку на «безпроцентный заемъ въ пользу голодающихъ». Условія займа могутъ быть, примѣрно, слѣдующія: билеты этого займа должны быть цѣнностью въ 25, 100, 1000 и 5,000 рублей. На нихъ должно быть обозначено, что они хожденія наравнѣ съ деньгами не имѣютъ, что въ залоги могутъ быть принимаемы въ размѣрѣ 75 проц. ихъ стоимости, и что они будутъ оплачены правительствомъ полностью такого-то числа, мѣсяца и года (напримѣръ, черезъ 3 или 5 лѣтъ).

Объясняя преимущества этого займа передъ простыми пожертвованіями, гг. Кулешовъ и Шишкинъ говорятъ, что первое и самое важное преимущество предлагаемаго безпроцентнаго займа состоятъ въ томъ, что правительство въ короткій срокъ получитъ во много разъ большую сумму, чѣмъ та, которую въ самомъ благоприятномъ случаѣ могутъ дать безвозвратныя пожертвованія. Во

вторыхъ, получивъ разомъ большую сумму, правительство можетъ распорядиться ею несравненно цѣлесообразнѣе, чѣмъ растянутыми почти на цѣлый годъ пожертвованіями. Представляя всѣ означенныя преимущества, безпроцентный заемъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько не устраняетъ и безвозвратныхъ пожертвованій.

— По сообщенію газетъ, студенты С.-Петербургской духовной академіи согласились подаваемый имъ къ чаю бѣлый хлѣбъ до конца учебнаго года отсылать въ распоряженіе Общества оказанія помощи голодающимъ, существующаго при Казанскомъ соборѣ.

— Въ «Русской Жизни» сообщается слѣдующее объявленіе тамбовской управы: «Обыкновенно жителямъ, просящимъ милостыню, добрые люди подаютъ деньгами, которыя во многихъ случаяхъ проливаются. Дабы избѣжать послѣдняго, и въ виду голоднаго года, Тамбовская городская управа отпечатала книжки въ 10 и 20 листовъ, въ которыхъ значится, что каждая булочная выдаетъ бесплатно одинъ фунтъ хлѣба по каждому листочку, получая деньги по двѣ коп. за фунтъ (за листокъ) изъ городской управы. Книжки продаются въ управѣ по 25 и по 50 к. за каждую. Желательно, заканчиваетъ управа свое объявленіе, чтобы жители города Тамбова подавали милостыню хлѣбомъ, а не деньгами».

Несомнѣнно, было бы полезно и повсюду ввести эту разумную мѣру.

— Мысль объ организаціи помощи духовенству въ нынѣшнемъ по истинѣ бѣдственномъ году чаще и чаще проскальзываетъ въ органахъ епархіальнаго духовенства и видимо занимаетъ его сильно, что и понятно. По справедливому замѣчанію, сдѣланному на дняхъ въ «Екатеринб. Еп. Вѣд.», духовенство, поставленное въ своемъ продовольствіи въ прямую зависимость отъ крестьянскаго кошелька, болѣе, чѣмъ всякое другое служилое сословіе, несетъ тяготу отъ неурожаевъ и другихъ народныхъ бѣдствій, съ той разницей отъ крестьянства, что послѣднему помогаетъ земство и правительство, а духовенство предоставлено собственной самопомощи. Относительно нынѣшняго матеріальнаго положенія духовенства въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ екатеринбургской епархіи сообщаются свѣдѣнія, отчасти аналогичныя со свѣдѣніями изъ другихъ неурожайныхъ мѣстностей. Въ настоящее время на доходы и добротныя дайнѣя надѣяться нельзя, такъ какъ многіе прихожане разошлись искать заработковъ, а оставшіеся рассчитываютъ на ссуды; собственное хозяйство духовенства не возвратило сѣмянъ, и полученнаго отъ умолога тощаго, жалкаго зерна у многихъ достанетъ

не дальше января. Чѣмъ кормиться дальше—Богъ вѣсть; не сѣять тоже нельзя, потому что нынѣ только свое хозяйство и можетъ что-нибудь дать. Цѣна на хлѣбъ и теперь до 1¹/₂ рублей. Безъ большихъ лишеній могутъ прокормиться и посѣять только тѣ изъ духовенства, которые успѣли сдѣлать нѣкоторый запасъ въ доброе старое время; остальнымъ грозитъ ликвидація хозяйства, а за нею разореніе. Въ виду вопіющей нужды, считается благовременнымъ и необходимымъ нынѣ же созвать окружные съѣзды духовенства, на которыхъ точнѣе выяснить размѣры нужды въ духовенствѣ, и, гдѣ есть возможность, употребить на ссуды (по крайней мѣрѣ на покупку сѣмянъ) имѣющіеся въ кассахъ капиталы, съ такимъ % за ссуды, который, не обременяя ссужаемыхъ, не лишитъ бы кассы возможности исполнять свое главное значеніе—давать пособіе сиротамъ и престарѣлымъ. Гдѣ нѣтъ кассъ или онѣ пусты, тамъ съѣзды выяснятъ нужду духовенства, и попечительное начальство, зная размѣры таковой, будетъ имѣть возможность озаботиться оказаніемъ необходимой помощи. «Ц. В.»

— Въ настоящее время начинаютъ уже слышатся жалобы на печальную участь, которая постигаетъ выдаваемые крестьянамъ продовольственные ссуды. Дѣло доходитъ до того, что полученная помощь, по словамъ нѣкоторыхъ «свѣдущихъ людей», тотчасъ же проливается въ кабакахъ. Такія жалобы раздавались всегда и въ предшествовавшіе неурожаи. Стоитъ только кому-нибудь пропить ссуду, какъ уже со всѣхъ сторонъ раздаются сѣтованія на общее пьянство, дѣлающее продовольственную помощь недостигающею своей цѣли. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что вредное значеніе кабаковъ въ такіе годы, какъ нынѣшній, сказывается особенно сильно. Вслѣдствіе этого значительная часть земствъ обратилась къ правительству съ ходатайствомъ о закрытіи кабаковъ въ тѣхъ селеніяхъ, которымъ выдана ссуда.

— Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ починъ въ этомъ дѣлѣ берутъ на себя священники. Такъ, въ Одесскую уѣздную земскую управу, по словамъ «Новороссійскаго Телеграфа», поступило заявленіе священника села Ранжено (Одесскаго уѣзда) о необходимости закрытія, хотя бы только на одинъ годъ, кабаковъ въ деревняхъ его прихода—Любополѣ и Шишеовкѣ. Кабаки эти, при настоящихъ дѣственныхъ условіяхъ неурожая, въ конецъ разоряютъ крестьянъ, и закрытіе ихъ, по словамъ болѣе благоразумной части жителей названныхъ поселеній, было бы истиннымъ благодѣяніемъ для крестьянскихъ семействъ, едва сводящихъ концы съ концами.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ МІРЪ ВЪ ЧЕЛОВѢКѢ.

Н. А. Жарышева.

Москва, 1891. Цѣна 1 руб. 25 коп.

„БЛАГОВѢСТЪ“

повременное изданіе, имѣющее цѣлью выясненіе духовно-правственныхъ стремленій и задачъ и бытовыхъ условий жизни Россіи и остальнаго Славянства, издается съ 15 Августа 1890 г. подъ руководствомъ Ае. Васильева. Сотрудники Н. П. и Ѳ. П. Аксаковы, С. Ѳ. Щараповъ, А. Г. Сахарова, Н. Н. Филипповъ, К. И. Одынецъ, Л. М. Медвѣдевъ, А. А. Коринфскій и др. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна: за годъ съ дост. и перес. пять р. Подписка принимается: съ 1 Авг. 1891 по 1 Авг. 1892 г. цѣна пять р. и съ 1 Авг. по конецъ года ц. два руб. „Благовѣстъ“ за 1890 г. съ руководящими статьями: Ае. Васильева—Задачи и стремленія Славянофильства, и Н. Аксакова—Причины новѣрія,—высылается за два рубля.

Кормило (редакція) изданія: Петроградъ, Пет. стор., Большой пр. д 1. Отдѣленіе при Русско-славянскомъ нижнемъ складѣ: Невскій 74. Подписка принимается также въ книжныхъ лавкахъ „Новаго Времени“ и кромѣ того въ Москвѣ: у Н. Печковской, Петровскія лин. и у И. Ф. Палкова Тверская, Чернышевскій переулочъ.

21 выпускъ „БЛАГОВѢСТА“ содержитъ: 1) Критика и исторія въ описаніи земн. жизни Господа нашего Иисуса Христа Абб. Дидона.—2) Желанные гости Ае. Васильева.—3) Демьянъ Куденевичъ. Переяславская быль XII вѣка. Стих. Ѳ. Аксакова.—4) Къ характеристикѣ народн. чтеній. Назанца.—5) „Вижу-ли колосъ къ землѣ изгибается“. Стих. Я. Егорова.—6) Гайдукъ Иванъ. Разказъ Дж. Турича. Перев. съ хорватскаго Н. Филиппова.—7) Слетъ чешскихъ „соколовъ“ въ Прагѣ. 1. Т-ка.—8) По поводу XIII тома сочиненій графа Л. Н. Толстого. Н 4.—9) Венгерская полиція въ Воеводинѣ и сербы. Мил. Мар—нича.—10) „Въ минуту сомнѣній и горькихъ скорбей...“ Стих. Л. Медвѣдева.—11) Положеніе русскаго дѣла въ Польшѣ. Письмо Л. Н.—12) О новыхъ книгахъ.

22 выпускъ „БЛАГОВѢСТА“ отъ 15 августа содержитъ: 1) Преп. Сергій Радонежскій, всея Россія Чудотворецъ. По поводу предстоящаго 500-лѣтія его блажен. кончины. Ѳ. Четырнина.—2) Критика и исторія въ описаніи земн. жизни Господа нашего Иисуса Христа Абб. Дидона.—3) Привѣтствія Королю Сербскому Александру.—4) „О не горите меня“... Стих. Л. Медвѣдева.—5) Угорская Русь Ѳ.—6) О старомъ и новомъ славянофильствѣ Н. Аксакова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

(3-й годъ издани)

за общепонятно-научный, иллюстрированный еженедѣльный журналъ

„НАУКА И ЖИЗНЬ“

Единственный въ Россіи журналъ, дающій возможность спеціалистамъ слѣдить за успѣхами всѣхъ отраслей точнаго знанія.

Текстъ иллюстрируется роскошными гравюрами, изъ коихъ многія исполнены въ Парижѣ. Въ годъ дается до 500 гравюръ.

Выходить еженедѣльно, по субботамъ, каждый № въ два печатные листа на превосходной веленовой бумагѣ.

Подробная программа журнала:

1) Общепонятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложенія наукъ къ практической жизни и промышленности; открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія. 2) Медицина (особенно гигиена), сельское и домашнее хозяйство, лѣсоводство. 3) Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; библіографія. 4) Научныя игры и развлечения; задачи; почтовый ящикъ. 5) Всякіе рисунки, относящіеся къ тексту. 6) Объявленія.

Согласно увѣдомленію Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ 1 мая 1891 г., за № 7669, журналъ „НАУКА И ЖИЗНЬ“, ученымъ комитетомъ сего Министерства „Одобрень для ученическихъ (старшаго возраста) библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

Въ будущемъ 1892 году предполагаются значительныя улучшенія и измѣненія, съ цѣлью сдѣлать текстъ еще болѣе общепонятнымъ, безъ ущерба строго научному направленію. Отдѣлъ сельскаго хозяйства значительно расширится, съ цѣлью избавить небогатыхъ подписчиковъ отъ выписки дорогихъ и непонятныхъ, по спеціальному изложенію, журналовъ.

Оставшіеся за 1890 годъ полные экземпляры высылаются по уменьшенной цѣнѣ—за три рубля.

Новые подписчики на 1891 годъ получаютъ съ № 1.

**Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ ПЯТЬ
на полгода ТРИ рубля.**

№ для ознакомленія высылается за двѣ 7 коп. почтов. марки.

Адресъ: Москва. Въ редакцію журнала „Наука и Жизнь“ (Малая Дмитровка, д. Шильдбагъ).

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.